

Николай Константинович Рерих
(1874–1947)

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

О.А. Лавренова

**НИКОЛАЙ РЕРИХ:
ПУТЬ К ВЕРШИНАМ**

**МОСКВА
2024**

УДК 75 (092) + 130.1
ББК 85.143(2)-8 + 87.3(2)6
Л 13

Научные рецензенты:
Герасимова И.А., доктор философских наук
Синявина Н.В., доктор культурологии

Печатается по решению ученого совета ИНИОН РАН

Л 13 **Лавренова О.А.**
 Николай Рерих: путь к вершинам / ИНИОН РАН. –
 Москва, 2024. – 272 с., ил.

ISBN 978-5-248-01098-1

В книге освещаются разные аспекты жизни и творчества Николая Константиновича Рериха, великого художника, мыслителя, выдающегося общественного деятеля, ученого, путешественника, просветителя. Его грандиозный общественно-культурный проект Пакт Рериха и Знамя Мира, посвященный защите культурных ценностей, раскрывает возможности деятельного воплощения в социальную материю высокой философии культуры и чрезвычайно актуален в современном мире. Этот проект, как и вся его деятельность, опирался на философское учение Живой Этики. Его Центрально-Азиатская и Маньчжурская экспедиции были многозначны и нацелены на решение множества задач, лежащих в историческом и внеисторическом времени. Его научная деятельность, начиная от археологии и заканчивая междисциплинарным проектом Института гималайских исследований «Урувати», до сих пор служит концептуальным и методологическим источником для заинтересованных ученых. Будучи путешественником и художником, Н.К. Рерих создал свои уникальные геокультурные образы Европы, Индии, Средней Азии и России, которые раскрывают их глубинные историко-культурные смыслы.

УДК 75 (092) + 130.1
ББК 85.143(2)-8 + 87.3(2)6

СОДЕРЖАНИЕ

Жизненный путь и Живая Этика	6
Пакт Рериха	16
«Разворачивая Знамя Мира и Культуры». Первая и	
Вторая конференции Пакта Рериха в Брюгге.....	18
«Мир мыслит о мире». Третья конференция Пакта Рериха	
и Знамени Мира	24
Подписание Пакта Рериха.....	32
Концепция культуры Н.К. Рериха и ноосферная реальность	37
Центрально-Азиатская экспедиция	48
Маршрут	50
«Научные рекогносцировки» в условиях политической	
нестабильности	54
Идея Общины в Живой Этике	58
Проекты культурного строительства в условиях	
советской реальности.....	66
Значение экспедиции	70
Путешествие в контексте семиосферы	74
Знаки на пути.....	84
Картография	87
Маньчжурская экспедиция	91
Ботаника и политика	92
Дневник Мастера	104
«Архипелаг Россия».....	111
«Самоотвержение зла».....	118
Кооперативное строительство	131

Вехи науки будущего.....	148
Ученый и организатор науки.....	148
Переписка с учеными.....	153
Институт «Урусвати».....	161
Цвет и слово.....	171
Философия духовного цвета в Живой Этике	171
Символика и чувство цвета в творчестве Мастера.....	176
Космическая эссеистика.....	180
Образы мира и философия геокультурного пространства.....	193
Философия ландшафта: пересечение инобытийного и реального пространств	194
Сокровенные Гималаи	201
Образы мира	212
Образ России	222
Светочи	224
Заповедная Страна	228
Заветы культуры и православные святыни	230
Великая Отечественная война	235
Список литературы	238
Архивные материалы.....	249

В 2024 г. исполняется 150 лет со дня рождения великого русского художника, мыслителя, путешественника, общественного деятеля, публициста и просветителя Николая Константиновича Рериха. Его творчество вдохновило меня на исследовательскую деятельность на протяжении более четверти века и было во многих жизненных перипетиях путеводной звездой.

Биография Н.К. Рериха была написана и опубликована в серии «Жизнь замечательных людей» ведущими исследователями-рериховедами П.Ф. Беликовым [1973] и Л.В. Шапошниковой [2023]. Поэтому данная книга не ставит целью новое осмысление биографии Мастера, но, вдохновляясь этими монументальными трудами, лишь освещает некоторые аспекты его жизненного пути и творчества.

Книга создана на основе уже публиковавшихся исследований автора.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И ЖИВАЯ ЭТИКА¹

Николай Рерих известен не только как художник, но и как культурный водитель и личность, чье имя произносится с уважением как в западных, так и в восточных культурных кругах, не только среди белых, но и желтых рас. Интеллигентности его духа присуща истинно универсальная амплитуда, поле его деятельности идей изумительно широко и благозвучно. Нас в личности Рериха особенно привлекает то, что он не является просто мыслителем-проповедником или мечтателем, он не провозгласил ни одной идеи, которую невозможно было бы реализовать и для осуществления которой он уже не клал бы первые непоколебимые основы. Он создал множество мощных начинаний, культурных учреждений и единений, которые своим монументальным строением заставляют нас вспоминать великих исторических строителей.

Рихард Рудзитис

Николай Константинович Рерих – одна из самых ярких и масштабных личностей в замечательной плеяде русских мыслителей и художников первой половины XX в. Его предшественники – Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Вл. Соловьев, С. Булгаков, Н. Бердяев – писатели и философы-гуманисты, открывшие миру духовный космос. После Великой Октябрьской революции, когда наступил коллапс для философских обществ и искателей истины, стал вопрос о развивавшемся в тот период симбиозе революционных, имперско-либеральных и демократических идей и направлений – миражи различных утопий и иллюзорных построений были сметены грозными событиями. Рерих, оказавшийся в то время за пределами страны, продолжил творить во имя просвещения и спасения – и в самом утвердительном характере его творчества была философия надежды, на которую опирались потом многие соотечественники.

¹ Использованы материалы статьи [Лавренова, 2000].

Перих был достойным продолжателем линии русской духовной философии и во многом превзошел своих учителей. Он гармонично соединял в своем творчестве самые разные области интеллектуальной и духовной деятельности. Он был художником, писателем и поэтом, ученым и путешественником, общественным деятелем и глубоким мыслителем-космистом. Все грани его творчества взаимосвязаны. Его живописные полотна являются воплощением философского мировоззрения, так же как очерки и стихи, его литературные произведения – живопись словами.

Масштаб личности и широкоохватность сфер его деятельности становятся понятны только сейчас. Его живопись несла в мир нездешнюю красоту гималайских высот и иных миров. Его философско-литературное творчество было нравственным врачеванием человечества, пробуждением от сна обыденности и пошлости. Его жизнь была подвигом творца культуры и общественного деятеля. Своими идеями он создавал «историю помимо историков», закладывал те самые вехи и такие уровни понимания истории и культуротворчества, на которых будет строиться гуманистическое общество будущего. Историк и археолог, совершивший несколько экспедиций по России, Центральной и Восточной Азии, он был знатоком русской, азиатской и европейской культур и большую часть жизни посвятил поиску их единых исторических корней.

Что его существенно отличало от других деятелей русской культуры того времени – он не был отвлеченным мечтателем, а создал несколько глобальных проектов, таких как Музей Периха и Мастер-институт объединенных искусств в Нью-Йорке, Пакт Периха или Международный договор о защите художественных и научных учреждений и исторических памятников, и пытался осуществить не менее грандиозные культурно-общественные бизнес-проекты на Алтае, в Маньчжурии и Внутренней Монголии.

В своих размышлениях и исканиях он не был одинок, это был тот счастливый случай, когда супружеский союз является также союзом духовным и творческим. Его жена и другиня Елена Ивановна Перих (урож. Шапошникова) была уникальным философом и не только поддерживала мужа во всех его начинаниях, но и вдохновляла многие из них. Два их сына – Юрий Николаевич и Святослав Николаевич тоже стали великими людьми, внесшими свой вклад в расширение горизонтов познания человечества и в сближение культур Востока и Запада.

Главный результат их сотворчества – философское учение Живой Этики, которое ведущий периховед современности

Людмила Васильевна Шапошникова (1926–2015) назвала «философией космической реальности». Это учение зиждется на глубинном синтезе философии и культуры Востока и Запада, Индии и России. Взаимопритяжение культур этих двух стран было особенно сильным на рубеже XIX–XX вв., и крупнейшие деятели русской и индийской культуры внесли свой вклад в сближение двух, казалось бы, непохожих миров.

Взаимодействие культур России и Индии подготовило почву для такого глубинного проникновения русских людей в культуру Индии, какое было совершено супругами Рерихами, а затем их сыновьями, Юрием и Святославом. Рерихи подняли это взаимодействие на качественно иную ступень, вошли в соприкосновение с древнейшей духовной традицией Востока, исходящей из священных мест, обителей легендарных Мудрецов [Шапошникова, 1997].

Из этого древнего Источника Николаем Константиновичем и Еленой Ивановной Рерих с великой бережностью и тонким пониманием были почерпнуты глубочайшие знания и создан уникальный философский труд, известный под названием «Живая Этика», или «Агни Йога», ставший концептуальной основой творчества всех членов этой замечательной семьи. Идеи Живой Этики, первые тома которой были опубликованы в 20-е годы XX в., удивительным образом перекликались с новыми естественно-научными и философскими концепциями того времени. Особенно – с мыслью русских космистов о взаимодействии человека, Земли и Космоса, предвосхитившей открытия науки будущего.

И по словам Л.В. Шапошниковой, «Живая Этика, возникшая в духовно-культурном поле планеты Земля в 20-е годы прошлого века, вполне поддается научному анализу, определению ее гносеологических корней, методологии и того космического мироощущения, которое она несет в своих текстах, в основных постулатах и, наконец, в своей системе познания. Возникает вопрос, почему именно Рерихи, Николай Константинович и Елена Ивановна, оказались причастными к созданию этой философской системы. <...> В пространстве их творчества оказались те умения и способности, которые составили главные направления гносеологии самой Живой Этики. Красота, мысль, искусство, наука – все это слилось в гармоническом синтезе, в едином творчестве этих двух, идеально дополнявших друг друга людей. Оба обладали тем расширенным сознанием, которое давало им возможность глубоко вникать в самые сложные процессы космической эволюции и использовать

метод свидетельства при соприкосновении с реальным духовным источником. Высокая духовность обоих Перихов позволила донести информацию, которую они получали из этого источника, в неискаженном и неизвращенном виде» [Торосян, Дробязко, 2014, с. 186–190].

Парадигматическая значимость этого философского учения стала понятна только несколько десятилетий спустя, во многом опять же благодаря Л.В. Шапошниковой, которая смогла систематизировать заложенную в эти тексты новую методологию познания. С тех пор в современной науке стали обсуждать научную значимость Живой Этики. Особенно это актуально в ситуации «кризиса науки».

По мнению многих авторитетных ученых, современная фундаментальная наука перестала снабжать культуру новыми смыслами. «Сегодня научные открытия встречаются с безразличием или даже со страхом, а технические прорывы связываются лишь с потребительским спросом. Переход от идеалов “светоносной” науки к “плодоносной”, достигнув своего пика в наше время, заставляет все больше задуматься не о кризисе науки или даже “конце науки”, провозглашенного Дж. Хорганом, а о кризисе или даже конце цивилизации» [там же].

В философии русского космизма уже почти столетие назад заложены новые культурообразующие смыслы, которые ждут своего часа, но пока они не востребованы обществом в достаточной мере. Ответы на многие «проклятые вопросы» современности можно найти, если обратить внимание на философское наследие наших великих соотечественников – Перихов и других мыслителей-космистов – не только как на тексты в историко-философском дискурсе, но и как на источник продуктивных идей.

Живая Этика состояла из четырнадцати книг [Учение Живой Этики: Листы Сада Мории, 1 и 2 ч., Община, Агни Йога, Мир Огненный, 1–3 кн., Иерархия, Сердце, АУМ, Братство, ч.1, Братство, ч. 2. Надземное, 1–3 кн.].

Живая Этика, созданная век назад и благополучно пережившая испытание временем и востребованностью, относится к великим текстам человечества, которые наполняют мир высокими идеями и ценностями, одухотворяют культуру, помогают сформировать новое мировоззрение. Классическая триада эволюции мировоззрений в истории человечества по Огюсту Конту – мифологическое, религиозное, научное, – по мысли исследователя творчества Перихов и философа истории Л.В. Шапошниковой,

должна быть дополнена качественно новой ступенью – мировоззрением космическим, которое отличается от позитивистского позицией наблюдателя. Человек «вовнутряет» космос (определение известного поэта и философа К. Кедрова), ощущает себя причастным не только Земле, но и Вселенной.

Тексты в культуре имеют свою иерархию не только по степени значимости и долговременности воздействия, но также – по способу передачи информации, обмена ею с читателем и взаимообмена в ряду других текстов (дискретному и недискретному).

«Недискретные тексты», которые, по мысли Ю. Лотмана, принадлежат к сфере мифологий (т.е. несут в себе сакральные смыслы) и «дешифруются на основе механизма изо- и гомеоморфизма, причем огромную роль играют правила непосредственного отождествления, когда два различных, с точки зрения дискретной дешифровки, текста рассматриваются не как сходные в каком-либо отношении, а в качестве одного и того же текста» [Лотман, Минц, 2002, с. 728–729]. Соответственно, такие тексты могут рассматриваться как некое смысловое и сущностное единство, обладающее Единым Сюжетом [там же, с. 729]. Можно говорить о развернутых семиотических системах разных духовных традиций как о недискретных текстах, восходящих к Единому Сюжету, первоисточнику, имеющему непосредственное отношение к трансцендентным уровням Бытия, мирам более высоких, духовных измерений.

Это философское учение – кладезь новых смыслов, идей, подходов и методов – может быть использовано для формирования новой мировоззренческой и научной парадигмы.

Во-первых, по энергетическому, инновационному, этическому, аксиологическому потенциалу Живая Этика занимает особое место среди философских доктрин. Ее **мировоззренческий потенциал** огромен, это учение, которое при должном приложении способно организовать сферу гуманитарной науки.

Во-вторых, синтетичность Живой Этики как способа философской рефлексии и ее гибкость, ее насыщенность смыслами позволяет ей при должном понимании и использовании взять на себя **коммуникационную функцию**. Это очень важно в современном мире, который представляет собой пространство всевозможных информационных взаимодействий. Чрезвычайно востребованы коммуникации между науками и между различными научными отраслями, между наукой и духовной традицией, между наукой и культурой, между традициями научной мысли и культурными традициями Востока и Запада. И синтетичность стиля мышления

Живой Этики как нельзя лучше позволит ей выполнить эту функцию, если она широко войдет в научный оборот.

В-третьих, важен **культуротворческий потенциал**. В этом философском учении содержатся принципы построения нового общества, «зерна» качественных изменений социальной материи. Идея общины, от которой полностью отказался современный мир после неудачных экспериментов построения социализма, в Живой Этике обоснованно показана как путь построения нового общества и как способ преодоления современных кризисов. Показаны и пути преодоления тех самых ловушек и сблазнов, которые завели в тупик социалистический эксперимент. Духовность, свобода и непредубежденное познание рассматриваются как основные принципы, краеугольные камни построения общины – именно эти принципы и были изначально отвергнуты в советском историческом эксперименте длиной в семьдесят лет.

В-четвертых, в современном мире уже стало неопровергимым фактом личностное познание, к которому и классическая, и постнеклассическая науки все еще не знают, как относиться. Очень много фальсификаций, из-за которых существует практика его полного отрицания, создания комиссий по лженауке и т.п. И в этой, казалось бы, патовой ситуации Живая Этика предлагает **критерии верификации** этого способа познания, которые позволяют отделить зерна от плевел – это красота и эволюционность, что согласуется с тенденциями современной науки, где идет смещение акцентов с познания на проектирование и конструирование реальностей, ставится проблема ценностей, гармонии (красоты), гармонизации биосфера и техносферы (экотехносфера). И эти критерии можно использовать в дальнейшем для того, чтобы личностное познание было действительно востребовано и адекватно использовано наукой. В таком ключе также можно говорить о соединении науки и искусства в творчестве.

В-пятых, Живая Этика обладает мощным **когнитивным потенциалом**. Это философское учение фактически направляет сознание и помогает ему адаптироваться в духовном мире, является ключом к сферам нуменов, предлагает новые методы и инструменты познания. В современной постнеклассической науке есть учение о сложных системах, где говорится о том, что систему невозможно понять изнутри. Об этом можно рассуждать в категориях философии сложности, где дискутируется проблема наблюдателя локального, наблюдателя второго порядка. Для того чтобы система была понята, к ней нужно подойти с каким-то вопросом извне, с

каким-то контекстом. Правильно заданный вопрос уже сдержит в себе пятьдесят процентов ответа. Мы можем и должны ставить свои вопросы, подходить со стороны других систем, например попытаться исследовать Живую Этику текстологическими, лингвистическими методами, пытаться расшифровать ее текстовые коды, подходить с позиции структурного анализа, контекстного анализа и т.п. И чем больше мы будем задавать вопросов, тем больше она будет давать ответов, чем глубже и правильнее будет задан вопрос – тем более интересным и даже ошеломляющим будет результат. С другой стороны, ни одну духовно-философскую систему невозможно понять, не пройдя предложенным в ней путем, т.е. изнутри. И Живая Этика предлагает путь духовного познания, сонастраивая сознание, подготавливает его к утонченному восприятию, обучает тому, как приобщиться Истине и облечь ее искру в материю научного текста. Каждущееся противоречие снимается пониманием синтетичности Живой Этики как философской системы, которая включена во всеобъемлющую систему мировой философии и потому открыта к вопросам извне, но также представляет собой последовательный путь саморазвития, который доступен к его прохождению.

Современная наука начала использовать потенциалы Живой Этики, чтобы магнит мысли этой философской системы смог полноценно действовать в научном и культурном пространстве. И пример в таком подходе показали сами Перихи, чье творчество опиралось на эти философские положения, развивало, иллюстрировало и популяризировало их.

Великие тексты сейчас вполне обоснованно рассматриваются как основа «памяти культуры» и как геном культуры. «Любой процесс эволюции требует механизма наследования для передачи информации из поколения в поколение и выражение ее фенотипа в каждом поколении. Генетические механизмы наследования изучаются уже более ста лет, но механизмы культурного наследования изучены недостаточно. Священные тексты обладают свойствами, необходимыми для системы наследования. Они реплицируются через поколения с высокой точностью, воплощаются в действия нового поколения...» [Hartberg, Wilson, 2017, p. 178].

Каждый из великих текстов в той или иной степени меняет сознание человечества. Некоторые тексты имеют резонанс на тысячи лет. «Функция текста становится его социальной ролью» [Иванова, 2008, с. 71].

Живая Этика несет в себе философскую основу общественных движений, возникающих на ее основе и воплощающихся в

социальной реальности. В самом тексте заложены принципы последующей ее реализации в общественном сознании и идеи преображения общества через красоту и культуру. Например, «так Культура будет произнесена как единственная самозащита от разложения. Ныне можно стремиться лишь по этому направлению» [Учение... Мир Огненный, 1, §190]¹. Поэтому уже почти век создаются и активно действуют организации именно культурно-просветительского типа.

Самые первые из них создавались еще под руководством Н.К. Периха в 1930-е годы. Можно сказать, что художник и мыслитель воплощал в жизнь эти идеи последовательно, вдумчиво и бережно, опираясь на собственный жизненный опыт, в том числе на опыт путешествий. Они становились канвой и основой его новых начинаний. В начале XX в. он вместе с женой путешествовал «по городам русским», итогами стали многочисленные этюды древнерусских архитектурных комплексов. Впоследствии картины небрежения к архитектурным памятникам, которое он увидел на этом маршруте, побудили его создать международный документ в защиту культуры – Пакт Периха (Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников), 15 апреля 1935 г. его подписали 22 американские страны. Это документ, который впервые провозгласил, что «ценности культуры независимо от их принадлежности являются культурным достоянием всего человечества» [Куцарова, 2006, с. 255], подчеркивает роль общественности в деле сохранения культурного наследия. Идеи Пакта Периха продолжают развиваться в современном общественном сознании, так как они намного шире действующей Гаагской конвенции и предполагают защиту не только культурного наследия в военное время, но и в мирное время, а также культурных миссий и персонала. «Пакт Периха – это мечта глобального масштаба, предуказанный путь, движущая сила культурного пространства, поиск человеческой сущности», – так поэтически охарактеризовал его известный индийский ученый и общественный деятель Локеш Чандра [Чандра, 2006, с. 58].

Николай Константинович Перих не писал философских трактатов в обычном понимании, но тем не менее можно говорить,

¹ Здесь и далее при цитировании книг учения Живой Этики приводится не номер страницы, а параграф, поскольку это позволяет соотнести цитату с любым из изданий книг Живой Этики, которых с 1924 г. насчитывается более двадцати на разных языках.

что в своих книгах и эссе он создал стройную концепцию философии культуры, которая опирается на философию Живой Этики и пронизывает все его творчество. В его понимании культура – это не простая совокупность артефактов и текстов, но прежде всего – cult-Ur, «поклонение Свету». Культура – это проявление человеческого духа, и культурное наследие представляет собой созданную в веках лестницу к новым духовным восхождениям. «...Культура есть то прибежище, где дух человеческий находит пути к религии и ко всему просветительному и прекрасному» [Перих Н., 1995а, с. 81]. Он разработал новый понятийный язык философии истории, логично вытекающей из его концепции культуры – истории как этапов духовного становления человечества. Он говорил об истории помимо историков, о глубинных причинах исторических событий, лежащих вне социальной плоскости, – Л.В. Шапошникова сформулировала этот подход как концепцию метаистории.

В числе его книг – путевые дневники и размышления о культурном пространстве Центральной Азии, по которой он совершил несколько путешествий, таких как «Алтай–Гималаи», «Сердце Азии» и др. В этих книгах на основе «полевых наблюдений» он продолжает развивать свою концепцию культуры, показывая, как лучшие ценности объединяют людей в разных частях света.

Грандиозная Центрально-Азиатская экспедиция (1924–1928), которая была организована Музеем Периха в Нью-Йорке, стала кульминацией его творческого пути – на ее маршруте он был созвучен с сердцем Азии и строил мосты взаимопонимания, которые будут актуальны и через столетия.

Экспедиция в Маньчжурию и Внутреннюю Монголию в 1934–1935 гг. под эгидой Департамента сельского хозяйства США была посвящена поиску засухоустойчивых растений. Но параллельно Перих также разрабатывал проекты сельскохозяйственных и добывающих кооперативов, которые могли стать точкой кристаллизации культуры и экономики Маньчжурии и Внутренней Монголии. Обе экспедиции Н.К. Периха были связаны с намерениями и мечтами реализовать в социальной материи идею духовной, культурной и трудовой Общины, о которой достаточно развернуто сказано в Живой Этике.

Николай Константинович и Елена Ивановна стали президентами-основателями Института гималайских исследований «Урусвати», который возглавил их старший сын, уже всемирно известный востоковед Юрий Николаевич Перих. Миссией института было построение новой науки на основе философской концепции Живой

Этики. Институт отличал комплексный подход и дистанционные методы работы, которые станут мейнстримом спустя почти век.

И, конечно, на всех жизненных этапах Рериха главной его творческой задачей была живопись. Он прошел путь от модерна и символизма до космизма в живописи – визуального воплощения идей философии Живой Этики. Светоносные краски на его полотнах превращали земные пейзажи в отблески надземного мира, приоткрывали завесу тайны искушенным и неискущенным зрителям. Его сюжетные картины несли в себе метаисторическую весть [Шапошникова, 2013] – становились образами-предупреждениями или образами надежды. На некоторых полотнах были изображены образы великих духовных водителей человечества – Христа, Будды, Магомета, Моисея, Падмасабхавы и других, и символы высших духовных принципов, таких как Матерь Мира. Так же как в философию и историю он внес свой вклад новым пониманием философии культуры и метаистории, так же в живопись он привнес новое видение, новую оптику, новое цветовосприятие и новую образность.

Надо отметить, что периодически личность и творчество Н.К. Рериха вызывали нападки со стороны современников, и все эти идеи и обвинения заново запускаются в информационное пространство нынешнего времени. И тем и другим критикам Рерих не по росту, поскольку требуется конгениальность, чтобы проникнуть в чудо его величия и подвижничества на ниве культуры. В таких случаях сам Мастер показывает пример ответа таким измышлениям – он всегда отвечал с позиций культуры на нападки и попытки представить его самого как политика, мессию и проч., он пытался пролить свет и мудрость в тьму невежества и бескультурья.

Жизнь Рериха была подвигом человека, художника и мыслителя-историософа, давшего нам ответы, способные осветить перепутья русской судьбы и сумерки человеческой цивилизации. У истории есть свои ритмы, взлеты и падения. И в нынешних условиях имя и творчество Мастера, заново осмысленное, дает ответы на многие вызовы современности и показывает основы культуры будущего, простые, казалось бы, известные издревле, но снова и снова необходимые к усвоению: «“Слава в вышних Богу, а на земле мир, в человеке благоволение”. Торжественный день возносится в такое моление. Не о туманном чем-то утверждает оно. В нем выражены три основы: осознание высочайшее, мирное земное строение и благоволение как основа быта. Без этих трех основ строение невозможно; но предпослать их нужно не отвлеченно, а в полной и неотложной реальности» [Рерих Н., 1995а, с. 245].

ПАКТ РЕРИХА¹

Если возможно такое объединительное мировое соглашение, то ведь также возможно и проведение и других общечеловеческих принципов любви и строения. Никакой дом в раздоре не строится и никакая песня в больных судорогах не складывается. Но если мы будем знать, что лучшие люди героически и жертвенно согласились защитить священное, мудрое и прекрасное, то через такие врата согласия войдут и многие другие знаменательные шествия.

Каждое накопление в сокровищах Культуры будет истинно благим знаком нашего века. Это будет не блуждание, готовое к предательству. Это не будут случайные часы или дни Культуры, это будет вообще время, эра Культуры. В стремлении к этой эре соберем наши лучшие мысли, лучшие слова, лучшие жертвы и лучшее дружелюбие.

Н.К. Рерих. Друзья сокровищ Культуры

Пакт Рериха, Знамя Мира и связанное с ними общественное движение – наиболее актуальный в современном мире проект художника и мыслителя, который показал не только возможность воплощения в жизнь самой высокой философии культуры, но и дал прекрасные примеры и методы этого воплощения.

В самом начале своей творческой карьеры Н.К. Рерих совершил путешествие по древнерусским городам (1903–1904). Художник создал более 90 прекрасных этюдов памятников старины. И во время путешествия он, к сожалению, вынужден был констатировать их плачевное состояние во многих городах. Поэтому в 1904 г. Николай Константинович сделал доклад в Императорском русском археологическом обществе о плачевном состоянии исторических памятников и о необходимости срочных мер по их охране.

¹ Использованы статьи [Лавренова, 2006; Лавренова, 2012].

не. С тех пор мысль о необходимости защиты культурного наследия не оставляла его, причем он размышлял об опасности, нависшей над памятниками старины не только во время военных действий, но и в мирное время, в частности от неумелой реставрации. Например, в статье «Тихие погромы» (1911) он пишет о неумелой реставрации храма Иоанна Предтечи в Толчкове в Ярославской области.

Известно, что Н.К. Рерих в 1915 г. представил доклад Императору Николаю II и Великому князю Николаю Николаевичу-мл. с проектом охранных мер, в том числе и законодательных, в отношении культурных памятников. Эта идея в результате трансформировалась в проект международного Договора об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников (Пакта Рериха), который был разработан уже в бытность Н.К. Рериха в Индии. И этот договор был примером воплощения в социальную материю высокой идеи Красоты и Культуры, разработанной Н.К. Рерихом. Можно даже определить ее как новую парадигму культуры, которую он трактовал как Почитание Света (Cult-Ur) и писал с прописной буквы: «Культура есть почитание Света, Культура есть любовь к человеку. Культура есть благоухание, сочетание жизни и Красоты. Культура есть синтез возвышенных и утонченных достижений. Культура есть оружие Света. Культура есть спасение. Культура есть двигатель. Культура есть сердце. Если соберем все определения Культуры, мы найдем синтез действенного Блага, очаг просвещения и созидательной Красоты» [Рерих Н., 1932, с. 93].

Эта парадигма культуры уходит от призрачного антропоцентризма современных наук о человеке, для которых весь мир – «поле обнаружения и построения личностных смыслов» [Шор, 2003, с. 3]. Понимание красоты Рерихом как воплощения Высших духовных вибраций во многом сходно с пониманием одного из крупнейших русских философов Владимира Соловьева, по мнению которого она есть «преображение материи через воплощение в ней другого сверхматериального начала» [Соловьев, 1902, с. 37].

В первых статьях текста договора, разработанного в 1929 г. при участии доктора международного права и политических наук Парижского университета Г. Шклавера и профессора Ж. де ла Праделя, говорилось о том, что «образовательные, художественные и научные учреждения, художественные и научные миссии, персонал, имущество и коллекции таких учреждений и миссий будут считаться нейтральными и как таковые будут под покровительством и ува-

жаемы воюющими. <...> Учреждения, Коллекции и Миссии таким образом могут выставить отличительный Флаг (красная окружность с тремя кружками в середине на белом фоне), который даст им право на особенное покровительство и уважение со стороны воюющих Государств и народов всех высоких Договаривающихся Сторон» [Знамя ..., 1995, с. 26]. Этот отличительный знак, предложенный Николаем Константиновичем, получил название Знамени Мира, и его охранительная роль предполагалась не только во время военных конфликтов. По мысли Рериха, такой договор и общественное движение в его поддержку должны стать «Красным Крестом культуры», т.е. идея о необходимости защиты культуры должна незыблемо войти в сознание людей.

Проект Пакта был представлен в Международный комитет музеев в Лиге Наций, который передал его на рассмотрение Комиссии международного интеллектуального сотрудничества. Но при всем одобрении «музейным комитетом» идеи Пакта продвигались в основном силами общественности. Общественное движение было настолько мощным, что привело к тому, что Пакт стал официальным международным документом – в 1935 г. документ был подписан американскими странами.

«Разворачивая Знамя Мира и Культуры». Первая и Вторая конференции Пакта Рериха в Брюгге

Укажите, как история отметит все имена, способствовавшие развитию этих общечеловеческих и просветительных идей. Укажите, что тот отзвук, который нашли наши идеи и Знамя Мира во всех странах, ярко свидетельствует, что сознание народов проснулось и требует всякую защиту сокровищам человеческого творчества. Потому каждое правительство, идущее в ритм с сознанием своей страны, должно прислушаться к этому велению охраны Просвещения и Культуры. Пространство насыщено этим велением, ибо нужно бороться с тьмою масс.

Е.И. Рерих. Письмо от 3.06.1931

Большая подготовительная работа началась в Европе за четыре года до подписания Пакта. Усилиями Николая Константиновича и его европейских сотрудников идея международного договора по защите культурных ценностей обретала новых и деятельных сторонников, понимающих огромное значение этого договора для судьбы мира. Н.К. Рерих вел обширную деловую пе-

реписку, знакомство с которой позволяет восстановить цепь событий того времени.

Подписанию Пакта Рериха в Вашингтоне предшествовали три конференции. Первые две состоялись в бельгийском городе Брюгге. В 1931 г., незадолго до Первой конференции, в этом городе был организован Международный союз Пакта Рериха под руководством члена комиссии по охране памятников Бельгии Камилла Тюльпинка. Маленький европейский город, первым поднявший Знамя Мира, стал отправной точкой в широком распространении идей Пакта Рериха.

«Велик список организаций, обществ, музеев, библиотек, школ, научных и государственных деятелей, которые выразили нам свою горячую надежду, что этот проект войдет в жизнь, – писал в приветствии к Первой международной конференции в Брюгге Н.К. Рерих. – Несколько учреждений уже подняли наше Знамя над своими сокровищами. Музейный комитет Лиги Наций под председательством Ж. Дестрея, бельгийского министра, единогласно принял этот проект. А теперь, благодаря инициативе г-на Тюльпинка, под покровительством маркиза Адачи, президента Постоянного Международного Суда, в историческом городе Брюгге организована особая конференция, для которой выработана широкая программа. В связи с этой конференцией заслуживает большого внимания предложенная Лига Городов, объединенных тем же Знаменем Мира. <...> Поистине, я хотел бы приветствовать Конференцию в Брюгге как начало Лиги Культуры. <...> Без сомнения, внутреннее значение Конференции в Брюгге будет очень замечательным и откроет новые врата для всех будущих славных построений в области культуры. Конференция в Брюгге не окажется тем мотыльком, который обжигает крылья на первом пламени. Она образует тот светоносный легион, пламенные крылья которого будут расти в созвучии с подвигом великой красоты и славной необходимости» [Знамя ..., 1995, с. 72–73].

В работе Первой конференции в Брюгге, организованной преимущественно усилиями К. Тюльпинка, приняли участие представители ряда европейских государств, культурные и общественные деятели. В подготовке этого международного форума принял участие и барон Михаил Александрович Таубе, профессор Международного института права, впоследствии организатор и председатель Комитета Пакта Рериха при Европейском центре в Париже.

«Конгресс бесспорно удался, – писал М.А. Таубе Н.К. Рериху сразу после его завершения, – насколько может быть удачным пер-

вый шаг большого международного и гуманитарного дела, предпринятого частными лицами, и притом в области новой, трудной и “деликатной”: он был хорош, но не “блестящ”, – интересен, но не многолюден, – богат возможностями в будущем, но скромен достижениями для настоящей минуты. Его плюсы я приписываю тому, что Ваша благородная идея успела зажечь сердца многих благородных людей романского мира, частью достаточно влиятельных, чтобы не дать этой идее заглохнуть и в практическо-международной области; его минусы – приходится отнести на счет явно недостаточной предварительной подготовки конгресса (о чем будет сказано ниже), а также выжидательно-недоброжелательного отношения международно-дипломатическо-официального мира, с Лигой Наций во главе.

Реальные плюсы конференции я вижу в следующем: 1. радушное и даже восторженное отношение к делу со стороны художественно-музейного мира Бельгии; 2. согласие и даже наставление на том, чтобы Брюгге стал официальным международным центром этого движения в Европе с постоянным в нем комитетом; 3. такое же отношение правительственные кругов Бельгии (телеграмма короля); 4. явно доброжелательное отношение Католической Церкви (телеграмма ст. секр[етаря] Пачелли); 5. официальное участие гор[ода] Парижа и итальянских музеев; 6. открытое “покровительство” французского министерства (пожалование Вам [ордена] Почетного Легиона, – с которым я здесь Вас сердечно поздравляю); 7. личное более близкое знакомство между главными франко-русско-бельгийскими деятелями в этой области (в частности, между мною и энергичной г-жей де Во)» [Таубе М.А. Письма Н.К. Рериху. ОР МЦР. № 8075. Письмо от 23.09.1931. Л. 12].

Первая конференция прошла без участия представителей Англии, Германии, Скандинавских стран. Представительство Америки, которого все ждали, было скромным, хотя старинный город Брюгге, приветствуя форум, вывесил американские флаги. Тем не менее форум принес свои замечательные плоды. «На конференции был разработан план пропаганды пакта в школах, высших учебных заведениях. Были также установлены контакты с Международным комитетом по делам искусства и с бюро конференции по ограничению вооружений» [Беликов, Князева, 1996, с. 165–166]. Николай Константинович со свойственной ему широтой подхода отметил, пожалуй, главное достижение этой конференции: «Если Знамя Красного Креста не всегда доставляло полную безопасность, то все же оно ввело в сознание человеческое

огромный стимул человеколюбия. Так же и Знамя, нами предложенное для охраны Культурных сокровищ, если оно и не всегда спасет драгоценные памятники, то все же оно постоянно напомнит о нашей ответственности и необходимости забот о сокровищах человеческого гения. Это Знамя внесет в сознание еще один стимул, стимул культуры, стимул уважения ко всему, что создает эволюцию человечества» [Знамя …, 1995, с. 66].

Кроме того, было решено, опираясь на контакты, налаженные в Брюгге с рядом энергичных и влиятельных лиц, считать Брюгге городом будущего Центрального международного комитета Пакта Рериха и отсюда воздействовать на правительства европейских стран и Лигу Наций, на мировое общественное мнение. После Первой конференции в Брюгге в Европе действительно была проделана огромная работа, которая продвигалась не без препятствий. Помимо деловых встреч, лекций, публикаций приходилось еще отражать нападки, поскольку идея защиты культурных ценностей представлялась одним «чуть ли не “большевистской” затеей, другим – антирелигиозной “масонской” работой» [Таубе М.А. Письма Н.К. Рериху. Отдел рукописей МЦР. № 8075. Копия письма к З. Лихтман от 26.12.1931. Л. 21]. «С провокационными целями распространялись слухи о связи Рериха с сионистской организацией и о специальных заданиях, которые он якобы выполнял в Палестине» [Беликов, Князева, 1996, с. 160]. Против этих наветов сотрудники выдвигали главное оружие – исчерпывающую информацию о Пакте Рериха, о деятельности комитетов Пакта в Париже, Брюгге, Нью-Йорке. Большую роль в утверждении идеи играли специальные печатные издания, которые представляли собой прообраз современных списков памятников культуры, взятых под охрану ЮНЕСКО. «Ежегодник Знамени Мира, – писал Николай Константинович, – как и журнал, посвященный каталогизации сокровищ человечества, должен входить в ближайшую программу фонда Знамени Мира» [Знамя …, 1995, с. 77].

Организаторы Пакта Рериха в Европе предпочитали держаться подальше от русско-эмигрантской политики, но старались привлечь к своей деятельности все созидательные силы. В письмах Н.К. Рериха к барону Таубе упоминается целый ряд организаций, в том числе сибирская группа, группа кавказских мусульман под руководством Али Акбара бек Топчибашева.

В 1930-е годы Европа представляла собой сплетение самых разных политических сил. На отношение к Пакту влияли антируssкие настроения и амбиции набирающего силу фашизма.

«...Произошли в мире многие события, к сожалению, вполне подтвердившие неотложную насущность Пакта. Мы удивлялись, слыша, что некоторые голоса не прозвучали при обсуждении этого, казалось бы, близкого всему человечеству предмета. Если даже некоторые люди по каким-то своеобразным соображениям не желали присоединяться к единодушному решению, то ведь непозволительно даже не участвовать в обсуждении. Правда, нам приходилось слышать, что главным препятствием для некоторых государств было, что идея Пакта исходила от русского. Мы достаточно знаем, как для некоторых людей, по какому-то непонятному атавизму, все русское является неприемлемым. Не сказать ли примеры? Также мы слышали от некоего компетентного лица, что дуче охотно занялся бы Пактом, если бы идея была предоставлена ему, чтобы исходить исключительно от него» [Перих Н., 1995б, с. 242]. В Италии, уже начавшей свой путь к фашизму, к Пакту проявляли нездоровый интерес.

«Подозрительный интерес к Пакту проявил далеко не один Муссолини. Католический Мальтийский орден приглашал Николая Константиновича в Рим для переговоров. <...> Все это говорит о том, что на мировой политической арене значение Пакта котировалось достаточно высоко и Периху стоило немалых усилий уберечь свое детище» [Беликов, Князева, 1996, с. 160].

Идея Пакта не вызвала понимания и в Германии. Страна была в хаосе – накануне предстоящих выборов участились выходки «диких гитлеровцев», как писал Н.К. Периху барон Таубе. Прозондировав почву в Италии и Германии, он еще более утвердился в мысли, что «большие государства значительной пользы нашему делу не окажут, но могут быть вовлечены в работу малыми культурными государствами – с Бельгией во главе. Вот почему так важно строительство именно в этой стране и в союзе – или под эгидой – именно ее правительства» [Таубе М.А. Письма Н.К. Периху. Отдел рукописей МЦР. № 8075. Письмо от 15.06.1932. Л. 36].

Тем временем в Бельгии работа по продвижению Пакта Рериха велась на самом высоком уровне, были очевидные успехи в этом направлении – министр бельгийского правительства Гюманс поручил представлять идею Пакта Рериха в Лиге Наций бельгийской делегации в Женеве [там же. Письмо от 15.02.32. Л. 22]. Работа была направлена на то, чтобы бельгийское правительство официально представляло идею Пакта Рериха в международном сообществе: «Если все пойдет нормально и благополучно, то Бельгия должна сыграть относ[ительно] Вашего Пакта ту же роль, что

в 1864 году сыграла Швейцария по отнош[ению] к Красному Кресту» [Таубе М.А. Письма Н.К. Рериху. Отдел рукописей МЦР. № 8075. Письмо от 8.04.1932. Л. 26].

В августе 1932 г. в Брюгге состоялась Вторая конференция Пакта Рериха. Это был год, когда положение в Бельгии напоминало предреволюционную Россию, тем не менее конференция привлекла всеобщий интерес. В своем приветствии Н.К. Рерих с тревогой констатировал: «Со времени Первой Конференции не прошло и года, как из целого ряда стран поступили сведения о новых прискорбных и незаменимых уничтожениях как предметов искусства, так и книгохранилищ. Эти печальные знаки еще раз напомнили всем нам, насколько сама современность, сама жизнь требует внимания на защиту памятников Творчества Человечества» [Знамя … , 1995, с. 84].

На выставке, открывшейся в дни работы конференции, было представлено более шести тысяч фотографий уникальных архитектурных памятников, которые безотлагательно нуждались в специальной охране и защите. Организаторы выставки задумали ее так, что центральная зала должна быть посвящена Знамени Мира и Пакту Рериха, а от нее радиусами отходят галереи изображений памятников культуры, которые человечество рискует потерять. По окончании конференции М.А. Таубе напишет Н.К. Рериху: «Выставка производит наилучшее впечатление, – и в этом все согласны. Устроена она с большим вкусом, громадные “панно” с огромным количеством интересных фотографий (особенно отличилась Франция) прерываются для глаза отдельными экспонатами скульптуры, живописи, старинной мебели, оригинальной утвари и пр., и различными флагами, главным образом бельгийскими и “banner of Peace”. Центр, конечно, – зала, посвященная Вашим картинам: настоящее ожерелье драгоценных жемчужин, среди которых всеобщее изумление и восторг возбуждают, само собой, “Мадонна [Орифламма]” и Святой Франциск. <...> Официальный “осмотр” выставки с пояснениями-лекциями по бельгийскому (M. Fraeijis), французскому (M. Rey de Villette) и русскому (граф Рошфор) отделам также оказался очень удачным и интересным» [Таубе М.А. Письмо от 10.08.1932. Л. 40]. Как образно высказалась мадам де Во Фалипо, первый председатель Общества Рериха при Европейском центре, картина Н.К. Рериха «Мадонна Орифламма» председательствовала на выставке.

Вторая конференция в Брюгге обратилась ко всем странам с призывом признать за Пактом силу международного документа. Было также принято решение создать в этом городе Музей Рериха

(но это начинание не было реализовано). Высказанная К. Тюльпинком мысль об основании Федерации мировой прессы, объединенной идеей Пакта Рериха и Знамени Мира, была поддержана присутствующими журналистами.

После Второй конференции работа по утверждению Пакта Рериха и Знамени Мира в Брюгге, Париже, других городах Европы продолжилась. «Повелительно принять немедленные меры, чтобы оградить от опасности благородное наследие Прошлого для славного Будущего. Это произойдет тогда, когда все страны торжественно поклянутся охранять сокровища Культуры, которые, в сущности, принадлежат не одному народу, но миру. Этим путем мы можем создать еще одно приближение к расцвету Культуры и Мира» [Знамя ..., 1995, с. 105], – писал Николай Константинович Рерих в своей статье о Знамени Мира.

«Мир мыслит о мире». Третья конференция Пакта Рериха и Знамени Мира

Дело Пакта сильно продвинулось. Общественное мнение очень горячо отзывалось и отзывается на эту благородную идею. <...> История Пакта явится очень поучительной книгой, в которой ярко будут обозначены стороны Света и тьмы, и народы убедятся, что все строительное, все имевшее перед собою будущее было за ратификацию Пакта и принятие Знамени, но все осужденное на разрушение противилось ему. Истинно, Знамя Мира есть великий пробный камень для сознания человечества.

Е.И. Рерих. Письмо от 5 марта 1935 г.

Следующим шагом на пути к подписанию Пакта Рериха странами Панамериканского союза 15 апреля 1935 г. стала посвященная ему третья конференция, которая прошла в столице США за полтора года до этого знаменательного события, 17 ноября 1933 г.

Конференция в Вашингтоне (конвенция¹, как ее называли американские сотрудники) ставила своей задачей утвердить в мире значение Пакта Рериха и выработать резолюцию, предлагающую правительству США и правительствуам других стран официально признать и подписать этот договор, обеспечивающий защиту культурных ценностей и учреждений культуры в военное и мирное время. Эта резолюция была единогласно принята представителями

¹ Convention (англ.) – съезд.

33 стран¹, приехавшими в Вашингтон. Помимо государств Панамериканского союза в этом международном съезде участвовали Чехословакия, Ирландия, Персия, Польша, Португалия, Испания, Швейцария, Югославия и Япония, а Бельгия, Италия, Нидерланды, Турция, Франция, Албания послали на конференцию своих наблюдателей.

Этот представительный форум, созданный в американской столице, стал одним из узловых событий общественного движения за Пакт Рериха. В 1935 г., уже после подписания Пакта, Н.К. Рерих обозревал многотрудный путь этого международного движения: «Вспомним, сколько за протекшие четыре года было предпринято полезных начинаний. Вспомним, что помимо трех международных конференций, сколько лекций было устроено в разных странах. Сколько выступлений состоялось в школах, сколько статей появилось в разнообразной прессе, сколько процессий и всяких манифестаций Знамени было неутомимо устроено, чтобы вносить в жизнь понятие охраны Культурных ценностей. Наконец, кроме местных комитетов, Вашингтонская конвенция установила Постоянный Комитет Пакта. Этим наименованием уже было предопределено несменное постоянное существование такого комитета. Этот Комитет является хранителем традиций, выявленных и утвержденных Вашингтонской конвенцией. Комитет был поставлен в силу единогласного постановления конвенции как верный страж, как священный дозор по охране Культурных ценностей» [Рерих Н., 1995а, с. 207].

Третья конференция Пакта Рериха, по мнению ее участников, стала «новым звеном для закрепления культурной связи между Америкой и иностранными государствами. С признанием этого Проекта нациями всего мира все художественные, научные, религиозные, культурные Центры будут признаны нейтральной территорией, и Знамя Мира Рериха будет развеваться над ними как знак их неприкосновенности» [Результаты Третьей Международной Конвенции Пакта и Знамени Мира Рериха. Отдел рукописей МЦР. № 3535. Л. 1].

Форум, имевший большой международный резонанс, был тщательно подготовлен силами американских сотрудников под руководством Н.К. Рериха, которое осуществлялось из далекой

¹ В очерках Н.К. Рериха «Постоянная забота» и «Итоги» говорится о 36 странах, участвовавших в конференции. В отчетах о конференции приведены данные только о 33 странах.

Индии. По письмам-отчетам, которые шли из Америки в Кулундигу почти три недели, можно восстановить поучительную историю этого масштабного проекта.

Еще в 1932 г. официальный Вашингтон (администрация президента Гувера) довольно сдержанно отвечал на запросы о поддержке Пакта, который поначалу воспринимался Государственным департаментом как частная инициатива. Через год внутриполитическая ситуация в США изменилась и позволила с большей уверенностью проводить в жизнь культурные начинания с расчетом на поддержку правительства. В 1933 г. Америка, очарованная новым, энергичным президентом, Франклином Делано Рузвельтом, с надеждой смотрела в будущее. Путь экономических реформ, «новый курс» (New Deal), предложенный Рузвельтом, давал все основания для оптимизма. В состав нового правительства был включен и Генри Уоллес, фермер и политик, занявший теперь пост министра сельского хозяйства США. Министр, близко знакомый с вице-президентом Музея Периха в Нью-Йорке Фрэнсисом Грантом, глубоко ценивший творчество Н.К. Периха, сыграл одну из ключевых ролей в деле продвижения Пакта Периха в Америке. Он горячо поддержал идею Пакта в защиту культуры и увидел в нем перспективу для развития своей страны, расширения спектра ее влияния в мировом сообществе.

Журналистка Фрэнсис Грант весьма успешно занималась международными связями Музея Периха, благодаря ее деятельности идеи Пакта Периха нашли широкую поддержку в Латинской Америке. В процессе подготовки Третьей конференции американские сотрудники Музея посещали иностранные посольства в Вашингтоне, после этих визитов многие посольства обратились с запросом к своим правительствам о делегировании официальных представителей для участия в конференции Пакта Периха.

В 1933 г. сотрудники Музея Периха параллельно продвигали три больших и важных дела: конференцию Пакта Периха, реорганизацию своих учреждений, подготовку экспедиции Н.К. Периха в Маньчжурию с предстоящим созданием там сельскохозяйственного кооператива. Кроме того, американские сотрудники изыскивали средства на научную деятельность Института гималайских исследований «Урувати». Все горели идеями, данными их руководителями и наставниками Перихами. «Заложено прекрасное основание для Конвенции и других, самых значительных планов, каждый час сверкает возможностями, и мы все напряжены, лишь бы не упустить и не испортить!» [Лихтман (Фосдик) З.Г. Письма Е.И. и

Н.К. Рерихам. Отдел рукописей МЦР. № 2227. Письмо от 11.06.33. Л. 130]. Е.И. и Н.К. Рерихи писали в Америку о необходимости сосредоточить усилия на ближайшем из событий – конференции: «...Конвенция Пакта должна быть рассматриваема как действие, полезное как всему миру, так и всем нашим задачам. <...> Было сказано, чтобы все без исключения наши учреждения и наши общества устремились бы к Конвенции Пакта Мира и в этом нашли бы путь сотрудничества с правительством. Значит, каждое учреждение наше должно приурочить свои планы к Конвенции Мира, чтобы никакая причина не легла черной преградой на пути Светлого продвижения. Конечно, мы уверены, что Вы в полном согласии, и великодушни, и сердечности работаете в эти трудные дни, и мы знаем, что именно в этом залог успеха. Не хочу и думать, что в ком бы то ни было мелькнула бы черта несогласованности. Да и не может быть несогласованности там, где сказано так твердо и определенно. Поэтому напрягите все силы, чтобы привлечь участие лучших людей, а такое сотрудничество привлекается лишь под знаком единения» [Рерих Н., 2020, с. 69].

С тех пор как к делу подключился Генри Уоллес, конференция, и без того имевшая широкий международный резонанс благодаря усилиям сотрудников Музея Рериха, получила возможность сотрудничества с правительством на новом уровне.

В июле 1933 г. Г. Уоллес впервые говорил с президентом о Н.К. Рерихе как о человеке, открывающем новые возможности для Америки. Как свидетельствуют американские сотрудники в своих письмах, президент был взволнован, он давно слышал о русском художнике и мыслителе, был знаком с его творчеством [Грант Ф. Письма Е.И. и Н.К. Рериху. Письмо от [5].07.33. ОР МЦР. Ф. 1 Оп. 5-1. Д. № 296]. Второй разговор с Рузвельтом уже был посвящен Знамени Мира и Пакту Рериха. Президент «нашел идею пре-восходной и немедленно написал записку Холлу, называя это “очень значительным явлением”» [Лихтман (Фосдик) З.Г. Письма Е.И. и Н.К. Рерихам. Отдел рукописей МЦР. №2227. Письмо от 11.10.33. Л. 171]. Разговоров о Пакте Рериха с Рузвельтом было несколько. После одного из них президент лично говорил с госсекретарем о большом значении конференции [Грант Ф. Письма Е.И. и Н.К. Рерихам. Письмо от 25.10.33. ОР МЦР. Ф. 1 Оп. 5-1. Д. № 296].

Уоллес считал, что госсекретарь США, министр внутренних дел Кордэлл Холл лучше других подходит на пост попечителя (протектора) конференции и может помочь продвижению Знамени Мира [там же. Письмо от [5].07.33]. С этой целью велась интен-

сивная переписка на правительственном уровне, что само по себе замечательно, – министр писал официальные письма госсекретарю, в которых подробно рассказывал о Пакте Рериха, его значении для мира и Америки. Ответы Холла, слишком осторожного политика, были довольно сдержанными. Поэтому позже эта идея попечительства трансформировалась в официальное протекторство Уоллеса с полномочиями, переданными ему госсекретарем. Кордэл Холл поручил ему зачитать свое приветствие, что уже было не мало: «С огромным удовлетворением слежу за усилиями, которые прикладываются для защиты и сохранения образовательных, культурных и научных ценностей в каждой стране во время вооруженных конфликтов, когда возникает угроза их повреждения или уничтожения. Несмотря на то что они находятся под патронажем определенных организаций, которые занимаются охраной подобных реликвий, я с глубокой симпатией отношусь к идеям, которым посвящена сегодняшняя конференция, и буду счастлив, если вы достигнете желаемой цели» [Переписка Г. Уоллеса и К. Холла. Отдел рукописей МЦР. № 10986. Л. 17]. Но даже в этом письме госсекретарь высказал свое мнение, что «для Соединенных Штатов еще не настало время одобрить план сохранения достижений цивилизации, научного и культурного наследия» [там же].

Тем не менее участие министра сельского хозяйства Уоллеса в роли официального протектора имело огромное значение – фактически конференция прошла под покровительством правительства США, что сыграло свою роль в дальнейшем распространении идеи Пакта Рериха и его подписании в 1935 г. странами обеих Америк.

15 ноября 1933 г. состоялось официальное ознакомление президента США Франклина Рузвельта с Пактом Рериха. Президент принял делегацию в составе министра сельского хозяйства Г. Уоллеса, заместителя директора Панамериканского союза Эстебана Гиля Боргеса, президента Музея Рериха Луиса Хорша и почетного президента Археологического института США Ральфа В.Д. Магофина. «Президент Рузвельт сердечно приветствовал делегацию и принял экземпляр Пакта вместе со списком американских и иностранных отзывов и другими документальными доказательствами глубокого интереса к Пакту выдающихся представителей общественной и частной жизни нашей страны. Президент принял также копию Знамени Мира, выразив свою симпатию целям сохранения сокровищ человеческого гения – культурного наследия всего человечества. Президент очевидно уже ранее был полностью ознакомлен с Пактом Рериха и заверил, что он заинтересован в

поддержке этого движения» [Материалы Третьей конференции Пакта Рериха. Отдел рукописей МЦР. № 8753. Л. 4].

Заседания конференции проходили очень торжественно. Все ораторы признавали эпохальное значение Пакта Рериха и подчеркивали неотложность применения в жизнь этого международного договора в защиту культуры. «Особенно культурно и с высоким пониманием необходимости Пакта и Знамени Мира говорили представители Южно-Америк[анских] стран, но министр Панамы говорил, пожалуй, лучше всех. Побольше бы таких достойных представителей во всех странах! <...> Все наши друзья, приехавшие с нами отсюда, говорили очень хорошо, голосом сердца, и все дали свои лучшие силы и мысли для успеха Конвенции. <...> Портреты Ваш и Президента были на эстраде, а портрет Светика в тибетск[ом] костюме на противоположной стороне, как бы окружая и освещая зал. Хорошо также говорил Форман, приводя параллели с Красным Крестом и трудностями, возникшими при его создании, очень тонко и духовно говорил Гиль Боргес, представляющий Пан Американ Юнион¹. Приятно было слышать культурного представителя флота, адмирала Таузига, приветствовавшего Знамя Мира. Очень зажигательно говорил Дабо², серьезную речь произнес Маггофин. Произвел большое впечатление Епископ Фриман своим благословением Знамени» [Лихтман (Фосдик) З.Г. Письма Е.И. и Н.К. Рерихам. Отдел рукописей МЦР. № 2227. Письмо от 19.11.33. Л. 179]. Советник японского императорского посольства Тошихико Такетоми торжественно провозгласил с трибуны, что в этот самый день, 17 ноября, Знамя Мира развевается над Музеем министерства просвещения в Токио. «Таким образом этот символ красоты и знания соединяет Восток и Запад» [Материалы Третьей конференции Пакта Рериха. Отдел рукописей МЦР. № 8753. Л. 72].

Конференция привлекла внимание американских политиков и общественных деятелей и, что важно, – высших военных чинов США и других стран, в числе которых были: главный юрист военного департамента генерал-майор Блентон Бишоп, главный инспектор военного департамента генерал-майор Дж.Ф. Престон, контр-адмирал военно-морского флота США Дж.К. Таузиг, заместитель министра военно-морского флота США Генри Рузвельт, маршал Франции Лиотэ, генерал Альфредо де Леон (Колумбия).

¹ Панамериканский союз.

² Леон Дабо – почетный советник Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

Военные говорили и писали о том, что именно памятники культуры оказываются наиболее беззащитными во время боевых действий.

На конференцию было прислано множество приветствий со всех концов мира от делегатов правительств самых различных стран, культурных и религиозных деятелей, которые поддержали Пакт и Знамя Мира, в том числе пришли приветствия от Лиги Наций и Красного Креста. Альберт Эйнштейн выразил сожаление, что не может присутствовать на конференции, «цели которой, – как великий физик написал в своем письме, – я абсолютно симпатизирую» [Эйнштейн А. Письмо от 30.10.1933. Отдел рукописей МЦР. № 7183. Л.5].

Генеральный секретарь Общества Маха Боддхи (Калькутта, Индия) Деваприя Валисинка обратилась к участникам конференции с болью за утраченные реликвии и надежной на будущее: «Ни один буддист не может видеть без чувства глубокой скорби и возмущения поверженные статуи Благословенного Будды, развалины великолепных университетов в Таксиле, Наланде и др., разбросанные по всей Индии несчетные вихари, полностью разрушенные бессмысленным безумием захватчиков Индии. <...> Поэтому известие о благородных усилиях профессора Рериха пришло к ним [буддистам] как начало новой эры. <...> У нас нет ни малейшего сомнения, что все нации в конце концов примут Пакт, потому что наиболее передовые нации Европы во время прошлой войны уже пережили уничтожение своих неоценимых сокровищ» [Материалы Третьей конференции Пакта Рериха. Отдел рукописей МЦР. № 8753. Л. 113]. К сожалению, спустя десятилетия буддийские реликвии оказались столь же незащищенными, как и во времена британского владычества в Индии. Мир содрогнулся, когда начало третьего тысячелетия было отмечено разрушением древних буддийских святынь в Афганистане, но ничего не смог с этим поделать. И виновные не понесли никакой ответственности за это беспрецедентное злодеяние, хотя еще в послании Третьей конференции Пакта Рериха профессора международного права Парижского университета, знаменитого юриста-международника Луи Ле Фюра было пожелание, которое и по сей день высказывается всеми представителями культурной общественности уже по отношению к современному международному законодательству в области охраны культурного наследия: «Что касается санкций, то проект международного пакта, подготовленного в Брюгге в 1931 году Музеем Рериха, пока остановился на простой моральной санкции, на предании гласности результатов работы Комиссии по расследованию. Если когда-

нибудь позже цивилизованные страны смогут подняться до уровня всемирной юридической организации, нужно будет применить главные принципы права, которые предусматривают ответственность за каждое преступное разрушение и обязанность восстановления разрушенного» [Материалы Третьей конференции Пакта Рериха. Отдел рукописей МЦР. № 8753.Л. 64].

Конференцию сопровождала широкая радиовещательная кампания. С речами о Пакте Рериха выступили на радио Г. Уоллес, Маггофин, Луис Хорш, Дабо, Флейшер и Фрэнсис Грант. Американская пресса с восторгом отозвалась о произошедшем съезде. Издательство Музея Рериха выпустило к торжественному дню новую книгу Н.К. Рериха – «Твердыня Пламенная» на английском языке. В Вашингтон «было прислано 50 книг, и они были выставлены на специальном столе при входе в зал, где состоялась Конвенция, там же были выставлены все остальные книги Н.К. [Рериха], и издания Р[ерих] М[узеум] Пресс, и прочая литература всех учреждений» [Лихтман (Фосдик) З.Г. Письма Е.И. и Н.К. Рерихам. Отдел рукописей МЦР. № 2227. Письмо от 19.11.33. Л. 180]. В русскоязычной газете «Свет» вышла большая редакционная статья отца Иоанна Крашковича о конференции.

Третья конференция оказалась мощным толчком, сдвинувшим не только мировую общественность, но и правительства многих стран с мертвой точки в осознании необходимости защиты культурных сокровищ. Первые две конференции Пакта Рериха, проходившие в Брюгге в 1931 и 1932 гг., были первым шагом на этом пути и собрали только представителей европейских стран, география же Третьей конференции была несравненно более обширной – Северная и Южная Америка, Европа, Азия. Человечество наконец задумалось о реальных мерах по защите своего культурного наследия, и проект великого художника и мыслителя Н.К. Рериха был признан как чрезвычайно своевременная мера, как новый этап в истории международного права. Конференция подготовила рекомендацию о принятии Пакта правительствами всех стран.

На основе решения Третьей конференции Пакта Рериха и Знамени Мира состоявшаяся месяцем позже, в декабре 1933 г., Седьмая международная конференция американских стран в Монтевидео в своей резолюции рекомендовала «тем странам Америки, которые еще не сделали этого, подписать Пакт Рериха, инициатором которого является Музей Рериха в США и целью которого является всемирное принятие уже созданного и распространенного Знамени, чтобы в любой момент опасности защитить под ним все

недвижимые памятники национальной и частной собственности, которые составляют сокровища культуры народов» [Материалы Третьей конференции Пакта Рериха. Отдел рукописей МЦР. № 8753. Л. 130–131]. Более того, Совет Панамериканского союза в феврале 1934 г. принял решение создать специальный комитет «для извещения, каким способом Панамериканский союз может содействовать высокой цели и благородным идеалам Пакта Рериха» [там же]. 4 апреля 1934 г. комитетом была определена примерная дата подписания Пакта Рериха странами Панамериканского союза – 14 апреля 1935 г. [Отчет Специального комитета Совета Панамериканского союза о Пакте Рериха / Материалы Третьей конференции Пакта Рериха. Отдел рукописей МЦР. № 8753. Л. 134], которая впоследствии была изменена на 15 апреля.

В одной из своих статей Н.К. Рерих, подводя итоги движения за Пакт Рериха, напишет: «Нужно собрать все материалы, чтобы все дружеские лики выявились и запечатлелись. В полной справедливости нужно отмечать каждое благородное устремление» [Рерих Н., 1995а, с. 644].

Подписание Пакта Рериха

Не может быть международного соглашения и взаимного понимания без культуры. Не может народное понимание обнять все нужды эволюции без культуры. Потому Знамя Мира вмещает все тонкие понятия, которые приведут народы к понятию культуры. Человечество не умеет явить уважение к тому, что есть бессмертие духа. Знамя Мира даст понимание этого великого значения. Не может человечество процветать без знания величия культуры. Знамя Мира откроет врата к лучшему будущему. Когда страны на пути к разрушению, то даже малодуховные должны понять, в чем заключается восхождение. Истинно, спасение в культуре. Так Знамя Мира несет лучшее будущее.

Учение Живой Этики. Иерархия. §331

...История будущего отметит Знамя Мира наравне с величайшими идеями, преобразившими сознание человечества.

Е.И. Рерих. Письмо от 2.08.1934

Летом 1934 г. Николай Константинович Рерих вместе с сыном Юрием Николаевичем уехал в Маньчжурсскую экспедицию

(1934–1935). Движение писем оттуда было не быстрым, но тем не менее он «держал руку на пульсе» событий, связанных с дальнейшим движением Пакта Рериха.

Конференция Пакта Рериха в Вашингтоне 1933 г. имела широкий международный резонанс. Движение в поддержку Пакта расширялось. Этим занимались Постоянный комитет Пакта Рериха и Знамени Мира в Нью-Йорке, Музей Рериха в Нью-Йорке и его Европейский центр, Латвийское общество им. Н.К. Рериха. Г.Г. Шклявер писал 21 октября 1934 г.: «Финляндская Миссия передала Пакт на рассмотрение своего Правительства. Венгерская Миссия обещает сообщить решение Будапештского Кабинета. Датская Миссия также уведомит нас о решении Правительства короля Христиана X. Болгарская Миссия передала Пакт в Софию и даст знать о решении. Сиамская Миссия передаст Пакт своему Правительству, по получении некоторых дополнительных сведений...» [цит. по: Книжник, 2006, с. 179].

Комитеты Пакта были организованы по всему миру, в том числе и в Харбине, когда здесь находился Н.К. Рерих в Маньчжурской экспедиции. Здесь комитет был образован 5 октября 1934 г. в следующем составе: секретарь В.К. Рерих (братья Н.К. Рериха), председатель – востоковед и общественный деятель Н.Л. Гондатти, почетный председатель – архиепископ харбинский Нестор и др.

В США глава Департамента сельского хозяйства Генри Уоллес, как дальновидный политик, распознал в Пакте Рериха перспективу для развития своей страны и расширения спектра ее влияния в мировом сообществе.

Мысли Николая Константиновича, находящегося на маршруте Маньчжурской экспедиции, продолжали энергетически напитывать международное общественно-культурное движение. Он записывает в Пекине: «Новое внимание Рузельта и последние шаги Уоллеса и действия Гиль Боргеса и других южно-американских друзей дали новую подвижку Пакту. Но в смысле Европы отсюда мы мало усматриваем, в чем произошли полезные движения» [Рерих Н., 2015, с. 111]. Его беспокоила задержка выхода новой книги о Пакте, он торопил своих американских сотрудников: «Еще раз вижу, почему все это время я так беспокоился о своевременном выходе книги Пакта и об охранении точного титула. После снимка с письма президента Рузельта как будто казалось, что после его личного правильного упоминания все в порядке, но затем внутреннее чувство опять подсказывало, что что-то должно быть не упущен-

но. Из письма Люиса вижу, что книга не могла выйти вовремя из-за отсутствия специальных сумм» [Перих Н., 2015, с. 121].

США и латиноамериканские страны готовились к процедуре подписания Договора. Предполагалось, что прибалтийские страны тоже примут участие в этой церемонии. Е.И. Перих писала сотрудникам: «Радостно было услышать, что три Прибалт[ийских] государства подпишут Пакт в день его ратификации 15 апреля обеими Америками в Вашингтоне. Написала нашему Постоянному Комитету по продвижению Пакта, прося их узнать, почему не было получено Прибалт[ийскими] странами уведомление о ратификации Пакта. Думается мне, что Ст[ейт] Департм[ент] оповещает все страны через их соответствующих представителей в Вашингтоне» [Перих Е., 2001, с. 129]. Но Латвия, Литва и Эстония, несмотря на свою готовность, не участвовали в этой церемонии, поскольку кто-то из Госдепартамента не послал вовремя официальные приглашения. «Из Америки получила телеграмму, что уведомление о ратификации Пакта было разослано Ам[ерикэн] Стейт Департ[мент] всем странам через их соответствующих представителей в Вашингтоне (как я и предполагала). Также известили меня, что Президент Рузвельт перенес Конвенцию по ратификации Пакта из помещения Пан-Америк[анско]го Союза в свой офис в Белом Доме. Это очень красивый и широкий жест. За последнее время присоединилась еще Респ[ублика] Чили. И выразить не могу, как мне хотелось бы, чтобы Прибалтийские страны показали пример большим державам Европы» [там же, с. 171].

Изначально дата подписания Пакта Периха была назначена на 14 апреля, но потом ее перенесли на день позже.

15 апреля 1935 г. Пакт Периха был подписан в Белом доме в присутствии президента Рузвельта Соединенными Штатами и двадцать одной американской страной. Этот документ и по сей день с точки зрения международного права является действующим международным договором, который предоставляет максимально высокий уровень защиты наиболее широкохватному кругу объектов культуры.

В этот день, мысленно сопричастный этому событию, в степях Внутренней Монголии Н.К. Перих напишет: «Пусть Знамя развевается и над очагами Света над святилищами и твердынями прекрасного. Пусть оно развевается над всеми пустынями, над одинокими тайниками Красоты, чтобы от этого зерна священного процвели пустыни. Знамя поднято. В духе и сердце оно не будет

опущено. Светлым огнем сердца процветет Знамя Культуры. Да будет!» [Перих Н., 1995а, с. 347].

Елена Ивановна обобщала присланные ей в Индию сведения: «Вы уже знаете, конечно, как торжественно прошло подписание Пакта Периха в Белом Доме в Вашингтоне и поднятие Светло-го Знамени. Как пишут друзья, во время этого великого Акта всеми присутствующими ощущалась и была подчеркнута атмосфера необычайной торжественности, радости и дружелюбия. Конечно, Высокий Луч насытил всех и всё. Произнесены были прекрасные речи самим Президентом и остальными Спикерами, и даже мин[истр] ин[остранных] дел К. Х[олл], так *противившийся этому Пакту*, признал, что “никогда еще все нации Южн[ой] и Центр[альной] Америки, собравшиеся вместе для решения, не вынесли его так единодушно, как в этом акте”. И вечером того же дня, произнося речь в помещении Пан-Америк[анского] Союза, он закончил свою речь словами, что он надеется, что все нации соберутся для взаимного процветания под Знаменем, причем заклеймили всех идущих против врагами цивилизации и еще более сильным словом. Так совершаются удивительные метаморфозы. Так действует тактика Адверза, когда недруги принуждены произносить самые сильные формулы. Но, конечно, все это лишь на устах. Пресса широко отметила это событие по всем Америкам, и отголоски долго еще будут доходить до нас» [Перих Е., 2001, с. 255].

Американские газеты действительно дали серию восторженных публикаций. Пакт был ратифицирован Сенатом США летом 1935 г.

Идеи Пакта Н.К. Перих распространял и среди официальных лиц Азии. По его указанию книга о Пакте была послана из Америки в императорский дворец в Токио. Николай Константинович лично вручил Знамя Мира императору Маньчжуо-диго Пу И и руководителю автономной Внутренней Монголии князю Де-вану.

Уже в конце 1935 г. Н.К. Перих подводит итоги года и движения за Пакт: «В знаменательный день 15-го Апреля я был в далекой Монголии и только духовно мог приобщиться к Культурному торжеству, когда представители двадцати одной Американских республик подписывали Пакт охранения Культурных Сокровищ. Не мог я тогда сказать всем этим воодушевленным поборникам Культурных ценностей мой сердечный привет. Только теперь, вернувшись из Азиатских пустынь, я могу послать самое сердечное приветствие и пожелание всем тем, кто рукою своею скрепил Договор о Ценностях всего человечества. Духовные ценности чело-

вечества, выраженные в многообразном творчестве, не могут быть обсуждаемы холдно и формально. В таком огненном предмете выразится все сердечное накопление, все благородство, все понимание чести и достоинства человечества. Не хладною рукою подпisyвали этот Договор представители Великих Республик» [Рерих Н., 1995а, с. 644–645].

После того как Пакт Рериха был принят и ратифицирован многими из подписавших его государств, Н.К. Рерих в письмах и эссе раз за разом обосновывает мысль о том, что такой международный документ не должен быть формальностью. Сам договор не предусматривал никаких санкций за его нарушение. Соответственно, единственной силой, обеспечивающей его соблюдение, должно было стать развитие общественного сознания, которое не допустило бы варварских действий со стороны своих правительств. Фактически, перенося ответственность за сохранение культурного достояния с правительства на народы, Николай Константинович писал о высочайшем уровне гражданственности, до которого было очень далеко в его время, и современность ненамного приблизилась к этому идеалу.

Ни Германия, ни СССР не были в числе тех, кто заинтересовался идеями защиты памятников культуры, и когда началась Вторая мировая война, многие памятники культуры в Европе были разрушены до основания.

В 1945 г. вновь начал работу Комитет Пакта Рериха в Нью-Йорке.

После того как Н.К. Рерих покину этот мир в 1947 г., продвижением Пакта Рериха занималась Елена Ивановна. «В 1948–1949 годах Комитеты Пакта Рериха и Знамени Мира действовали в Италии, Бельгии, Швейцарии, Франции, Англии, Португалии, Бразилии, Колумбии, Уругвае, Боливии и на Кубе. В августе 1948 года Правительство Индии, возглавляемое Джавахарлалом Неру, приняло решение об одобрении Пакта Рериха. Для последнего обстоятельства немало потрудился младший сын Елены Ивановны – Святослав Николаевич Рерих. В 1950 году Нью-Йоркский комитет Пакта Рериха и Знамени Мира передал всю документацию по пакту ЮНЕСКО. Специальная Комиссия ЮНЕСКО подготовила на основе этих документов проект международного соглашения, и 14 мая 1954 года конференция ООН в Гааге приняла “Международную конвенцию о защите культурных ценностей в случае вооруженных конфликтов”» [Книжник, 2006, с. 191]. Гаагская конвенция выбрала в качестве знака защиты памятников ныне широко

известный Голубой щит, но он, в отличие от Знамени Мира, не предполагается к использованию в мирное время. «Эти правила <...> обусловлены <...> самим знаком, использование которого в мирное время “может вызвать трудности эстетического и даже психологического характера”. Эти проблемы не могут возникнуть со Знаменем Мира. Знак Пакта Периха, созданный одним из величайших художников XX века, прежде всего красив, и его символика находится в контексте ценностей культуры. С самого начала Николай Константинович Перих считал, что важнейшее значение Пакта – образовательное. Поэтому и был создан знак-символ, обладающий художественным воздействием, способный устремлять мысли к Красоте, Знанию, Духовности» [Куцарова, 2006, с. 253].

Концепция культуры Н.К. Периха и ноосферная реальность

Часто вы произносите слово культура, оно значит почтение Света. Так напоминаю, насколько велика общая ответственность перед Светом, если каждая мысль может или затемнить, или очистить пространство. Так будем помнить.

Учение Живой Этики. Иерархия. §173

«Знамя, принятное сознаниями просветленных умов, несет высшее благо человечеству. Оно несет конец безумному разрушению и уничтожению высших ценностей, несет охрану человеческой жизни, которая так нужна не только нашей планете, но и всем другим мирам. Но кто думает в таких масштабах? И все же подходит время, когда мы должны будем заглянуть за пределы не только нашего очага и страны, но за пределы нашей планеты», – писала Е.И. Перих [Перих Е., 1999а, с. 433–434].

Пакт Периха остался в истории человечества важным документом, который поднял значение культуры на достойную высоту. Уровень защиты культурных памятников, коллекций и миссий в Пакте Периха остался непревзойденным и был существенно сужен Гаагской конвенцией 1954 г. Концепция Пакта была непосредственно связана с философией культуры Н.К. Периха.

Одна из проблем современного гуманитарного знания в том, что культура представляется производной от человеческого сознания и общения. «...По своей природе культура, как и язык, – явление общественное, то есть социальное. <...> Культура есть форма

общения между людьми и возможна лишь в такой группе, в которой люди общаются. <...> Следовательно, культура имеет, во-первых, коммуникационную и, во-вторых, символическую природу», – утверждал классик российской семиотики и культурологии Ю.М. Лотман [Лотман, 1994, с. 5–6].

В современном гуманитарном знании существует множество подходов к изучению культуры и еще большее количество ее определений. Позиция, занимаемая исследователем, естественным образом влияет на результат. Учеными с равной внимательностью и бесцельностью изучается андеграунд масскультуры и высшие взлеты человеческого духа, запечатленные в артефактах и текстах.

Некоторые исследователи пытаются объединить несколько направлений и подходов в одно емкое определение, при этом не делая различий между культурой и цивилизацией, например: «Культура, или цивилизация, понимаемая в широком этнографическом смысле, это то сложное целое, которое включает в себя знания, верования, искусства, мораль, законы, обычаи и любые иные способности и привычки, приобретаемые человеком как членом общества» [Тейлор, 1989, с. 13].

Концепция Н.К. Рериха в чем-то перекликается с аксиологическим, эталонным, идеациональным и социологическим подходом в современной философии культуры, но в то же время принципиально отличается от них. Она основана на методологических положениях философской системы Живой Этики и подробно разработана Н.К. Рерихом в его философско-художественных очерках о культуре. «Культура в рамках энергетического мировоззрения, многосторонне раскрытого на страницах Живой Этики, выступает не отвлеченным явлением, которое человек может включать в поле своего внимания или может вовсе не учитывать, а именно явлением живым, ежедневно необходимым для его развития» [Соколов, 2008].

Художник и мыслитель различал понятия культуры и цивилизации. Культура укоренена в сфере духа, а цивилизация – всего лишь «общественное устройство жизни», а также ее материальная обустроенност. Понятия культуры и цивилизации, с одной стороны, необходимо четко разграничить, с другой – они, «несмотря на различную природу и назначение, в то же время представляют собой целостную структуру, где приоритет принадлежит культуре. Поэтому ухудшение и спад достижений цивилизации, выразившиеся в кризисе экономики, политики, социальной сферы и т.д., есть прежде всего следствие упадка культуры, или духовного кризиса. То глубокое взаимодействие, которое существует в паре “культура –

цивилизация”, позволяет объяснить основные особенности культурно-исторического процесса, в частности, причины циклов расцвета и упадка исторических периодов» [Соколов, 2008].

В философском наследии Рерихов обосновывается космическая природа культуры. Человек – главный инструмент эволюции, а движущие силы и закономерности исторического процесса – взаимодействие «субъект – объект», двойственность «дух – материя», энергетическое поле культуры, способное воспринять импульсы высших миров. Как формулирует известный ученый Л.В. Шапошникова, один из ведущих исследователей наследия Рерихов, культура есть самоорганизующаяся система духа. Соответственно, культура интерпретируется как энергетическое поле, в котором происходят процессы самоорганизации. В этих процессах важнейшим условием выступает импульс от более высоких самоорганизующихся систем. Поэтому можно говорить о таком явлении, как энергетическое поле культуры, которое неразрушимо на энергоинформационном уровне, что отличает культуру от цивилизации, которая разрушается вместе с ее материальными носителями.

В этом схожесть концепции Рериха и понимание культуры и методы ее изучения с точки зрения системного подхода и синергетики, где культура рассматривается как открытая самоорганизующаяся полиморфная система, находящаяся в постоянном взаимодействии как с другими культурами, так и со средой обитания. В этом взаимодействии она одновременно является и «донором», и «акцептором», и субъектом, и объектом. Изучение функционирования культуры как открытой системы с точки зрения семиотики наметил Ю.М. Лотман в работе «Культура и взрыв» [Лотман, 2000, с. 12–149], описывая непредсказуемые пути семиозиса в момент «взрыва» в художественном творчестве – создания новых или переосмыслиения уже существовавших семиотических систем.

Процесс культурогенеза в философии Рерихов рассматривается с совершенно неожиданной для современной гуманитаристики точки зрения – в нем субъектами эволюции выступают культурные герои, которые были с человечеством от начала времен, словно ведя его за руку. Их творчество неразрывно связано с космосом и импульсами Высшего. Через культуру проявляются аспекты самой Вселенной: ее бесконечность, неуничтожимость, иерархичность, скачкообразное развитие – взрывами, революциями. Культура одухотворяет земную косную материю, соединяет Небо и Землю.

Эта концепция рассматривает культуру и человека в контексте энергетического мировоззрения и космической эволюции, в чем перекликается с философскими работами русских космистов начала ХХ в. – Бердяева, Вернадского, Циолковского, Флоренского, Чижевского и др. Чижевский, например, считал и, более того, доказывал на основе эмпирических наблюдений за деятельностью Солнца, что космос определяет исторические процессы и процессы культурогенеза. Этой же теории придерживался Лев Гумилев. Но особенность концепции Живой Этики в том, что она подразумевает существование одухотворенного Космоса, в котором действуют разумные и более высокоорганизованные силы.

Изучая семиотическое пространство культуры, Ю.М. Лотман приходит к выводу, что граница между ними служит фильтром, превращающим хаос внешнего мира в структурированный текст [Лотман, 1992]. То же можно сказать и про культуру как таковую, если рассматривать ее в космическом контексте, – она превращает внешние импульсы в символы и тексты, в материализованные творения человеческого духа, в культурное наследие, с тем чтобы эти импульсы и дальше подпитывали человечество и, принятые, готовили его к новым ступеням эволюции.

По мнению Л.В. Шапошниковой, культура в пространстве нашей планеты выполняет роль «медиатора», не только привнося новые импульсы Вселенной, но и обеспечивая их трансформацию, адаптацию к условиям Земли, тем самым оберегая ее от «сгорания» – как несовершенный элемент в сети излишне высокого напряжения. При этом необходимо отметить фундаментальную неоднородность культуры – всегда можно выделить ее центры, ядра, через которые, если можно поэтически выразиться, протянуты серебряные нити, соединяющие Небо и Землю, и – лакуны, периферии, где пространство «отдыхает» от напряженного духовного творчества. Причем на локальном уровне центрами культуры могут оказываться и природные объекты, что особенно характерно для архаических сообществ. «Священные рощи, священные реки, священные горы были связаны с экологией местности, где жили люди, поклонявшиеся им. На них распространялись определенные табу, мудро и строго регулировавшие необходимое экологическое равновесие огромных территорий. Включение самой природы в цельную систему “Культура – цивилизация” было одной из характерных и важнейших особенностей самой системы. Это единение с природой, умение жить в ритме с ней являлись тем важнейшим средством первоначального синтеза, которое делало элементы

Культуры и цивилизации подчас столь неразличимыми» [Шапошникова, 2011, с. 56]. Сейчас это понимание человечество пытается возродить, выделив категорию природного наследия и особо охраняемых природных территорий.

Здесь мы вплотную подходим к тому, что, реализуясь в пространстве, любая культура становится пространственным явлением, и в этом концепция Рериха оказываетсяозвучной концептам ноосферы и пневматосферы, на которых сейчас строится абсолютное большинство исследований взаимодействия человека и среды обитания, человечества и планеты.

Концепция ноосферы, разработанная В.И. Вернадским и Тейяр де Шарденом при участии Ле Руа, констатирует, что деятельность человека становится геологической силой и что особым фактором воздействия на окружающую среду является его мысль, направляющая эту деятельность. Под воздействием идей изменяются техногенные процессы и, как следствие, меняет свой облик оболочка Земли. С развитием нового агента биосфера, сфера живого вещества, начинает претерпевать качественные изменения и эволюционировать в ноосферу.

Ноосфера Шардена представляется более целостною, «чем все предшествующие покровы, она действительно новый покров, “мыслящий пласт”, который, зародившись в конце третичного периода, разворачивается с тех пор над миром растений и животных – вне биосферы и над ней» [Шарден, 1992, с. 149]. По Шардену, ткань Универсума имеет «фундаментальную зернистость» и структурируется наличием нитей (волокон), которые сейчас мы бы определили как ядра и коммуникационные механизмы культуры, разворачивающиеся в пространстве. «Из ноосферной парадигмы Тейяра де Шардена выявляется как пространственная «горизонталь», «центры синтеза» и ноосферной трансформации, так и временная «вертикаль», на которую последовательно «нанизываются» ноосферные структурные слои» [Шишин, 2003, с. 62], – «вертикаль» и «горизонталь» пересекаются именно в тех центрах синтеза, семиозиса и культурогенеза, где сосредоточено культурное наследие.

Вернадский писал о том, что преобразование биосферы в ноосферу идет с помощью особого рода энергии – энергии человеческой культуры, или культурной биогеохимической энергии [Вернадский, 1991, с. 126]. Она проявляется как геологическая сила, «материализуется» в изменении окружающей среды с помощью земледелия, скотоводства, промышленности.

Исследуя эволюцию биосфера в ноосферу, Вернадский неоднократно подчеркивал закономерность этого процесса. Он рассматривал историю культуры человечества, систему существовавших на протяжении веков культурных центров – Халдейское междуречье, долину Нила, Египет, доарийскую Северную Индию, Северный Китай – и подчеркивал многотысячелетний (но периодический, а не постоянный) характер связей между ними, обозначая, таким образом, единство и внутреннее разнообразие культурного пространства Земли с незапамятных времен. Он обращает особое внимание на «одновременное» (примерно в V–IV вв. до н.э.) движение религиозной и философской мысли, в результате которого «впервые идея единства всего человечества, людей как братьев, вышла за пределы отдельных личностей <...> и стала двигателем жизни и быта народных масс или задачей государственных образований» [Вернадский, 1991, с. 37]. Позднее это свойство «синхронности» идей современный классик культурной антропологии Вяч. Вс. Иванов объясняет тем, что ноосфера «как бы включает в себя, хотя бы отчасти, свое будущее» [Иванов, 2004, с. 46] – матрицы еще не созданных творений культуры и еще не оформленных научных идей, которые имеют свойство воплощаться практически одновременно и независимо друг от друга в разных частях Земли. С точки зрения философии культуры Н.К. Периха это явление объясняется более логично – как результат Высших импульсов, реализующихся одновременно и обеспечивающих новый этап эволюции человечества. В концепции Л.Н. Гумилева эти импульсы обозначены как пассионарные.

Сегодня часто «забывают» о том, что создатели концепции ноосферы Вернадский и Шарден, рассматривая ноосферу как продукт в основном научной мысли, представляли ее в аксиологическом ключе – как некое благое изменение качества пространства Планеты, как новую, более высокую ступень его эволюции (вспомним мысль о культуре-«медиаторе», обеспечивающей нашу эволюцию). Ручательством дальнейшего существования мировой цивилизации Вернадский полагал «сознание нравственной ответственности ученых за использование научных открытий и научной работы для разрушительной, противоречащей идее ноосферы, цели (выделено мной. – О. Л.)» [Вернадский, 1991, с. 45]. Тем самым ноосфера подразумевалась как область примата не только науки, но и культуры с ее ценностными установками. И разум в концепции «сферы разума» трактовался в расширительном ключе, как духовно-культурная деятельность в целом.

Современные исследователи полагают, что целесообразно развести понятия «ноосфера» (конкретно-историческое состояние сферы бытия человеческого сознания) и «Ноосфера» (некое идеальное, мыслимое в доступных человеку формах рефлексии). «Анализ работ В.И. Вернадского позволяет утверждать, что для него “ноосфера” есть состояние биосферы, которое связано с функционированием в ней разума, научной мысли цивилизованного человечества, а “Ноосфера” есть некоторое будущее состояние космопланетарной системы (организованности), которое возникает в перспективе, когда человечество в той или иной мере сможет осуществить оптимизационные и гармонизационные процессы глобальной среды обитания человека» [Смирнов, 2000, с. 105], при этом вводится понятие «ужасной ноосферы» – «ноосфераты», той, в которой мы живем.

Ценностные аспекты учения о ноосфере развивают преимущественно экологи. Они более, чем представители других наук, имеют дело с реальностью экологического кризиса, вызванного отсутствием ценностей в современном обществе, или по крайней мере их игнорированием при принятии экономических и политических решений, затрагивающих состояние окружающей среды: «Ноосфера – это сфера Разума и Нравственности, когда наиболее полно раскрываются сущностные интересы человека – духовные и интеллектуальные, когда достигают высокой степени развития такие планетарные явления, как наука и культура» [Муравых, 1997, с. 117]. По сути современная философия ноосферы (но не современная теория культуры) оказывается практически полностью коррелирующей с концепцией культуры Рериха. Видимо, когда объект рассматривается в планетарном масштабе, становятся несущественными заигрывания с масскультурой, на первый план выступают непреходящие духовные ценности, ибо мало кто может отрицать, что затяжной кризис современного человечества, поставивший планету на грань необратимой экологической катастрофы, имеет духовную природу. Вернадский же, поскольку разрабатывал идею ноосферы до овладения человечеством силами атома, полагал, что «энергия, доступная человечеству, не есть величина безгранична, так как она определяется размерами биосферы. Этим определяется и предел культурной биогеохимической энергии» [Вернадский, 1991, с. 131].

Роль культуры в ноосферогенезе – вопрос, который еще не разработан современной наукой. По мнению М.Ю. Шишина, который попытался решить эту задачу в рамках философии культуры,

в ее аксиологическом понимании, – как система вечных ценностей культура задает идеал ноосферного существования. С точки зрения синергетической концепции «культура выполняет в отношении ноосферогенеза функцию целевой детерминации (детерминации будущим)» [Шишин, 2003, с. 146] – она создает те образы, идеи, архетипы, которые впоследствии реализуются в пространстве, на земной поверхности. В этом отношении современные исследования сближают концепции ноосферы и пневматосферы.

Концепция пневматосферы как встречная теория к учению о ноосфере была выдвинута Павлом Флоренским. Он определял пневматосферу как сферу высших духовно-нравственных ценностей, где накапливается и из которой транслируется духовный опыт человечества, который может воплощаться как в артефактах и текстах, так и в ландшафтах. В более поздних исследованиях уже более явно, чем в оригинальной концепции, прослеживается включенность в пневматосферу артефактов и символов, как проявление гармонии духа и косной материи: «Например, гармония воплощенна в афинском Акрополе, храме Покрова-на-Нерли, идеал материнства – в иконе “Владимирской Богоматери”, “Сикстинской Мадонне” и так далее. В этой сфере духа, пневматосфере, <...> находятся не только высшие и вечные ценности, но и всеми признаваемые и, что особенно важно, практически “без перевода” постигаемые. Не важно, из какой страны приехал человек в Афины, не важно, на каком языке он говорит и каков его культурный уровень, – афинский Акрополь не оставит его равнодушным. И чем глубже художественное, философское, духовное и эстетическое восприятие у зрителя, тем больше он сможет проникнуть в глубину культурного объекта, тем большее число слоев и смыслов развернутся для него при постижении артефакта культуры» [Шишин, 2003, с. 138]. В свете теории кросскультурных коммуникаций интересен постулат отдельных культурных «реперов», «вех», не нуждающихся в интерпретации из-за их всеобщности. Пневматосфера выступает в роли эйдетического пространства, подразумевающего сплошность, универсальность и однородность, реализуя в себе высшую составляющую культуры, в то время как ноосфера при всеохватности подразумевает внутреннее разнообразие, подобно биосфере и литосфере.

Согласно концепции Рериха, культура имеет непосредственное отношение к энергии мысли и творчеству духа. При этом дух рассматривается как особый вид материи и высокий по своему уровню вид энергии, которая в системе Живой Этики носит называ-

ние огненной энергии. Творчество духа, с одной стороны, выступает посредником, проводником влияний Космоса, с другой – обладает способностью вовлекать в свою орбиту нужные элементы и явления, соединя небо и землю (высшие энергии и грубую материю). Этот процесс имеет результатом как эволюцию духа человека-творца, так и одухотворение материи. Эта положение близко учению Павла Флоренского, который на примере чудотворных икон писал о способности культуры преображать косную материю, утончать ее физические свойства, в современной терминологии – о «проявлении тонкоматериальной (эйдетической) составляющей в артефактах культуры» [Шишин, 2003, с. 131]. Вполне возможно это свойство культуры транслировать на отдельные участки земной поверхности, о чем пишут современные культурологи: «Культура как самоорганизующаяся система духа, будучи неотъемлемой от творчества, преображает окружающую материю, способствуя ее утончению... <...> Постепенно преображается и та территория, на которой сосредоточено большое собрание культурных сокровищ, так как она заключает в себе высокую энергетику творений духа человека...» [Соколов, 2008, с. 15].

Пакт Рериха, один из первых договоров в защиту культурного наследия, приобретает особое значение в рассмотренном выше контексте ноосферной реальности. Пакт, содержащий общие, принципиальные положения об охране культурных ценностей, мог быть воплощен в действие посредством заключения как всемирного, так и регионального договоров. Универсален и предмет регулирования этого договора – культурные ценности и культурные институты, а также регламент применения – как во время мира, так и в случаях вооруженных конфликтов. Принципиально, что положение о защите объектов носит в Пакте безусловный характер и не ослабляется оговорками о военной необходимости, снижающими эффективность охраны культурных ценностей в условиях вооруженных конфликтов. «Учреждения, Коллекции и Миссии таким образом могут выставить отличительный Флаг (красная окружность с тремя кружками в середине на белом фоне), который даст им право на особенное покровительство и уважение со стороны воюющих Государств и народов всех высоких Договаривающихся Сторон» [Знамя ..., 1995, с. 26]. Охранительное значение этого знака, Знамени Мира, предполагалось не только во время военных конфликтов. Сам Рерих трактовал этот символ как прошлое, настоящее и будущее в едином круге Вечности. Это единство трех ипостасей времени необходимо для устойчивого развития общест-

ва и подразумевает культурную преемственность, базирующуюся на непреходящих ценностях. «...Для нас Знамя Мира является во все не только нужным во время войны, но, может быть, еще более нужным каждодневно, когда без грома пушек часто совершаются такие же непоправимые ошибки против Культуры» [Знамя ... , 1995, с. 68]. «Повелительно принять немедленные меры, чтобы оградить от опасности благородное наследие Прошлого для славного Будущего. Это произойдет тогда, когда все страны торжественно поклянутся охранять сокровища Культуры, которые, в сущности, принадлежат не одному народу, но миру. Этим путем мы можем создать еще одно приближение к расцвету Культуры и Мира», – писал Николай Константинович Рерих в своей статье о Знамени Мира [там же, с. 105].

Н.К. Рерих особо отмечал необходимость общественной охраны культурного наследия, что предусмотрено в положениях Пакта. В своих выступлениях и статьях он не раз подчеркивал воспитательное значение Пакта. Если уважение к духовной ценности памятников культуры не было воспитано, не было глубоко осознано, то условности внешней культурности осыпаются, как неправильно положенная штукатурка, и проявляется лик разрушителя во всем его безобразии. И не так уж важно, что служило оправданием или поводом для разрушения – война, религия или безденежье.

Опознавательные знаки должны присутствовать на культурных объектах и учреждениях и в мирное время, такова была мысль Н.К. Рериха. Знак, предложенный Рерихом, Знамя Мира, был призван изменять семантику культурного ландшафта (которая сама по себе имеет воздействие на сознание и подсознание человека), соответственно усиливая значение культурного наследия для воспитания национального самосознания.

Защищая культурное наследие, объявляя о его приоритете, Пакт Рериха фактически закреплял в пространстве планеты необходимость сохранения базиса культуры будущего – те накопления духовной энергии, которые сосредоточены в артефактах, памятниках, текстах, священных местах и проч. Современные международные и тем более российские внутригосударственные правовые документы в защиту культурного наследия не подразумевают безусловный приоритет культуры, что в большинстве случаев ведет к утрате ценностей, имеющих не только национальное, но и мировое значение. Тем не менее мы не должны забывать, что, сохранив всепланетную ткань культуры, мы сохраняем те самые целевые

детерминанты, способные вывести реальность нашей планеты из состояния ноосфераты на уровень Ноосферы. Сохраняемое и накопляемое культурное наследие призвано трансформировать, утончать не только коллективное сознание человечества, но и материю земной поверхности, а может быть, и ее глубин.

«Семя брошено, а как и где оно будет расти – не нам судить» [Перих Н., 1995а, с. 642].

ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ¹

Хочу видеть вас идущими по лицу мира, когда от множества границ стираются народности. Как можем летать, когда привыкли на маленький гвоздик?! Удумать надо, как человечеству нужны путешествия!

Учение Живой Этики. Община, §93

Все полно знаками. Лишь не просмотрите. Смотрите зорко и радостно, и подвижно.

Н.К. Рерих

Через пустыни и горные цепи Азии к 30-м годам прошлого века пролегли маршруты экспедиций великих русских путешественников – Н.М. Пржевальского, В.И. Роборовского, Г.Н. Потанина, братьев В.Е. и Г.Е. Грумм-Гржимайло, П.П. Семенова-Тяншанского, В.А. Обручева, П.К. Козлова – и западных ученых – Отто Франке, Свена Гедина и др. Путешествие Н.К. Рериха по Центральной Азии было особенным, поскольку экспедицией руководил известный мыслитель и художник, имеющий свою концепцию культуры и ее истории, в ней участвовали также философ Елена Ивановна и ученый-востоковед Юрий Николаевич Рерихи. Это определило значимость и многомерность ее результатов.

Экспедиции был присущ свой особый подход к изучению пространства культуры, которую Н.К. Рерих трактовал как Почитание Света (Cult-Ur). Неразрывно связана с этой экспедицией была реальность священных мест Азии, обителей духовных Учителей Востока – легендарной Шамбалы. Караван экспедиции передвигался известными тропами, но «оказалось, что легенды и рассказы о Заповедной Стране, Мудрецах и Камне ожили на его

¹ Использованы статьи [Лавренова, 2009; Лавренова, 2012; Лавренова, 2021].

маршруте. Караван шел по какой-то особой, тайной тропе. И если сам экспедиционный маршрут был достоянием обычных историков, то тайная тропа пересекала пространство “помимо историков”. <...> Караван имел прямое отношение к важнейшему планетарному процессу – формированию нового эволюционного мировоззрения. Николай Константинович называл его энергетическим. Оно нашло свое отражение и объяснение в книгах Живой Этики и в философских работах Елены Ивановны Рерих, в очерках и картинах самого Николая Константиновича» [Шапошникова, 1994, с. 10].

Вышедшие по результатам экспедиции книги Николая и Юрия Рерихов, безусловно, обогатили человечество новыми знаниями, а собранный материал стал основой научного института – Института гималайских исследований «Уруสวати», но этим ее значение не исчерпывается. В частности, на маршруте экспедиции было собрано несколько новых книг философского учения Живая Этика.

Экспедиция проследовала и в географическом, и в политическом, и в культурном пространствах. Караван, груженый необходимыми вещами, палатками и продовольствием, преодолевал не только высокие перевалы, горные реки, пустыни и соляные болота, но и сопротивление чиновников, козни английской разведки, напряженность политических отношений в спорных регионах Центральной Азии, на которые явно или тайно претендовали великие державы того времени. Но в отличие от других научных экспедиций, Рерихи перемещались также и в сакральном пространстве Азии, искали и находили скрытые смыслы ее духовного пространства.

Маршрут

Основной маршрут экспедиции выразился в следующем обширном круге по серединной части Азии.

Дарджилинг, монастыри Сиккима, Бенарес, Сарнат, Северный Пенджаб, Равалпинди, Кашмир, Ладак, Каракорум, Хотан, Яркенд, Кашгар, Аксу, Кучар, Каравар, Токсун, Турфанские области, Урумчи, Тянь-Шань, Козеунъ, Зайсан, Иртыш, Новониколаевск, Бийск, Алтай, Ойротия, Верхнеудинск, Бурятия, Троицкосавск, Алтын-Булак, Урга, Юм-бейсе, Анси-Джая, Шибочен, Наньшань, Шарагольчи, Цайдам, Нейджи, Хребет Марко Поло, Кокушили, Дунгбуре, Нагчу, Шенда-Дзонг, Сага-Дзонг, Тингри-Дзонг, Шекар-Дзонг, Кампа-Дзонг, Сепола, Ганток, Дарджилинг.

Следуя по горным перевалам перейденным, мы получаем следующий лист 35 перевалов, от 14 000 до 21 000 футов.

Соджи-Ла, Кардонг-Ла, Каравул-Даван, Сассер, Дабзанг, Каракорум, Сугет, Санджу, Урту-Кашкашин-Дабан, Улан-Дабан, Чахарин-Дабан, Хенту, Нейджи-Ла, Кукушили, Дунг-буре, Танг-Ла, Кам-Ронг-Ла, Тазанг-Ла, Ламси, Наптра-Ла, Тамакер, Шенца, Ланце-Нагри, Цаг-Ла, Лам-Линг, Понг-Чен-Ла, Дончен-Ла, Санг-Мо-Ла, Киегонг-Ла, Цуг-Чунг-Ла, Чжя-Ла, Уранг-Ла, Шару-Ла, Гулунг-Ла, Сено-Ла.

Н.К. Рерих. Сердце Азии

Первая часть маршрута Центрально-Азиатской экспедиции пролегала по путям, уже пройденным русскими исследователями – через Кашмир, Каракорум, Куньлунь, Кашгар, через Урумчи и Джунгарию к озеру Зайсан. Оказавшись на территории Советского Союза, экспедиция проследовала в Москву, из Москвы – на Алтай. Вторая часть экспедиции стала новой страницей в исследованиях Центральной Азии, так как шла по еще не пройденному маршруту – из Улан-Батора через Гоби, Наньшань, Цайдам и Восточный Тибет. Как справедливо заметил известный советский географ Юрий Константинович Ефремов, Н.К. Рериху «первому из русских людей удалось осуществить вековую мечту отечественных исследователей – совершив то, чего не смогли сделать ни Пржевальский, ни Роборовский, ни Потанин, ни Козлов, – пересечь с севера на юг все Тибетское нагорье, Трансгималаи и Гималаи с выходом на Индию» [Ефремов, 1960, с. 255]. Было пройдено свыше 25 тыс. км, пересечены две пустыни, преодолены 35 высокогорных перевалов, многие из которых путешественники впервые нанесли на карту.

Центрально-Азиатская экспедиция под руководством Н.К. Рериха начала свой путь с Гималаев. Гималаи, Ладак, Ка-

корум, Куньлунь, Алтай, Тибет – все эти высокогорные страны были не столько препятствиями на пути каравана, сколько особыми смысловыми вехами на пути экспедиции.

Знакомство с Гималаями началось в Сиккиме – небольшом княжестве на севере Индии. Над Сиккимом возвышалась величественная Канченджанга (8585 м), у одной из пяти вершин которой, по преданию, находился вход в священную страну Шамбалу. В Сиккиме были собраны этнографические коллекции и предметы тибетского искусства – создана коллекция тибетских танок, которые Ю.Н. Рерих описал в монографии «Тибетская живопись» [Roerich G., 1925] – одной из своих первых работ, ставшей фундаментальной для мирового востоковедения.

В марте 1925 г. Рерихи переместились из Восточных Гималаев к Западным, в Кашмир. Большую часть времени провели в Гульмарге, на взгорьях Пир-Панджала, где совершались приготовления к длительному путешествию. Кашмир, как перекресток древних путей, впитавший в себя краски и узоры тех стран, откуда шли торговые караваны, чрезвычайно интересовал Николая Константиновича.

Из Кашмира, преодолев всевозможные препятствия, в организации которых были замешаны британские власти, экспедиция выдвинулась в Ладак, Малый Тибет, следуя по караванной дороге Шринагар–Лех через перевал Зоджи-ла (3529 м). В Ле, столице Ладака, Рерихи по приглашению бывшего короля Ладака жили в королевском дворце. Здесь Николай Константинович рисовал близлежащие монастыри и крепости, окрестные горы, долину Инда. Эти произведения составили серию «Святыни и твердыни». Ю.Н. Рерих продолжил изучение искусства – кашмиро-тибетской деревянной резьбы, ранее описанной итальянцем Дж. Туччи.

В конце сентября 1925 г. караван направился дальше на север, к снежным хребтам Каракорума. Экспедиция шла опаснейшим маршрутом, пять высокогорных перевалов, в числе которых Кхардонг-ла (5183 м) и Сассэр (5364 м), миновали за двенадцать дней. «На Дапсангском плато экспедиция прошла мимо камня с латинской надписью, высеченной экспедицией де Филиппи в 1914–1915 гг.» [Рерих Ю., 1960, с. 258].

9 октября 1925 г. экспедиция прошла перевал Каракорум (5575 м), затем миновала перевалы Сугет-дабан (5367 м) (за которым находился китайский пограничный пункт), Санджу-дабан (5075 м) и Санджутаг.

В Хотане экспедиция была задержана местными властями и простояла до конца января 1926 г. Судя по книге Ю.Н. Рериха, первоначально из Синьцзяна предполагалось отправиться через Ганьсу в Пекин, а в СССР Рерихи попали под давлением обстоятельств, – возможно, эти сроки были рассчитаны на западных читателей, которым трудно было бы понять поворот экспедиции на территорию Советской России. После Хотана полный трудностей и опасностей путь пролег через Китайский Туркестан, через горячую Такла-Макан вдоль южных предгорий Тянь-Шаня. В Урумчи намеревались пройти горным путем, но местные власти предписали двигаться в обход, по окраине Турфанской котловины, одной из самых жарких и сухих областей на земле.

В начале лета 1926 г. состоялся важнейший визит в Москву, встреча с советскими руководителями и передача послания Махатм к советскому народу. И только в июле-августе 1926 г. снова встреча с горами – роскошным и изобильным Алтаем, куда, как отмечал Николай Константинович Рерих, «доходил Благословенный Будда» [Рерих Н., 1992а, с. 132], «где родилось учение о Белом Бурхане и его благом друге Ойроте» [там же, с. 280]. Здесь Рерихи остановились в селе Верхний Уймон, где собирали предания о заповедной стране духа, которую уходили искать староверы. Из Верхнего Уймона делались радиальные маршруты в горы, в том числе к подножьям священной горы Белухи.

После Алтая экспедиция направилась к столице Монголии Урге, через несколько лет после народной революции 1921 г. переименованной в Улан-Батор, где Н.К. Рерих подарил монгольскому правительству картину «Великий всадник» («Ригден Джапо – Владыка Шамбалы»). Здесь провели зиму 1926–1927 гг., готовясь к пути через Гоби на Кукунор и Тибет. Дальше маршрут шел через монастырь Юм-Бэйсэ, Аньси, урочище Шара-хулусун. Ю.Н. Рерих отмечает, что «островные» оазисы, «расположенные в горных массивах монгольского Гоби, представляют большой интерес как центры расселения кочевого населения в гобийских районах и в древности играли значительную роль в жизни кочевых государственных образований» [Рерих Ю., 1960, с. 259]. В пустыне экспедиция отмечала множество оленых камней, высоких менгирообразных гранитных и песчаниковых глыб, покрытых орнаментом, несколько курганов и каменных баб, «совершенно того же характера, как каменные бабы южнорусских степей. В одном случае от каменной бабы в восточном направлении шла длинная аллея про-

долговатых камней, на расстоянии около километра» [Перих Н., 1992в, с. 190].

Июнь и июль 1927 г. экспедиция провела на берегу Шарагола, во время этого стояния было сделано несколько радиальных маршрутов по Северному Цайдаму. Был собран «лингвистический материал по наречию дэд-монголов (хошутов), тангутов-амдосцев, как оседлых, так и кочевых, их соседей банаков и даже голоков» [Перих Ю., 1960, с. 260].

Цайдам Перихи пересекали по новому, никем ранее не проходимому маршруту – мимо озера Дабасун-нур (Давасан-нур) и по реке Нэйчжи-гол.

Пройдя Цайдам, экспедиционный караван вышел на границу Тибета, на реке Дричу состоялась встреча с пограничниками лхасского правительства. Затем – переход экспедиции через перевал Тангла (4993 м) – местопребывание 33 богов и духов. Уже после завершения экспедиции на картинах Н.К. Периха не раз будет запечатлен узнаваемый силуэт сверкающего хребта Тангла.

В октябре 1927 г. на высокогорном плато Чантанг тибетские чиновники по наущению английской разведки [см.: Шапошникова, 1998а, с. 461–483] остановили караван и фактически обрекли экспедицию на гибель. Но нищета и невежество тибетцев не могли затмить красоту высокогорий и сломить дух путешественников. Н.К. Перих писал пейзажи в период зимнего стояния под Нагчу. Позднее, в 1940-х годах, художник создал несколько этюдов, где на картоне запечатлены черные палатки на фоне заснеженных гор Чантанга. Ю.Н. Перих во время зимовки собирал материал о кочевниках хорпа. В монастыре Шаруген, где прошла часть зимовки, было найдено собрание писаний тибетского добуддийского шаманизма, или пёна (бон). Кроме того, «экспедиции удалось открыть интересные памятники кочевого прошлого Тибета:

1. Погребения (каменные могилы, курганы).
2. Мегалитические памятники (менгиры, кромлехи, ряды менгиров).
3. Предметы с орнаментом в “зверином” стиле, обнаруженные в могилах, а также бытующие в современном обиходе кочевников» [Перих Ю., 1960, с. 260].

Когда высокогорный снежный плен закончился и экспедиции было предписано вернуться в Индию в обход столицы Тибета Лхасы, путь Перихов лежал через область Великих Озер Тибета и через Трансгималаи. Это был малоисследованный район, здесь встречались неразграбленные погребения, интересные археологи-

ческие находки. В урочище Доринг, к югу от озера Панггонг, была найдена и описана группа мегалитов и кромлехов, состоящих из двух концентрических кругов камней.

Трансгималаи перешли через перевал Сангмо-бэртик, на котором анероид экспедиции показал высоту 7000 м. С перевала увидели долгожданные Гималаи. На берега Цангпо (верховья священной реки Брахмапутры) вышли у Сага-дзонга.

В мае 1928 г. Центрально-Азиатская экспедиция вернулась в Сикким.

«Научные рекогносцировки» в условиях политической нестабильности

На наших глазах погибал караван. Каждую ночь иззябшие голодные животные приходили к палаткам и точно стучались перед смертью. А наутро мы находили их павшими тут же около палаток, и наши монголы оттаскивали их за лагерь, где стаи диких собак, кондоров и стервятников уже ждали добычу. Из ста двух животных мы потеряли девяносто два. На тибетских нагорьях осталось пять человек из наших спутников: три ламы, один бурятский, и два монгола, затем тибетец Чампа и, наконец, жена оставленного с нами майора, умершая от воспаления легких. Даже местные жители не выдерживали суровых условий. А ведь наш караван помещался в летних палатках, непрготовленный для зимовки на Чантанге, который считается наиболее суровою частью Азии.

Н.К. Рерих. Сердце Азии

Центрально-Азиатская экспедиция имела много аспектов, ее сокровенные смыслы запечатлены в основном в трудах Е.И. и Н.К. Рерихов. Н.К. Рерих издал свой путевой дневник как книгу «Алтай – Гималаи» [Roerich N., 1929], а также свои размышления о геокультурной реальности (если выразиться в современной научной терминологии) – «Сердце Азии» [Рерих Н., 1929]. Книгу Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии» [Roerich G., 1931] можно рассматривать и как одно из документальных свидетельств путешествия, и как текст о путешествии, написанный в лучших традициях отечественной науки. Если книги Н.К. Рериха – это скорее философские и антропологические эссе, написанные на геокультурном материале, то путевой дневник Ю.Н. Рериха выполнен в академическом стиле и его также можно было бы назвать «научной рекогносцировкой», применив выражение великого русского путешественника

Н.М. Пржевальского. Основной целью таких рекогносцировок изначально было всестороннее и научно обоснованное описание пройденных местностей, сортирование коллекций. Хотя собственно топографические съемки в Центрально-Азиатской экспедиции не велись, в книге Ю.Н. Рериха представлена в полной мере визуальная оценка и анализ характера местности и памятников культуры по маршруту следования, особенностей местного быта.

«Для путешественника, в высоком значении этого слова, требуется сочетание многих незаурядных физических и нравственных качеств, без чего крупный успех дела, даже при лучшей внешней обстановке, мало будет обеспечен. Откровенно говоря, путешественнику нужно родиться, да и пускаться вдаль следует лишь в годы полной силы», – писал Н.М. Пржевальский [цит. по: Козлов, 1947, с. 25]. Великий русский путешественник учил, что «необходимо более всего наблюдать, то есть собирать голые факты», вести записи на свежую память.

Как полагал Ю.Н. Рерих, в орбиту исторических судеб Центральной Азии (позднее он напишет фундаментальный труд «История Средней Азии») входили великие культурные очаги древности, такие как Иран, Индия, Китай и в меньшей степени Древний Восток и Византия. Поэтому, хотя маршрут экспедиции Н.К. Рериха проходил исключительно в континентальных районах, дыхание обширных пространств от моря до моря присутствует в книгах отца и сына – в описании караванных путей, встреченных паломников,nomadov. По мере описания пути становится зримым своеобразный рисунок дорог и караванных путей, открывается караванная и кочевая Азия – особая культура, спровоцированная природой пустыни, которая «оказывает необычное, почти сверхъестественное воздействие на каждого, кто хоть раз путешествовал по ее пространствам» [Рерих Ю., 2012б, с. 259] и побуждает к движению.

Рерих-художник на холстах и в книгах рисует красочные пейзажи, в том числе описывая словами пластику гор и холмов и их краски. По маршруту экспедиции были созданы сотни картин и набросков. В карандашных сketчах Николая Константиновича узываемо вырисовывается морфология горного ландшафта, словами он помечает в каждой плоскости ее цвет, часто обозначая его сочетанием художественных красок.

Современные исследователи текстов о путешествиях отмечают существенную их особенность: «Где перемещение в пространстве – там и пересечение границ. Не только географических

или политических, но также (и может быть, в первую очередь) культурных. А это уже проблематика “образа Другого”: статус путешественника располагает и иногда даже вынуждает к вынесению суждений об увиденном...» [Толстиков, Кошелева, 2010, с. 6]. Антропологические заметки Н.К. Рериха свидетельствуют о глубоком проникновении в иную культуру, суждения выносятся не отстраненно, а с непосредственным и заинтересованным участием в увиденном.

Центральная Азия представляла собой на тот момент взрывоопасный паровой котел из-за внутренних конфликтов, к тому же то и дело ощущалось влияние враждебных сил, стремящихся затруднить научную и художественную работу, – как позже выяснится, многие из препятствий и главное – зимнее стояние на Чантанге, в Тибете, были организованы английской разведкой, которая была не заинтересована в благополучном возвращении Рерихов в Индию. Но Н.К. Рерих за всеми этими перипетиями видит корнем зла невежество, будь то самодурство правителя Хотана, остановившего экспедицию и запретившего писать картины, или тибетские власти, фактически обрекшие караван на верную смерть, оставив его зимовать на высокогорье в летних палатах.

Кроме этих двух вопиющих случаев, в регионе в тот период происходили крупные и мелкие вооруженные конфликты, которые отражались на потоках беженцев и умонастроениях местного населения. Взаимоотношения местных и центральных властей были довольно странными, что отражалось и на караване – пекинские паспорта, пересланные Рерихам в Индию через китайского посла в Париже, не признавались в Синьцзяне, одной из провинций Китая, а документы, выданные на проход экспедиции в Тибет, оказались абсолютно бессильными перед скрытыми инсINUациями английских резидентов, поскольку Тибет находился под протекторатом Великобритании.

Против экспедиции устраивались провокации, как, например, агрессивное недовольство торгоутов, организованное чиновниками Карапара для того, чтобы помешать идти в Урумчи горным, более коротким и прохладным путем. Были и бандитские нападения. К ним готовились – перед выходом из Урги в сторону Тибета, например, в штат экспедиции набирали опытных стрелков, охотников и проводили специальные военные учения, чтобы каждый знал свою роль и место в случае нападения, а Ю.Н. Рерих, имевший также военное образование, был ответственным за безопасность. Перед лицом приближающейся опасности спокойно, со

знанием дела даются распоряжения по отряду, ситуация преломляется в пользу участников экспедиции, и противники еще потом приходят в лагерь «с мирным визитом», чтобы убедиться, действительно ли хорошо вооружены путешественники, как это было в случае нападения голоков на подступах к Тибету. Один из участников экспедиции, полковник В.П. Кордашевский, присоединившийся к Рерихам в долине р. Шарагол на пути в Тибет, в своих путевых заметках рисует схему столкновения с голоками и схему последующих укреплений лагеря, благодаря которым удалось одержать победу над опасным противником [Декроа, 2000, с. 120]. Во многом благодаря продуманной умелой организации обороны лагеря удалось избежать кровопролитной стычки с разбойниками, к которым должно было подойти подкрепление.

Долгие пять зимних месяцев Рерихам пришлось провести в невыносимых условиях на высоте выше четырех тысяч метров. Хотя снаряжение экспедиции было тщательно продумано и для этого участка маршрута были привезены из США так называемые канадские палатки, они не были рассчитаны на морозы высокогорий, поскольку предполагалось миновать Тибет до наступления зимы. Гибли животные каравана, умирали люди, оставшиеся в живых пытались согреться. Экспедиции было запрещено двигаться вперед и возвращаться назад. Н.К. Рерих вспоминает: «Опять морозы, вихри, запрещение покупать пищу и сноситься с проходящими караванами. <...> И так каждый день среди мерзлой равнины с вялыми мрачными очертаниями мертвых гор. <...> Просили пустить нас в ставку Кашёпа в Каме, ответили: [“Ме, ме, ме”, что значит] “нельзя”. Просили пропустить нас Восточным Тибетом – опять “ме, ме, ме”. Просили вообще отпустить нас назад – “ме, ме, ме”. Все “ме, ме, ме”» [Рерих Н., 1992а, с. 306]. Ю.Н. Рериха записывает в один из дней: «6 ноября 1927. Снег продолжал идти всю ночь и следующий день. Нам пришлось оставаться в палатках. Все были измучены ужасным морозом, из-за которого наши силы были на исходе. На такой большой высоте сохранить тепло в палатке – это за пределами возможного. Развести огонь во всех палатках было нельзя, поскольку у нас был крайне скучный запас аргала на каждый день, и его едва хватало на нашу кухню и кухню наших монголов. Нам приходилось согреваться ходьбой по лагерю – по дорожкам, протоптанным специально для этого. Посидев полчаса в палатке, приходилось снова вставать и идти, чтобы согреться; и так – целый день. Чтобы сохранить наши ноги в тепле, мы сделали большие войлочные сапоги из верблюжьих седел умерших живот-

ных» [Перих Ю., 2012б, с. 440]. В этом сдержанном описании – суровая правда отчаянной борьбы за жизнь каравана, поставленного тибетскими чиновниками на грань уничтожения.

Но экспедиция преодолела все препятствия. Сам по себе этот путь был примером духовного и научного подвижничества, которое сложно представить современным путешественникам.

Идея Общины в Живой Этике

Вы понимаете, что без общины Земля жить не может. Вы понимаете, что без расширения небесных путей существование становится ничтожным. Новый Мир нуждается в новых границах. У ищущих должна быть дорога. Разве она узка по всему небосклону? Счастье в том, что искатели не должны приникать ухом к земле, но могут обратить взгляд на духовную высь. Лучу легче искать поднятые головы. И каждое движение мира обусловлено общиной.

Учение Живой Этики. Община, §29

Утверждающий общину способствует ускорению эволюции планеты. Всякое окаменение и неподвижность будут означать возвращение к первичным формам.

Обратите внимание на историю прошлого; вы увидите ясные толчки преуспеяний, вы наглядно увидите, что эти толчки совпадают с проявлением идеи Общины-сотрудничества. Разрушились деспотии, проникали достижения науки, возникали новые способы труда, сияли благие дерзновения, когда развертывалось знамя сотрудничества.

Если бы человечество чаще мыслило о сотрудничестве, оно давно уже вступило бы в мировое понимание Общего Блага.

Учение Живой Этики. Община, §212

Маршрут Центрально-Азиатской экспедиции проходил по Советской России с заездом в Москву. Вокруг этого визита множатся разные домыслы. Но у этого визита была своя глубинная подоплека, укорененная не в политических интригах, а в философии космического мировоззрения и в идеях общины, которые в учении Живой Этики поднимались на космическую высоту. Этой идеи была посвящена одна из книг Живой Этики – «Община» – и именно она была привезена в Москву как дар, вместе с посланием Махатм. Но здесь она не была понята и принята, и Перихи издали ее в Урге. Еще один вариант издания был сделан в Риге, но там из текста были изъяты имена Ленина и Маркса, которые в ургинской книге упоминались неоднократно в самом позитивном ключе.

Живая Этика – это текст, который постоянно меняется в зависимости от состояния сознания читающего. Более того, этот текст, вернее, его восприятие, меняется и в зависимости от исторической ситуации, от того, что происходит в мире сегодня. И вполне логично понимать и трактовать Живую Этику в актуальном историческом и событийном контексте. Было бы ошибкой пытаться познать это философское учение, не пытаясь анализировать, во-первых, той исторической ситуации, в которой она была создана, во-вторых, современные события, новейшие открытия науки, новые веяния философской мысли. Именно так открываются новые глубины текста, становится более очевидной вечность изложенных там истин и возможность их применимости в самых разных аспектах нашего бытия.

Идея Общины – один из таких аспектов, который обретает разные прочтения в разные исторические периоды. Эта идея не новая, и Живая Этика была не первым философским произведением, которое всесторонне осмысливает общину как социальное явления.

Но есть важные аспекты, которые показывают особенность точки зрения Живой Этики. Для того чтобы эти особенности были понятны, нужно посмотреть на философское учение *в исторической перспективе*.

Если заглянуть в социальную и духовную жизнь Древнего Востока, в античность, то известны и тексты, ставшие частью мирового культурного наследия, и практические локальные эксперименты, которые были связаны с Общиной в глубокой исторической перспективе. Духовные общины существовали в разные времена в разных странах, их жизнь регламентировали собственные уставы и этические кодексы, определяющие их иерархию и самоорганизацию.

Важный аспект исторической перспективы в данном вопросе – это ситуация 1920-х годов, когда писалась книга «Община». Так же важна ситуация 1930-х годов, с которой связана книга «Напутствие вождю». И наконец, для понимания Общины в Живой Этике важна историческая ситуация конца XX и начала XXI в., в которой мы живем, – когда мир отказался от этой идеи как социальной перспективы практически полностью.

Почти столетие эта идея будоражила умы человечества. Она не только будоражила, но и пыталась реализоваться на практике в невиданных до сих пор масштабах, она стучалась во все двери. И книга «Община» была одним из проводников этой великой идеи, которая пыталась реализоваться в социальной материи.

Но именно в XX в. сложилась ситуация, когда родилось мощное противодействие этой идеи из-за неправильного ее использования

и реализации в социальной практике. Это очень симптоматично, потому что если вспомнить средневековую структуру ада, которую рисовали мыслители того времени, то в самом низу, близ поврежденного Сатаны, были не убийцы, не насильники, не извращенцы – там находились фальсификаторы, поскольку дьявол – отец лжи и извращения Истины. Это самый большой грех в этом мире.

От фальсификации и извращения идея Общины пострадала более, чем другие великие идеи. На основе такого фальсифицированного воплощения в жизнь и родились антиутопии – А. Платонов, Е. Замятин, Д. Оруэлл, О. Хаксли и другие авторы создали мощную основу для интеллектуального противодействия не только тотализма, но и идее всеобщего благоденствия, равенства и братства.

В учении Живой Этики можно найти не только философию Общины, но и философию бытия социума и философию истории. Согласно этой комплексной системе мысли, для того чтобы любое историческое событие сложилось, должно совпасть несколько элементов. Первое – импульс, который исходит из реальности более высоких измерений, или космическая необходимость. Этот импульс идет через избранника, вестника космических сил, т.е. именно так объясняется роль личности в истории. Когда идея нужно пробиться несмотря на то, что не нашлось пассионария, человека, воспринявшего этот импульс, того самого Вестника, который ее начнет разрабатывать, космический импульс воплощается через народные массы. Соответственно, второй элемент совершения исторического события – уровень сознания народа. Третий – энергетика народа. Бывают исторические коллизии, когда народ обладает высоким сознанием, но ему лень что-то менять, потому что уютная стабильность дороже любых перемен. Четвертый – собственно социальная материя, которая соткана из человеческих отношений. Социальная материя в современной науке рассматривается как объективная реальность, о чем сейчас учит социология. И существует два основных состояния социальной материи – относительно спокойное, стабильное, в котором общество саморегулируется с помощью социальных институтов: институт семьи, институт государственной власти, институт религии, и все эти институты действуют фактически уже автоматически, потому что это то, что создавалось веками, то, что имеет грандиозную силу инерции, то, что практически нереально сдвинуть с места эволюционными методами. И другое – это состояние взрыва – революции, когда все старое строение общества рушится. Именно в этом состоянии возможно что-то переустроить или переформатировать.

Живая Этика тоже говорит о состоянии взрыва социальной материи. Она говорит о том, что эволюция мира складывается из революций или взрывов материи. То есть, казалось бы, эволюция – состояние спокойное, постепенное, поэтапное. Но именно в отношении социальной материи и, вероятно, в отношении многих других видов материи взрывы – это двигательный процесс эволюции и без них нельзя что-то существенно изменить, всю эту инерционную массу без взрыва сдвинуть практически невозможно. Из современной теории синергетики мы знаем, что взрыв – это точка бифуркации, когда система свободна, она не закреплена в самой себе и в пространстве, она вольна пойти по любому из предлагаемых путей. И если мы обратим взгляд на сто лет назад, то в современной терминологии историческая ситуация в первой четверти XX в. может быть обозначена именно как точка бифуркации. Тогда социальная система России да и мира в целом была настолько разбита и раскрепощена социальным взрывом, который произошел у нас в стране (и по всему миру происходили малые взрывы), что в принципе возможностей выбора дальнейшего пути было множество и можно было их реально использовать.

Живая Этика в книге «Община» и Рерихи в своих письмах и в других произведениях писали о Новом Мире, который должен быть построен на совершенно иных принципах. В книге «Община» идет речь о качественно ином состоянии социальной материи, которая построена не на общественных (горизонтальных) взаимодействиях, которые были базовыми на протяжении всей истории человечества, а на вертикали духовной реальности, которая в идеале должна регулировать эту горизонталь. И Община в данном случае выступала в двояком качестве – и как условие изменения качества социальной материи, потому что новое сознание должно формироваться в новых условиях, и как результат, потому что именно общая, а не институциональная, структура социума могла стать базовой для будущего человечества.

Очень многое из того, что было за века перед этим сказано, написано и сделано, в Живой Этике опять заново повторялось. Прежде всего это этика в отношениях между людьми. Первоначально смыслом слова этос были правила, порожденные совместным проживанием. Но для повышения качества социальной материи регулятором должен быть не просто свод правил, но именно высокая нравственность. Так же важна духовность, большинство общин древности создавались ради духовного совершенствования. И наконец – Иерархия, которая должна обеспечивать не столько

«вертикаль власти», сколько связь с миром Высшим, приток и перераспределение духовной энергии. Это вечные элементы, которые были, есть и будут при любом обсуждении или попытке построения духовной общины. Исключением были социальные эксперименты просветителей, которые пытались построить общину на принципах экономической справедливости – своего рода прообраз Царства Божьего на земле, но без Бога, царства равенства и братства, которое будет создано руками человеческими.

В Живой Этике помимо вечных признаков и принципов духовной общины открывались новые ее аспекты, они выносились на суд человечества именно в тот период, когда идея Общины билась во все двери и пыталась воплотиться в жизнь. Новое – это космичность социальных построений, их соответствие камертону Высшего мира, т.е. социум ставился в прямую зависимость от иного состояния материи, от духовной реальности, от иных миров, оказывался сонастроенным грандиозной энергетической системе Вселенной.

Если применить к социуму метафору механизма, то в Живой Этике основные его элементы – культура и Вождь. Культура показана как трансформатор космических энергий, т.е. рассматривается в контексте космичности общины. Собственно община как социальная структура – ретранслятор, т.е. она призвана радиоровать высоковибрационные энергии в социальную материю, их реализовывать. Община может быть рассмотрена и как генератор, т.е. именно в ней должны создаваться новые смыслы, новые возможности творчества. Вождь – медиатор, непосредственный проводник этих высоких энергий.

В контексте идеи Общины следует вспомнить книгу «Напутствие Вождю», не входящую в корпус книг Живой Этики, являющейся как бы дополнением к ней. Она была собрана в 1933 г., напечатана в 50 экземплярах намного позднее и распространялась среди узкого круга лиц, которые были непосредственными сотрудниками Рерихов. Главная мысль этого текста – Вождь народов должен быть связан накрепко с духовным миром, и такая боговдохновленная личность существенно изменяет структуру саморегуляции социума. (Вождь народов – так называли Сталина в СССР – опять в исторической реальности мы видим, как фальсифицировалась, искажалась, инвертировалась до неузнаваемости великая мысль.)

Государственные и общественные институты – инерция социальной материи, накопленная обществом за многие века, – становится пластичной, и Вождь может ее заново форматировать, вносить новые импульсы и полностью отменять старые структуры. Духовный Вождь, Правитель-Иерарх, становится творцом, для ко-

торого роль «первичной глины» выполняет социум, социальная материя, он волен лепить из нее ту самую структуру, которая идеально соответствует велению времени.

Сейчас много говорится о невежестве и мы констатируем, что с этим уже ничего поделать нельзя, но в «Напутствии Вождю» был дан такой совет, который опять же в основном соответствовал, конечно, иному состоянию социальной материи: «Уничтожить путь невежества можно лишь пробуждением творчества» [Напутствие Вождю, §35]. «Если творчество тягостно, это верный признак ошибки в построении» [там же, §66], т.е. невежеству противопоставляется не просвещение, а творчество, потому что невежество – это омертвевший, обездвиженный, стагнированный тип сознания. Творчество – это пластичное сознание, которое меняется в соответствии с действительностью, в соответствии с высшими духовными импульсами, которое способно создавать новое. Мы видим противоречие омертвевшей статики и динамики, соответствующей высшим импульсам.

И еще: «Не слова, но наполненное пространство толкает вождя в непреложном приказе» [Напутствие Вождю, §61], т.е. то, что сложилось в мире идей, его отзывчивость на историческую ситуацию, на вибрации космических импульсов, заставляет Вождя действовать.

В «Напутствии Вождю» описываются различные качества действия Вождя. Одно из них – это законность. Оно не имеет отношения к гражданскому и уголовному кодексу, созданному людьми. Вспомним Евангелие – Иисус Христос говорил «как власть имеющий», как наделенный властью свыше. «Только сознание Основ эволюции мира подвинет действие в непреложность» [там же]. То есть когда действие законно, тогда оно начинает утверждаться в трехмерном мире. И наконец, как мы можем оценивать современную историческую ситуацию после крушения социалистической системы, после отказа от идеи Общины. Но в книге «Община» сказано, что «неудача одной общины должна быть поводом к новым общинным строениям» [Учение... Община, §226].

ХХ век закончился тем, что мир отказался от идеи Общины. Практически сто лет назад была совершенно противоположная ситуация. Людмила Васильевна писала в своей книге о том, что счастье человечества – внеисторическая задача. «Подобная цель <...> может быть достигнута в пространстве более высокого состояния материи нежели наша» [Шапошникова, 1998, с. 73]. Как пишет Л.В. Шапошникова, «Община» была книгой-предупреждением. Она была дана миру на переломном моменте, когда социалистическая страна еще могла повернуть в эволюционное русло. Община понималась в самом

широком, космическом контексте, как форма организации общества, наиболее отвечающая новому этапу духовного развития человечества. «В книге, созданной Махатмами, речь идет об общине как природном эволюционном процессе. Понятие это трактуется ими много шире и носит более глубокий философский характер, нежели просто социально-экономическое понятие. С этой точки зрения коммуна, по мысли Учителей, является основой, в первую очередь, для духовного совершенствования человека и развития его свободного творческого труда» [Шапошникова, 1998, с. 29].

Н.К. Рерих на протяжении двух десятилетий пытался реализовать идею общины в конкретных социокультурных проектах. Это и концессии на Алтае (1926), это и кооператив в Маньчжурии (1934), это и «сколаршипс» во Внутренней Монголии (1935). В тяжелейших условиях, в условиях противодействия со стороны политических сил, в условиях противоречий со стороны разных разведок, он тем не менее надеялся воплотить их в жизнь. Вот строки из учения, которым Рерихи руководствовались во всех своих начинаниях: «Кооператив не есть закрытое общежитие. Сотрудничество, основанное на законе природы, содержит в себе элемент беспредельности. Обмен труда и взаимопомощь не должны накладывать условных ограничений. Наоборот, кооператив открывает двери ко всем возможностям. При этом кооперативы связаны между собою, и таким образом трудовая сеть покроет весь мир. Никто не может предопределить, какие виды сотрудничества могут развиться. Учреждения, основанные кооперативами, могут быть разнообразными и покроют задания просвещения, промышленности и сельского хозяйства. Невозможно представить ни одной отрасли, которая бы не могла быть усовершенствована кооперативом. Нельзя запретить, если люди сойдутся для сотрудничества в совершенно новом сочетании. Кооператив есть оплот государства и рассадник общественности. Откуда придет общественное мнение? Откуда составится желание преуспеяния? Откуда однокие труженики получат помощь? Конечно, сотрудничество научит и единению» [Учение ... АУМ, §441].

Как читаем выше, «трудовая сеть покроет весь мир»... Поэтому имеет право на существование иная гипотеза о возможности построении Светлого Града на Земле. В социально-экономической материи есть такое понятие, как точки роста. Если страна хочет резко поднять свою экономику, она должна сделать ставку либо на одну какую-то отрасль, либо на наиболее перспективный регион или город, на какое-то предприятие или на передовую технологию. И за этот маленький хвостик перспектив страна может вытянуть себя из трясины, даже если она полностью находится в разрухе.

Наиболее яркие исторические примеры в экономическом пространстве – строительство Петербурга, который не только перетянул на себя большинство экономических потоков, но и стал «точкой роста» для страны в целом, которая вошла на новый политический и экономический уровень. Или, например, советский план ГОЭЛРО. Это был гениальный проект, когда страна с разрушенной экономикой, после Гражданской войны сделала ставку на передовую для того времени технологию и за несколько лет смогла выйти в число экономических лидеров.

Если учитывать состояние социальной материи 20–30-х годов XX в., то несколько в ином аспекте можно рассматривать проект Н.К. Рериха по организации кооперативов – своеобразных общин, основанных на труде, на философии Живой Этики, на духовности, на роли духовного Вождя, поскольку мы знаем, что Рерихи чутко отзывались на космические веления и старались воплощать их в жизнь. Можно предположить, что проекты Н.К. Рериха – это попытка форсировать эволюционный процесс. Как мы помним, в 1920–1930-е годы многие страны Азии, те же Китай и Монголия, находились в состоянии глубокого кризиса, там были сильны революционные движения, а в Советском Союзе еще не набрала обороты репрессивная система ГУЛАГа. Если бы один из проектов Рериха осуществился, это была бы своеобразная «точка роста», которая могла бы в абсолютно разрушенную социальную материю, не соответствующую еще по энергетике Новому миру, но беременную идеей общины как основы переустройства мира, забросить кристалл будущего. Состояние социальной материи было близко к «точке кристаллизации» и, возможно, первый кристалл запустил бы процесс и преобразил планету целиком.

Идею, не воплощенную в мир, можно извратить в любом состоянии, что и происходило с идеей Общины. Если бы любой из проектов Н.К. Рериха удался, это была бы верификация идеи на практике, поскольку можно предположить, что именно в этом случае форма реализации максимально соответствовала бы высоте и величию идеи. Соответственно, такой проект мог бы стать зерном или кристаллом Нового мира, вытянуть человечество из пожара страстей и социальных катастроф.

Сейчас идея Общины как формы преобразования социума отринута повсеместно. Современное направление в гуманитаристике, называющееся «история ментальностей», изучает не столько исторические события, сколько основные мысли и чаяния эпохи, которые рассматриваются в разных дискурсах.

Современные исследователи могут взять духовно-социальную теорию Живой Этики и мировую социальную практику, все неудачи и позитивные попытки XX в. и сотворить из этого некий нарратив – последовательное описание. И откроется грандиозная картина, как великая идея пыталась реализоваться в мире, как она была извращена, какие возможности она могла принести, если бы смогла хотя бы локально воплотиться в жизнь без искажений, с максимальным соответствием ее потенциалу. Это историческое полотно могло бы стать документальным свидетельством, на которое могли бы опираться дальнейшие поколения, когда придет новый исторический момент и община снова начнет стучаться во все двери. В Живой Этике говорится о том, что общинность – неотъемлемая природа человека, и рано или поздно, когда мир снова будет искать попытки выхода из очередного кризиса, он опять придет к жизненности идеи Общины. И опыт XX в., изученный и проанализированный, поможет избежать новых ошибок и искажений.

Проекты культурного строительства в условиях советской реальности

Почему на Востоке почитают Ленина? Именно за ясность построений и нелюбовь к условностям, и за веру в детей, как символ движения человечества.

Только из обчины мы можем мыслить о будущем. Перенесем сознание на улучшение всей жизни, и борьба за существование сменится завоеванием возможностей. Так мыслите об обчи-не. Улучшайте сознание.

Учение Живой Этики. Община (Урга). Ч. 3, I, §12

Кооператив не лавка, но культурное учреждение. Может быть в нем и торговля, но основа должна быть просветительная. Только при таком направлении можно приложить кооперацію к новой жизни.

Не легко такое объединение, люди привыкли соединять тор-говлю со своеокрыстием. Такое заблуждение трудно искоренить. Но безотлагательно следует путем школьного просвещения уяснить смысл здорового обмена. Заработка не есть корысть. Плата за труд не есть преступление. Можно видеть, что труд есть еди-ная справедливая ценность. Так можно без потрясений и смущения все разъяснить под знаменем Просвещения и Мира.

Учение Живой Этики. Община (Рига), §71

Экспедиция прибыла в Москву в июне 1926 г. Вместе с Рерихами в Москву приехало уже упомянутое письмо Махатм Соп-

ветскому правительству, в также ларчик с гималайской землей «на могилу Брату нашему, Махатме Ленину». Имя Ленина, великого преобразователя, упоминалось и в книге «Община».

В Москве произошла встреча с наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным, в которой Рерихом делались наметки на будущее, в том числе и на возможность сближения идей буддизма и коммунизма. Община, сангха, – один из устоев буддизма, по крайней мере в этом эти две системы совпадали. А также с наркомом просвещения А.В. Луначарским, которому была передана серия картин «Майтрея» (впоследствии она оказалась в музее Нижнего Новгорода).

Но расслабляться было нельзя.

Широко распространена гипотеза о том, что Рерих должен был встретиться с Дзержинским и ничего хорошего не ожидал от этой встречи [Шапошникова, 2017, с. 59–60]. Но именно в назначенный день железный Феликс скончался от инфаркта. На это указывает описываемая в очерке «Вехи» ситуация: «Один из моих друзей должен был повидать человека, чрезвычайно для него опасного. Конечно, все помыслы были к тому, чтобы по возможности избежать этого рокового свидания. Странным образом, несколько раз это свидание не состоялось – появлялись какие-то неожиданные препятствия. Но, в конце концов, по-видимому, избежать этот опасный час было уже невозможно. Видимо, сила посыпаемой мысли уже не могла помочь. Итак, мой друг, явившийся в назначенное место, ожидал. Время уже настало. Опасный человек еще не появился. Вдруг поднялось какое-то волнение, и оказалось, что этот злобный человек все-таки не доехал – сердце лопнуло» [Рерих Н., 1995а, с. 326].

За два дня до смерти Дзержинского и вероятной несостоявшейся встречи с Рерихом, 18 июля 1926 г., Е.И. Рерих запишет в своем дневнике послание Учителя: «Настоящее мужество состоит в том, чтоб принести Мое письмо самым страшным людям. Нельзя выразить, около каких опасностей прошли в М[оскве]. Малейшее сомнение или содрогание могло принести разрушения. Я потому просил поднять серьезность момента. <...> Считаю результат М[осквы] важным исторически» [цит. по: Шапошникова, 2014, с. 61].

В Москве помимо деловых встреч с политической элитой были и встречи с творческой элитой России – с оставшимися в Советах мэтрами А.В. Щусевым, А.А. Бахрушиным, И.Э. Грабарём, К.С. Станиславским, М.А. Бабенчиковым, а также с молодыми художниками объединения «Амаравелла», которые подхватят знамя космизма как художественного направления и пронесут его через

годы и беды до оттепели и один из них – Б.А. Смирнов-Русецкий – даже до перестройки.

В день похорон Дзержинского Перихи из Москвы отправились в сторону Алтая. На Алтае экспедиция провела почти весь август 1926 года. Собственно путевые записи Н.К. Периха показывают, насколько он был очарован этими местами, с которыми были связаны чаяния на построение города будущего в предгорьях горы Белухи. В 1920-е годы, вероятно, еще существовала возможность качнуть весы исторической реальности от зарождающегося тоталитаризма к разумному социальному устройству...

Согласно этим планам построения города будущего, в Нью-Йорке в 1924 г., за два года до того, как экспедиция приехала на Алтай, была создана корпорация «Белуха» как культурно-коммерческий проект в числе многочисленных организаций вокруг Музея Периха. Директора – Н.К. и Е.И. Перихи, сотрудники музея Л. и Н. Хорши, М. и З. Лихтманы, Ф. Грант. Велись переговоры с официальными представителями Советов с целью получения концессий на добычу полезных ископаемых и прочую хозяйственную деятельность. Судя по уставным документам и проспектам, предполагалась очень широкая комплексная программа.

«Направления деятельности:

А. Добыча полезных ископаемых и металлургия, особенно:

1. Все виды добычи и металлургии, особенно серебро и сопутствующие металлы и продукты.

2. Уголь, нефть, гранит, графит, мрамор, известняк, соль, торф.

3. Использование всех водных и сухопутных путей и коммуникаций и строительство будущих средств транспорта, там, где будет необходимо для дальнейшей работы.

4. Использование гидроэнергии рек, озер и водопадов в регионе, где это необходимо.

5. Право электрификации всех локальностей, где будет осуществляться работа.

6. Строительство центров химической и научной промышленности и продукции во всех отраслях.

7. Устройство курортов и санаториев различного характера.

Б. Сельское и лесное хозяйство.

1. Выращивание всех продуктов для сельской, городской и коммерческой экономики в широком применении.

2. Ловля и разведение пушного зверя, мускусного оленя, марала, лис, возможно, разведение длиннорунных и каракулевых овец, так же как и использование продукции животноводства.

3. Использование лесов и возведение лесопильных и бумажных фабрик для производства древесной массы» [Belukha … , 1924. ACRC].

Предполагалось освоить территорию в радиусе 100 верст от вершины г. Белухи, концессия рассчитывалась на 99 лет, но в тексте исправлено карандашом на 50.

В общем-то со стороны Советов к проекту отнеслись благосклонно, тем более что Рерих с уважением и даже восторгом отзывался о советской действительности, что неудивительно для 1920-х годов. И был шанс, что его удастся реализовать.

Надо отметить, что подобные планы, которые Рерих задумывал осуществить первоначально на Алтае, потом в Маньчжурии (1934) и во Внутренней Монголии (1935), во всех случаях были не столько бизнес-проектами, сколько попыткой реализовать в социальной и исторической реальности основные положения, заданные в одной из книг Живой Этики – в книге «Община». Если в творчестве Рерихов, как и в чаяниях многих соотечественников, Индия была страной Духа, убежищем в смутные времена, то в историко-культурной перспективе, как ее видел Н.К. Рерих, Алтай и вышеуказанные области Центральной Азии стали вероятным местом воплощения Нового мира, построенного на принципах духовного Братства, сотрудничества и всесторонней кооперации. Но по вполне понятным причинам и условиям того времени все эти идеи так остались в сокровищнице вдохновений будущих поколений [см.: Лавренова, 2018].

Экспедиция покинула границы Советского Союза и оказалась в Монголии, которая находилась в сфере влияния СССР, в том числе тут была достаточно большая русскоязычная диаспора, которая при случае писала доносы и свидетельства о передвижениях и действиях Рериха.

По свидетельству Л.В. Шапошниковой, которая общалась с бывшим советским поверенным в Монголии (1926–1927) Львом Ефимовичем Берлиным, в Ургу пришла телеграмма о срочном задержании Рерихов и немедленной их отправке в Москву. «Трудно сказать, что подвигло Льва Ефимовича на его поступок. Он положил телеграмму в ящик своего письменного стола и не придал ей никакого значения. Это значение было рассекречено, когда Рерихи уже перешли границу Тибета и оказались вне досягаемости. Трудно сказать, какие силы при этом действовали. Одно лишь было верным – советский консул Лев Ефимович Берлин сознательно или несознательно спас жизни участников рериховского отряда» [Шапошникова, 2014, с. 61–62].

Видимо, Берлин не поставил Перихов в известность об этом письме и идея общественно-культурных проектов концессий и кооперативов в СССР продолжала развиваться. В 1927 г. появился еще один проект – корпорация «Ур» в Урянхае, в Туве. Ее продвигали Зинаида и Морис Лихтманы, встречаясь с представителями Главконцесского и другими чиновниками в Москве в 1927 г. Позднее Перихи писали «...и «Б[елуха]», и «Ур» <...> предполагались, как кооперативы для широкого экономико-культурного преуспеяния» [Перих Е., 2002, с. 149]. Для развития проектов требовалась деньги, но они так и не поступили (по мнению Периха, в этом была повинна нерешительность финансиста и одного из директоров корпорации Луиса Хорша), и в 1929 г. Главный концессионный комитет постановил признать права корпорации «Белуха» утраченными по истечении установленного в договоре срока.

Значение экспедиции

Бьется ли сердце Азии? Не заглушено ли оно песками?

От Брамапутры до Иртыша, и от Желтой реки до Каспия, от Мукдена до Аравии всюду грозные беспощадные волны песков. Как апофеоз безжизненности, застыл жестокий Такла-Макан, омертвив серединную часть Азии. В сыпучих песках теряется старая императорская китайская дорога. Из барханов торчат остовы бывшего когда-то леса. Огладанными скелетами распростерлись изгрызанные временем стены древних городов. Где проходили великие путники, народы переселений?

Н.К. Перих. Сердце Азии

Эта экспедиция, без сомнения, внесла свой вклад в исследования Центрально-Азиатского региона с точки зрения географии (в частности, Ю.Н. Перихом не раз отмечалось несоответствие географических карт реальному прохождению караванных путей и местонахождению перевалов), археологии, лингвистики, этнографии.

Несомненную ценность представляют религиоведческие исследования, которые включены в текст книги «По тропам Средин-

ной Азии». Буддологические исследования Ю.Н. Рериха во время Центрально-Азиатской экспедиции во многом связаны с увиденными по маршруту памятниками, монастырями, найденными книгами, многие из которых приобретались и передавались в собрание Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. Юрий Николаевич вводит в научный оборот понятие Шамбалы – как мощный духовный ориентир, формирующий культурное пространство буддийской Центральной Азии. С ним связано учение о Калачакре, о котором в книге «По тропам Срединной Азии» сказано немного, но в более поздней своей работе [Roerich G., 1932], также написанной в основном по материалам, собранным в экспедиции, Ю.Н. Рерих более подробно напишет о Шамбale в контексте обзора письменных источников этого учения.

Опираясь на труды своих предшественников Дж. Ван Манена и А.Х. Франке, Ю.Н. Рерих провел собственное исследование религии бон, истории этого учения в Тибете, проследил его истоки и поздние формы, описал пантеон преобразованной ее ветви, которая близка тантрическому буддизму, но имеет собственные божества. Эти сведения Юрию Николаевичу удалось получить из бесед с ламами бон-по, в частности, «выяснилось, что верховным божеством bona является бонская форма Самантабхадры, или Бонку Кунту Зангпо (Bo:*-sku Kun-tu Bzang-po). Он занимает в школе то же положение, что и Самантабхадра в тантрических школах нереформированного буддизма и Адибудда в учении Калачакры девяносто-одиннадцатого веков» [Рерих Ю., 2012б, с. 496]. И далее описываются все божества, от высших до злобных духов, бонская иконография, бонская литература.

Этнографические и страноведческие очерки о монголах и хорпах тоже немаловажны в истории востоковедения. Если Монголия и до Ю.Н. Рериха была исследована достаточно подробно, то тибетский Хор, его восточный регион, описал только французский исследователь М.Ж. Бако в 1909 г. Свен Гедин, путешествовавший по Северному Тибету, опускает описание этого района, полагая, что район, называемый Хор, не населен. П.К. Козлов приводит некоторые сведения о населении, торговле и административном делении Хорского округа [Козлов, 1947, с. 321], собранные участником его экспедиции Бадмажаповым, но при этом сам отмечает неполноту этой информации. Маршрут экспедиций Козлова тоже проходил восточнее маршрута Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха. Юрий Николаевич описывает Западный Хор, район, который находится севернее Нагчу, опираясь «на личные

наблюдения во время пяти месяцев пребывания среди пяти хорских племен, которые живут к северу и к югу от хребта Танг-ла» [Перих Ю., 2012б, с. 472], – особенности рельефа и растительности, климат, административное деление, экономику, жилища, одежду, вооружение, прически и т.п. и даже национальный характер. Он отмечает распространённость в этом районе эпоса о Гесэре и то, что он составляет часть бонской литературы. Это, пожалуй, самая полная и глубокая культурогеографическая характеристика Западного Хора из существующих.

Ю.Н. Перих стал первым русским путешественником, давшим описание грандиозной горной системы Трансгималаев (Гандисышаня), открытой и исследованной в 1906–1908 гг. Свеном Гедином. В ее северных отрогах экспедиция вела разведку археологических памятников. «Наличие мегалитических памятников к северу от Трансгималаев значительно расширило известную науке зону распространения этих памятников в районах, прилегающих к Гималайской горной стране» [Перих Ю., 1960, с. 262].

Экспедиции был присущ свой особый подход к изучению пространства культуры, которую Н.К. Перих трактовал как Почитание Света (*Cult-Ur*).

Реальность священных мест Азии, обителей Учителей Востока – легендарной Шамбалы – была неразрывно связана с этой экспедицией. Об этом остались лишь скучные упоминания и намеки – о том, что в долине р. Шарагол была построена ступа, и о визите необычного незнакомца, предупредившего Перихов о засаде головков. Как пишет Людмила Васильевна Шапошникова, «караван имел прямое отношение к важнейшему планетарному процессу – формированию нового эволюционного мировоззрения. Николай Константинович называл его энергетическим. Оно нашло свое отражение и объяснение в книгах Живой Этики и в философских работах Елены Ивановны Перих, в очерках и картинах самого Николая Константиновича» [Шапошникова, 1994, с. 10].

Л.В. Шапошникова обоснованно утверждает, что путешествие «по праву может претендовать на особое место среди экспедиций XIX и XX вв. Пожалуй, ни одна из известных нам экспедиций не была снабжена таким количеством первоклассного художественного материала, как экспедиция Периха. Картины, написанные выдающимся художником как во время Центрально-Азиатской экспедиции, так и после нее, не были прямой иллюстрацией пройденного маршрута, какими обычно бывают экспедиционные зарисовки или фотографии. Периховские полотна не

только дополняли собранный экспедицией материал, но и являлись самостоятельной частью этого материала, без которой он оказался бы неполным и незавершенным. Кистью написавшего эти полотна водила рука не только художника, поддающегося свободному полету фантазии и прихотям вдохновения, но и точная рука ученого. И тот, и другой словно слились в одном человеке. Художник давал в картинах научную информацию, а ученый обладал художественным прозрением и интуицией» [Шапошникова, 1998, с. 20].

Материал, собранный во время Центрально-Азиатской экспедиции, был огромен и требовал глубокого научного осмысления. Научно-художественными ее результатами, по словам Ю.Н. Рериха, явились «почти 500 полотен и этюдов Н.К. Рериха, большое собрание произведений тибетского искусства (живопись и скульптурные изображения), этнографические коллекции» [Рерих Ю., 1960]. Древние тибетские манускрипты, найденные во время экспедиции, в том числе уникальные Канжур и Танжур из Нартанга, были переданы в библиотеку Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. Собрана и описана коллекция древних танок. В ходе экспедиции были проведены исследования по таким отраслям знания, как история, археология, этнография, история философии, искусств и религий, география; собран богатейший лингвистический материал, который впоследствии ляжет в основу уникального тибетско-русско-английского словаря [Рерих Ю., 1983–1993]. Итогом этого путешествия стали философские труды Е.И. Рерих, многочисленные этнографические и культурологические труды Ю.Н. Рериха – помимо книги «По тропам Срединной Азии» это классическая работа «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» [Roerich G., 1930], «Тибетская живопись» [Roerich G., 1925] и др.

Для обработки собранного материала и обеспечения перспектив новых исследований Центральной Азии Рерихами был создан Институт гималайских исследований «Уруสวати». Институт не был похож на другие научно-исследовательские учреждения, он опережал свое время. Передовой для того времени комплексный исследовательский подход стал визитной карточкой этого широкого междисциплинарного проекта, который, к сожалению, перед Второй мировой войной был заморожен.

Путешествие в контексте семиосферы

Возможно, вы встречали многих путешественников во время ваших странствий, молча бредущих по пустыне в холод и зной к своей, неведомой вам цели. Не думай, что если одежда проста, то странник незначителен! Если его глаза полузакрыты, не считай, что его взгляд не остер. Невозможно распознать, откуда приближается сила.

Н.К. Рерих. Шамбала

Путешествие – одно из древнейших явлений культуры. Поэтому Центрально-Азиатскую экспедицию Рериха следует рассмотреть и в этом контексте.

Пространство, простор изначально манит к его постижению. Преодолеть пространство – значит приблизиться к его пониманию. Не только к пониманию конкретных ландшафтов и народностей, но и пространства как духовной категории. Личность становится «пространственней», расширяя границы сознания. Открываются новые горизонты, преодолеваются границы, в том числе внутриличностные.

При взаимодействии с географическим пространством «обнаруживается важный принцип культурного мышления человека: реальное пространство становится иконическим образом семиосферы – языком, на котором выражаются разнообразные внепространственные значения, а семиосфера, в свою очередь, преобразует реальный пространственный мир, окружающий человека, по своему образу и подобию» [Лотман, 2000б, с. 320]. В путешествии ярче, чем при других видах этого взаимодействия, происходит символизация пространства культурой.

В символе зашифровано то, что сложно выразить словами. Как писал Павел Флоренский, символ – это «такая реальность, которая больше себя самой» [Флоренский, 1988, с. 73], и ничто так не богато смыслами, укладывающимися как матрешка в матрешку, или, наоборот, начинающимися с начертания на камне как указания пути, или придорожного креста и охватывающими небесные сферы как темы путешествия.

Символичность характерна для пространства культуры, для сакрального пространства, но эти пространства требуют не бесстрастного наблюдения, а вживания – исследования его герменевтическими методами. Мирское, обыденное пространство доступно стороннему наблюдению и описанию, но чрезвычайно скучно по своей семантике. Эти пространства существуют одновременно в одном и

том же культурном ландшафте, и путешественник, перемещаясь по лицу планеты, выбирает сам, в каком из них он совершает свой путь, насколько богаты и полисемантичны будут его наблюдения.

В разных культурах существуют сходные семиотические коннотации пути, которые можно классифицировать следующим образом.

Вектор на плоскости – обыденные путешествия, совершаемые с бытовыми и научными целями – торговля, туризм. О таких путешествиях Н.К. Рерих, преодолевший просторы Центральной Азии, писал: «Умножаются всякие научные экспедиции, далеко проникают всевозможные торговые миссии. Бороздят воздух железные птицы и с вестями, а то и просто на скорость. Ведь с доброю целью накопляются все эти знаки. Будем думать, что именно с доброй целью. Туризм-путешествие есть действительно тот жизненный университет, который вдыхает в народы новые обновленные возможности» [Рерих Н., 1995а, с. 170]. Жизненный опыт, накапливаемый в путешествии, – драгоценный кристалл в копилку сознания, который, может быть, однажды под лучами духовной мудрости засверкает новыми огнями и даст возможности расширения сознания.

Движение по кругу – мифологические путешествия проклятых персонажей, в которых выражена бесконечность и бесцельность вечного скитания, как вариант в реальной жизни и реальном пространстве – бродяжничество. Независимо от траектории скитания окружность в данном случае символизирует лишенное цели путешествие, превратившееся в наказание. В «Божественной комедии» Данте, суммируя философские представления своего времени и собственный мистический опыт, связывает круговое движение с организацией пространства Ада, которому противопоставлено совсем иначе устроенное горнее пространство: «Греховность циркульного движения распространяется только на Ад, поскольку связывается с сужением пространства, его возрастающей теснотой, чему противопоставлено расширяющееся пространство небесных сфер и бесконечность сверкающего Эмпирая. Пространство Ада не только тесное, но и грубо материальное. Ему противостоит одновременно бесконечно суженного до одной Точки (Рай XXVIII, 16, 22–25 XXIX, и 16–18) и расширенного до беспредельности. Противопоставление дополняется антитезами: “свет – тьма”, “благование – зловоние”, “тепло – крайний жар или крайний холод”, которые в сумме образуют семиотическую конструкцию дантовского мироздания» [Лотман, 2000б, с. 310].

Вектор на плоскости, расширяющий всеобщее поле знания, – научные экспедиции. Проходя в обыденном, десакрализованном пространстве, экспедиции качественно отличаются от бытовых путешествий своей информативностью, хотя в ряде случаев представляют собой лишь конструирование образа «другого», другого мира, где отправной точкой суждения неизменно остаются культура и природа родной страны. Научные экспедиции представляют собой особый случай взаимодействия человека и географического пространства, ибо в результате таких путешествий мировая культура и наука обогащаются новыми знаниями, новой информацией, преимущественно географической и этнографической. Анализ полученных данных позволял многим ученым выйти на новый уровень понимания закономерностей географической оболочки в целом или отдельных регионов. Так, П.П. Семенов-Тян-Шанский, пройдя сотни километров пути по Азии, делает заключение о необходимости разграничения географии «в общирном смысле» и «в тесном смысле». Первая, по мысли ученого, имеет задачей «полное изучение земного шара, т.е. законов строения его, с его твердою, жидкую и воздушною оболочками, законов отношения его к другим планетам и к обитающим на нем организмам» [Семенов-Тян-Шанский, 1856, с. 7–8]. Вторая, или «физиография земной поверхности», имеет задачей «описание как постоянных, неизгладимых веками черт ее, набросанных самою природою, так и переменных, изгладимых, проведенных рукою человеческою» [там же]. Наблюдения, сделанные ученым с широчайшим кругозором, позволили ввести в науку такие принципиальные методологические подходы, как районирование, основы учения о природно-хозяйственных зонах, тем самым приблизить человечество к более совершенному пониманию своего дома – Земли.

Красота слога, красота литературного «портрета» местности – отличительная особенность путевых заметок русских путешественников. Но для ученых святыни и символы – не более чем признак выявления культуры во «вмещающем ландшафте», хотя не чуждое красоты. Вот одно из описаний священного для буддистов и практически недоступного для европейцев города Лхаса, сделанное П.К. Козловым: «Самый интересный город по представлению европейцев и самый идеальный по представлению самих тибетцев – Лхаса – очаровывает путника издали, когда он впервые, с ближайших предгорий, видит лхасскую долину, окаймляющие ее горные цепи, а главное – Поталу и храм медицины, расположенные на отдельных горках, по преданию, привезенных на выюках из

Индии. После тяжелой монотонной дороги Лхаса с дворцом Да-лай-ламы и массою храмов, ярко блестящих на солнце золочеными кровлями и ганчжирами, действительно производит сильное впечатление. Дивное сочетание долины и божественных холмов – Марпо-ри и Чжангпо-ри, – прозрачных голубых небес и яркого солнца, оригинальных построек и красных, золотых и белых красок порождает живую сказку» [Козлов, 2004, с. 48]. Так же красивы описания далеких земель и пройденных путей Н.М. Пржевальским, который тем не менее признавался: «Как ни разнообразна, по-видимому, почти ежедневно изменяющаяся обстановка путешественника во время его движения с караваном, но все-таки, несмотря на частую новизну в том или другом отношении, на постоянную смену внешних впечатлений, общее внутреннее течение жизни принимает однообразный характер» [цит. по: Мурзаев, 1996, с. 217–218]. Но ученых в путешествие ведет не только страсть к познанию иных земель и обычаев, стремление принести эти знания своему народу и миру, но и желание увидеть иные звезды под иным небом – об этом писал П.К. Козлов, вспоминая о судьбоносной для себя встрече с Н.М. Пржевальским [Козлов … , 1929].

«Польза путешествия и всестороннего познавания, – писал Николай Рерих, – вероятно, никогда настолько не занимала умы, как сейчас. Скоро земной шар будет испещрен пройденными путями. Но это будет все-таки лишь первичная степень познания. И на каждого этих путях нужно будет и взглянуть высоко наверх, и глубоко проникнуть внутрь, чтобы оценить все разнообразие возможности, так недавно вообще незамеченное» [Рерих Н., 1995а, с. 195].

Но в семантическом поле культуры даже научная экспедиция – это караван, уходящий *вдаль*, тем самым выходящий за пределы обыденного познанного мира. «Полюс близко реален в том смысле, что он находится в конкретно-пространственной зоне, а полюс *далеко* ирреален, так как теряет связь с самой идеей пространственной локализации» [Яковлева, 1994, с. 47]. В этом отношении к путешественникам всегда складывается особое отношение, роднящее их с древнейшим явлением культуры – путешествию за границы ойкумены в поисках Неведомого.

Вектор восхождения – символизирует духовные путешествия и паломничества. О совершенствовании человека все религии говорят в терминах пути – пути к Богу. В этом контексте изменяется и собственно географическое пространство, превращаясь в духовное. «Что высота небесная, широта земная, глубина мор-

ская? Иоанн рече: отецъ, сынъ и святый духъ», – так говорится в апокрифической «Беседе трех святителей» [Памятники … , 1980, с. 136]. Поэтому образ пути и путешествия в традиционной культуре – один из основополагающих. Путешествие воспринимается как инициация, посвящение в великие таинства, которые постигаются на грани жизни и смерти – ведь преодоление неосвоенных и даже неблагоустроенных пространств всегда чревато опасностями.

Паломничество по святым местам в крайней своей форме не предполагает любования пейзажами – только переживание событий Святого Писания или предания. Ландшафт становится символом исторических или мифологических событий, выступающих как инициация. В этом случае перемещение по лицу земли рассматривается как символ и практически аналог духовного пути. По мнению многих скитальцев и пустынников, стремившихся к духовному преображению, этому наиболее способствует неяркий, аскетический пейзаж, который должен быть местом «смиренным, лишенным случаев к утешению и тщеславию» [Иоанн Лествичник, Слово 3, 17]. Ничто не должно отвлекать глаза и душу от внутреннего сосредоточения. Для этого и уходили в «пустыню», лишенное обычных благ земли место.

Иную семантику имеют путешествия – поиски Светлого Града. Здесь пересекаются две темы мировой культуры – мудрость земли и земли мудрецов. Преодолевая пространство, человек, открытый восприятию красоты земли, набирается у нее мудрости. Для человека, чувствительного к божественной вибрации красоты, понятно, что именно «осознание красоты спасет мир» – великолепный пейзаж, радующий глаз, станет самым высоким духовным символом только для того, кто пытается увидеть отраженный в нем Божественный Лик. Устремление к землям легендарных мудрецов, святым землям (в смысле обитаемым святыми людьми) определяет взгляд путешественника на географическое пространство как таковое.

Русской духовной культуре было присуще особое явление – странничество, в котором сосредотачивалась неизбывная тоска по иному пространству, преодоление горизонтального пространства приобретало свойства вертикали – дороги в небо. Николай Рерих писал об этом явлении культуры: «От океана до океана, через все препоны и трудности, шли путники воображенного града. Тоска по светлому Китежу, неугомонное хождение в Беловодье, поиски святого Грааля, не от тех ли исканий, когда наблюдательный проникновенный взор, восхищаясь богатствами царств природы, звал неутомимо вперед.

Было бы малым решением предположить, что эти путники механически выталкивались народностями, восставшими позади. Правда, незабвенный Тверитянин воскликнул: “И от всех наших бед уйдем в Индию”, куда он все-таки и ушел и, подкрепившись светом путешествия, вернулся назад, овеянный чудесною опытностью» [Перих Н., 1995а, с. 70].

Бердяев характеризовал странничество следующим образом: «Тип странника так характерен для России и так прекрасен. Странник самый свободный человек на земле. Он ходит по земле, но стихия его воздушная, он не врос в землю, в нем нет прозеистости. Странник – свободен от мира и вся тяжесть земли и земной жизни свелась для него к небольшой котомке на плечах. Величие русского народа и призванность его к высшей жизни сосредоточены в типе странника. <...> В России, в душе народной есть какое-то бесконечное искание, искание невидимого града-Китежа, незримого дома. Перед русской душой открываются дали, и нет очерченного горизонта перед ее духовными очами» [Бердяев, 1990, с. 12–13].

В семантике преодоления пространства особая тема – понятие границы. Граница – самое семантически насыщенное понятие в культурной географии. Граница соединяет и разъединяет два мира, образы границы и ее преодоления наиболее значимы в каждой национальной культуре. Запредельное, чужое пространство вызывает вполне обоснованный трепет – оно всегда символ запретного пространства, куда непозванный не пройдет. Поэтому в каждой культуре существуют и легендарные «герои пути» – «они постоянно находятся в движении и, что еще важнее, постоянно пересекают границы запретных пространств» [Лотман, 2000б, с. 311]. Это либо люди, наделенные особыми (божественными или инфернальными) свойствами, либо не люди (ангелы, демоны, элементалы).

Центрально-Азиатская экспедиция Перихов стоит особняком в ряду путешествий по Центральной Азии. Она не походила на обычные экспедиции, хотя вышедшие по ее результатам книги Николая и Юрия Перихов, безусловно, обогатили человечество новыми географическими и этнографическими знаниями, а собранный материал стал основой целого научного института – Института гималайских исследований «Уруสวати». В отличие от других научных экспедиций, Перихи перемещались в сакральном пространстве Азии, хотя и не были и странниками в полном смысле этого слова. Караван шел груженый необходимыми вещами, палатками. Перед экспедицией стояли и научные, и духовные

задачи. Причем последние были намного выше, чем достижение святых мест, этот караван шел по лицу земли, не ища «новой земли и нового неба» в географическом смысле, а творя их. «И с ко-нями, и с мулами, и с яками, и с баранами и со парами по старому пути, но со знаками новых возможностей пойдем на горы», – писал Н.К. Рерих [Рерих Н., 1992а, с. 108]. Но русская душа руководителей экспедиции была сродни тем, «взыскиющим Града», об этом свидетельствует одна из записей руководителя экспедиции: «Опять вечерние пески, лиловые. Опять костры. Караван с вещами сильно запоздал, и мы сидим налегке, как будто и не бывало этих вещей, которые так усложняют всю жизнь. На песке пестрые кошмы. Веселые языки пламени красно и смело несутся к бесконечно длинным вечерним тучам» [там же, с. 166–167].

Особые путешествия из разряда странничества – популярные в Средневековье поиски земного рая. Особое значение в этом контексте приобретает сама характеристика дальности. Путешественник преодолевает трудности пути и скорбь земли, очищая свою душу, готовя ее к принятию особой, духовной радости. «Наиболее отдаленный пункт – рай – противостоит обычным странам <...> по признаку веселья, радости, удобства для жизни в земном значении. Учитывая особое значение географической отдаленности, можно объяснить, почему в средневековую утопию обязательно входил признак дальности. Прекрасная земля – земля, путь в которую долгий» [Лотман, 2000б, с. 303]. Рай связывался с движением на воссток (вероятно, навстречу солнцу) и на юг. Ад – с движением на север или запад.

Позднее поиски рая сменятся поисками Шамбалы – после того, как Запад соприкоснется с глубинными понятиями Востока. Существовавшая издревле в буддизме традиция, основанная на текстах-путеводителях в Шамбалу, в трансформированном виде была ассимилирована западной культурой. Реальность Шамбалы – точка и бесконечность, близость (не надо никуда идти, надо найти ее в сердце) и бесконечная удаленность (ищущий не дойдет, если не позван). Для успешного путешествия качества пространства должны соответствовать качествам человека. Созвучие, когда культурное и духовное пространство либо принимает, либо отталкивает чужака. «Есть у мене земля, в hei же трава, eя же всяк зверь бегает, а нет в моей земли ни татя, ни разбойника, ни завидлива человека, занеже моя земля полна всякого богатства. А нет в моей земли ни ужа, ни жабы, ни змеи, а хотя и войдет, ту и умрет», – так в древнерусском тексте говорит пресвитер Иоанн о своем

царстве [Памятники … , 1980, с. 468]. Если перевести это на язык современной науки, то очевидно, что речь идет о различных энергетических уровнях, высший из них может быть губительным для низшего, если тот пересечет заветную границу, не оставив за порогом свою мерзость (воплощенные в средневековом тексте в образах пресмыкающихся).

С понятием Шамбалы из всех географических реалий тесно связаны прежде всего Гималаи. «Горы знаменательны как начало, выводящее из низших земных условий. На высотах можно ощущать выход из обычных требований земли» [Учение … Агни Йога, 73]. «У Наших гор темп вибраций так высок, что даже на расстоянии выведены из равновесия…», – говорит Учитель о Гималаях [цит. по: Рерих Е., 2000, с. 82]. Участки земной поверхности отличаются по темпу и напряженности вибраций, созвучный им путешественник входит в резонанс, дух получает новые возможности. В сфере символов, семиосфере Гималаи выступают и как символ мировой горы. «Кто бы ни созерцал Гималаи, вспоминает великое значение горы Меру. Благословенный Будда путешествовал в Гималаях в поисках Света. Там, около легендарной святой Ступы, в присутствии всех Богов, Благословенный получил свое Озарение. Воистину, все, что связано с Гималаями, несет великий символ горы Меру, стоящей в Центре Мира», – писал Николай Рерих [Рерих Н., 1994, с. 45].

Понятие Шамбалы неразрывно связано с Центрально-Азиатской экспедицией Н.К. Рериха хотя бы потому, что с Рерихами путешествовал Камень – осколок метеорита, по преданию пришедшего на Землю из созвездия Орион и находящегося именно в той точке земной поверхности, где пространство обретает несвойственную для нашей планеты мерность, становясь мостом, живой связью с иными мирами, с Космическим магнитом. Согласно преданиям, Камень не первый раз путешествовал по Земле. В записях Рерихов есть указания на то, что Александр Македонский и Наполеон в походах несли его с собой. Но Центрально-Азиатское путешествие отличалось тем, что роль Камня была осознана его носителями.

Семантический вектор устремления вверх, противопоставленный передвижению по поверхности, может иметь еще две разновидности. Первая – проникновение вглубь, в сакральные слои культурного ландшафта, и как следствие – озарение, путь в беспредельные высоты духа. Вторая вытекает из концепции месторазвития человеческих сообществ, выдвинутой Петром Савицким

[Савицкий, 1997]. Человек развивает место, место служит опорой для развития проживающего на нем общества. И наивысшая ступень, достижимая для святых, подвижников, мудрецов, властителей дум, – устремление горе ВМЕСТЕ с территорией. В Живой Этике упоминается такой процесс как «заложение магнитов». Магнитами могут быть места, связанные с духовными взлетами, совершившимися в определенной точке географического пространства. К таким местам потом устремляются массы людей, начинают формироваться исторические события (вроде войн за гроб Господень, строительство храмов на местах отпечатков ноги Будды и т.п.). Так, даже предполагаемое место самадхи Будды Гаутамы и места мощного духовного возвышения героев духа являются магнитами, точками напряжения современной культуры. Соприкасаясь с их аурой, человек, если он подготовлен к этому, приобретает собственный трансцендентный опыт.

Сам акт преобразования территории также является восхождением для подвижника. Земная материя созвучна ему по рождению, перерождая себя, рождая в себе нового, иномирного человека, если пытаться осмыслить этот процесс в терминах синергетики, духовный подвижник как бы взрывает косную материю изнутри, и волна этого «взрыва» очищает и трансформирует прилежащие слои географической оболочки. Преодоление косности материи не только своего тела, но и окружающего мира формирует духовное напряжение необычайной силы, возносящее подвижника в миры соответствующей напряженной энергетики. Семантика такого действия – *расширяющаяся до Беспределности сфера* – применительно не к путешественнику, но к территории, которая обретает новые смысловые измерения.

Центрально-Азиатская экспедиция Рерихов может быть отнесена к этой категории взаимоотношения человека и пространства. Экспедиция проследовала и в географическом, и в политическом, и в культурном пространствах. Караван преодолевал перевалы, горные реки, пустыни и соляные болота. Люди преодолевали сопротивление чиновников, козни английской разведки, напряженность политических отношений в спорных регионах Центральной Азии, на которые явно или тайно претендовали великие державы того времени. И в то же время, перемещаясь по земной поверхности, экспедиция находилась вне власти Земли, ибо ее руководители обладали космическим сознанием. Космические лучи, лучи Братства, ассимилированные земной женщиной, чертили на поверхности Земли свой огненный узор – по мере перемещения экспедиции

по Центральной Азии их напряжение менялось, достигнув наивысшего напряжения над Тибетским нагорьем. Фактически происходило соединение огня пространства и напряженного огня человеческого духа. Кульминационный, знаковый период духовного преображения Елены Ивановны Перих пришелся на стояние экспедиции на плато Чантанг [см.: Шапошникова, 2000], на Крыше Мира. За Крышу Мира, Тибет, в начале XX в. велись сложные политические баталии. Решая стратегические проблемы и пытаясь заглянуть в будущее на несколько десятков лет вперед, государства стремились овладеть этой территорией, в то время как там происходили события, имеющие отношение к совершенно иным пространственным масштабам, иной временной шкале.

Время тоже осмысливается культурой и имеет свои знаки и символы в пространстве, эти символы улавливают его текучую материю, привязывая к определенному месту. Происходит своеобразная *спатиализация времени*, когда по знакам в географическом пространстве можно двигаться и в разных временных слоях и ритмах.

Центрально-Азиатская экспедиция несла потенциал будущего. И хотя то и дело безобразными знаками старого мира вставали грязь и невежество, как знаки старого мира, которым тоже отводилось должное место в дневниках Периха, знаки грядущего обновления мира, по которым шли Перихи, перемещали экспедицию в иной временной срез. Будущее настолько было созвучно сознанию, что казалось очень близким. Вектор устремления в будущее делал саму экспедицию знаковым явлением. На ее путях была создана книга «Община», книга о будущем социальном и духовном устройстве мира – в противовес старому отжившему миру, встававшему на ее пути. Эта книга говорила и о том, что в осознании Беспределности, имеющей бесконечное множество проявлений и непознаваемую непроявленность, исчезает изначально присущая человеческому сознанию центрированность на собственной личности: «Может отдать свое “я”, кто осознал пространство» [Учение... Община, 176].

Знаки на пути

Над пустыней опять несется песня Шамбалы. Вокруг безжизненные скалы и груды камней и морозное нагорье, но знаки Шамбалы не покидают вас.

Ламы нагнулись над галечным скатом. Что-то прилежно выкладывают из белых осколков кварца, собранных на соседней горе.

Что это за замысловатый узор? Не узор — это монограмма Калачакры. Издалека для всех путников будет белеть буква, зовущая к великому Учению.

Н.К. Перих. Сердце Азии

Наиболее емкий пространственный символ, вмещающий все мироздание, – крест. Крест в путешествии – это и перекресток дорог, одно из сакральных мест любого культурного ландшафта. Перекресток – горизонтальная проекция Креста, ориентированного вертикально – от Земли к Небу, а также символ человеческой судьбы, или точки бифуркации. От того, какие характеристики будет иметь процесс в точке бифуркации, зависит, по какому пути он будет развиваться дальше. От того, какое решение примет в судьбоносный момент человек, зависит его духовный и жизненный путь. От того, какую дорогу выберет на перекрестке путешественник, будет зависеть дальнейший его маршрут. Возможна и обратная семантика, когда крест воспринимается как перекресток в самом глубоком экзистенциональном смысле: «Человек мифопоэтического сознания стоит перед крестом как перед перекрестком, развилкой пути, где налево – смерть, направо – жизнь, но он не знает, где право и где лево в той метрике мифологического пространства, которое задается образом креста» [Топоров, 1988, с. 12]. Из этого положения выход укажет только сердце, которое само по себе символически представляет перекрестье земной и небесной дорог.

Для Николая Константиновича Периха перекресток символизировал прежде всего переплетение легенд и миграцию культурных символов, которыми как нитями прошито и объединено, закреплено культурное пространство Азии: «На перекрестках дорог ткутся сложные ковры – слухи азиатских узоров» [Перих Н., 1992а, с. 285].

Одна из картин Н.К. Периха, написанная после экспедиции, называется «Ступа в Ше. Перекресток Христа и Будды». Здесь перекресток, увенчанный памятным знаком вечности и Учения, воплощает совсем иную семантику – в одной географической точке, согласно легенде, в разное время сошлись пути двух великих Учи-

телей, принесших миру новое знание. Между их путями пролегло почти пять веков, но память места, наслаждение легенд и преданий соединили два Имени, пространство в противовес времени выступило великим объединителем. Отправляясь в путь, этот знак из прошлого Рерихи стремились перенести в будущее.

Легенды формировали особый пласт духовного и культурного пространства, имеющий свою глубокую символику. «Много легенд о полетах Соломона. Среди калмыков очень распространено так называемое Тибетское Евангелие, то есть не что иное, как уже знакомая нам рукопись об “Иссе, лучшем из сынов человеческих”. Конечно, сюда она дошла не из Хеми, а из другого источника. Всюду рассыпаны знаки красоты. Пора их собрать бесстрашно, без суеверия» [Рерих Н., 1992а, с. 204]. Подвиги и жития героев и подвижников, записанные на скрижалях народной памяти, генетически были связаны с чаяниями прихода грядущегоmessии – легенды прошлого были ручательством правды будущего.

Красота духовная и красота природы в текстах и картинах Николая Рериха становятся равнозначными символами – символами иномирности, символами иной, более высокой реальности. Записывая некоторые выродившиеся обычай и суеверия, художник и мыслитель учит нас, что следует различать знаки, создаваемые и считываемые невежественным сознанием (как умерший человек, сулящий удачу путешественнику) [там же, с. 259], и знаки красоты, возвышающие дух.

И хотя то и дело безобразными знаками старого мира вставали грязь и невежество, которым тоже отводилось должное место в дневниках Рериха, знаки грядущего обновления мира, по которым шли Рерихи, перемещали экспедицию в иной временной срез. Экспедиция сталкивалась с пережитками прошлого, которое постоянно стремилось уничтожить ростки будущего, но грядущий мир настолько был созвучен сознанию, что казался очень близким.

Сам Николай Рерих в путевых дневниках неизменно подменял знаки грядущего или древнего мира, встречающиеся на его пути. «В Драсе лишь первый знак Майтреи. Но в древнем Маульбеке гигантское изображение Грядущего стоит властно при пути. Каждый путник должен пройти мимо этой скалы. Две руки к небу, как зов дальних миров. Две руки вниз, как благословение земли. Знают, Майтрея идет» [там же, с. 93]; «Майтрея стоит как символ будущего. Но видели и знаки прошлого. На скалах изображения оленей, круглогорых горных козлов и коней» [там же, с. 94]; «И даже дни кажущегося бездействия полны знаками. Вот замечा-

тельный ларчик. Вот сведения о Севере. Вот сведения о монастыре около Кульджи. И там Майтрея. <...> Бывают времена, называемые “шар событий”, когда всякое обстоятельство подкатывается все к одному и тому же общественному концу. Уже семнадцать лет наблюдаем явления спешащей эволюции. Между могилой отходящего и между колыбелью грядущего электроны несказуемой энергии собирают новообразования. И живописец-затворник горных обителей уверенno изображает битву и победу Майтреи. Уверенно наносит черты и отличия наступающих и признаки уходящих», – так записывал Николай Константинович в своем путевом дневнике [Перих Н., 1992а, с. 158].

Духовный путь подразумевает возможность пройти по нему вслед за первоходцем. На этом пути нет карт и прочерченных маршрутов. Сами Перихи шли по пути, назначенному им Учителями Мудрости, временами проходя там, где путь уже был пройден Ими: «Странно и дивно идти теми самыми местами, где проходили Махатмы. Здесь была основанная Ими школа. В двух днях пути от Сага-дзонга был один из Ашрамов, недалеко от Брамапутры. Здесь останавливался Махатма, спеша по неотложному делу, и стояла здесь синяя скромная палатка» [там же, с. 317]. Героические легенды составляли саму суть пространства Азии, по которому шла экспедиция. «Говорят, что Благословенный после посещения Хотана посетил великий Алтай, где находится священная Белуха. В Ойротии, где кочевники ждут прихода Будды, Белого Бурхана, знают, что Благословенный Ойрот уже путешествует по всему миру, провозглашая великое Пришествие» [Перих Н., 1994, с. 49]. За этими легендами таилась великая реальность, о которой Перихи умели сказать или промолчать удивительно красиво. И они оставляли свои духовные вехи и на караванных тропах, и на пути познания высшей реальности. «“Отчего вы не говорите подробно о том, что знаете? Все будто жемчуг сыпете или вехи расставляете”. По вехам сами весь путь пройдете. Сами – ногами человеческими. Жемчуг сами подберете себе по росту. Руками переберете жемчужины. Своими руками разовьете динамику. “Отдадите”, излучите свою волю», – свидетельствовал Николай Перих [Перих Н., 1992а, с. 48]. Получается практически полное соответствие буддийским путеводителям в Шамбалу, связывающим воедино географическое и иномирное пространство, где обозначены только некоторые конкретные места, перемещение от одного до другого происходит методом восхищения духа.

Картография

Недаром опытный географ предлагал не только заучивать названия, но именно запечатлеть иероглифы земли и линиями, и красками, и рельефами. В этом делании пробуждалась и любовь, и внимательность, и соизмеримость земных начертаний. Художество вносилось в эти прикасания к земле. А там, где знание будет сочетаться с искусством, там остается особенная убедительность.

Н.К. Перих. Полвека

Маршрут экспедиции тщательно разрабатывался на каждом участке пути, при этом досконально изучались пути предыдущих экспедиций по Центральной Азии. Картографическое сопровождение экспедиции еще в полной мере не изучено, надо полагать, именно Ю.Н. Перих отвечал за предварительную проработку маршрута и составление маршрутных карт. Ряд подлинных маршрутных карт Центрально-Азиатской экспедиции, хранящихся теперь в частной коллекции, был опубликован в каталоге выставки «По лицу Земли: Географические карты и атласы XVI–XX веков в Музее-институте семьи Перихов» [По лицу … , 2007].

А.В. Постников, один из ведущих исследователей в области истории картографии, обнаружил хранившуюся в Отделе рукописей Международного центра Перихов часть картографического материала Центрально-Азиатской экспедиции. Он представлен картами, по которым готовился маршрут, и одной рукописной картой участка маршрута Урга – Шихпачен. Приведем их описание.

Дело № 11 764. 18 листов. Нарезки номенклатурной карты топографической съемки Индии по маршруту экспедиции. Часть дорог поднята цветом как возможные варианты планирования маршрута экспедиции.

Для перехода через Цайдам Перихи использовали материалы третьей центральноазиатской экспедиции Пржевальского, экспедициями американского дипломата и путешественника У. Рокхилла (1891–1892) и Г.Ц. Цыбикова (1899). Тому подтверждением дело № 11 739 – маршрут экспедиции Г.Ц. Цыбикова (1899), Ролинга (1903), Ролинга, Райдера, Вуда и Бейли (1904–1905) по Фиберу (не позднее 1924 г.). Машинопись на русском и английском языках. Это текстовые маршруты с расстояниями между перевалами и очень краткими заметками.

Дело № 11 764. 18 листов. Нарезки номенклатурной карты топографической съемки Индии по маршруту экспедиции. Часть

дорог поднята цветом как возможные варианты планирования маршрута экспедиции.

Дело № 11 743. Карта маршрутов Центрально-Азиатской экспедиции в апреле-мае 1927 г. Выполнены предположительно Ю.Н. Рерихом.

Лист 1. Район Сарыкамьи – Хоросан. Красным и синим цветами показаны дислокации и перемещения войск на русском языке (напр., 155 п.п. (пехотный полк) и другие подобные обозначения). Нанесена река Аракс.

Лист 2. Route followed by the Roerich Expedition Urga–Shih-Pao-Ch'eng. April-May, 1927. (Путь экспедиции Рериха Урга–Шихпачен. Апрель-май 1927.) Схема на кальке. Обозначены по пути следования эродированные хребты, низкие хребты, осипные склоны, редкая кустарниковая поросль, высохшие русла рек, появившиеся кустарником, руины храма Джя-ламы. На востоке нанесена Южная монгольская Гоби, каменная пустыня, песчаные холмы, галечная пустыня, песчаные дюны. Типичная маршрутная карта с профессиональным изображением форм рельефа, видимых с маршрута, с описанием пересекаемых караваном рек и хребтов.

Эти материалы показывают основательную топографическую подготовку и разработку пути экспедиции с учетом расстояний, высот перевалов, предположительных мест для стоянок. Маршрут экспедиции был хорошо продуман, хотя, как уже говорилось, политическая ситуация в регионе, невежество и самодурство местных чиновников неизбежно вносили в него свои корректировки.

Для презентации географической уникальности Центрально-Азиатской экспедиции, грандиозности покоренного ею пространства Международный Центр Рерихов создал рельефную карту как часть постоянной экспозиции – уникальный экспонат ручной работы, сочетающий географическую точность и художественную выразительность. Основа карты – стол-полусфера, в масштабе повторяющий кривизну Земли (погрешность = 4 см), был изготовлен по чертежам киевского художника В.А. Козара. Для географической точности отражения маршрута экспедиции использовались карты ВТУ масштаба 1:1000000 (в 1 см 10 км). Вертикальный масштаб для наглядности увеличен в 10 раз: рельеф отображен в масштабе 1:100000 (в 1 см 1 км).

Карта лепилась вручную из глины, затем с глиняного макета были сняты гипсовые формы, и в окончательном варианте экспонат был отлит из гипса. Затем тщательно исправлялись неизбежные дефекты гипсовой отливки, обтачивалась форма гор, прореза-

лись русла рек. Для того чтобы более точно отразить природные условия, в которых находились путешественники, в цветовом решении карты ее создатели старались следовать не столько картографическим канонам, сколько основным цветам природных ландшафтов.

Основные пункты маршрута экспедиции были нанесены на карту с помощью красных электродов. Цепочка красных огоньков маршрута пересекает величайшие горы мира и пустыни Евразии. Географические названия набраны из латунных букв, матрицы которых вырезались вручную, также вручную обрабатывались буквы после отливки.

В перспективе Центрально-Азиатская экспедиция Н.К. Рериха нам представляется чрезвычайно богатым материалом для создания современной картографической продукции – «многослойной» ГИС.

В этой ГИС могли бы быть учтены:

- 1) маршрут экспедиции;
- 2) разновременные литературные описания пунктов маршрута:
 - Н.К. Рерих «Алтай–Гималаи», «Сердце Азии» и другие книги;
 - Ю.Н. Рерих «По тропам Срединной Азии», «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета»;
 - Л.В. Шапошникова «Великое путешествие. По маршруту Мастера»;
- 3) соотнесение текста Живой Этики с маршрутом экспедиции – восстановление по дневникам Е.И. Рерих времени и места написания параграфов Живой Этики;
- 4) разновременные визуальные образы мест:
 - картины и этюды Н.К. Рериха;
 - немногочисленные фотографии, сделанные Рерихами на маршруте экспедиции;
 - фотографии мест, пройденных экспедицией, сделанные другими авторами в тот же период времени;
 - фотографии мест, пройденных экспедицией, сделанные Л.В. Шапошниковой;
 - фотографии мест, пройденных экспедицией, сделанные в 2000-е годы другими авторами.

Такая ГИС способна с помощью современных технологий презентативно представить первую и фактически единственную экспедицию, ставившую перед собой широкий спектр не только географических и этнографических, но также научно-философских

и художественных задач, показать, что Центрально-Азиатская экспедиция Н.К. Рериха проследовала не только в географическом пространстве, но и в пространстве культуры.

* * *

Вернувшись на Родину в 1957 г., Ю.Н. Рерих, уже к тому времени всемирно известный востоковед, автор многочисленных трудов по истории, философии и антропологии азиатского мира, выступил с докладами о Центрально-Азиатской экспедиции в Географическом обществе СССР в Ленинграде и Москве. Частично его доклад в Московском филиале, состоявшийся 26 марта 1959 г., был опубликован в «Вопросах географии» [Рерих Ю., 1960]. В этом докладе Юрий Николаевич так резюмирует основные итоги этого путешествия: «Научно-художественная экспедиция академика Н.К. Рериха в Центральную Азию занимает особое место в истории русских центральноазиатских экспедиций. Во время путешествия была пересечена высокогорная часть Тибетского нагорья и прилегающая к нему с юга Гималайская горная страна. Впервые художник смог запечатлеть на своих полотнах ландшафты малодоступных и малоизвестных областей внутренней Азии, отобразить исключительные панорамы горных стран и воплотить в художественных образах ее народные предания. Попутно велись научные наблюдения, сборы коллекций и материалов для дальнейшего изучения не только природы этих областей, но и человека в его географической и социально-экономической среде» [там же, с. 257]. Добавим, что основное внимание участников экспедиции было обращено на особенности локальных культур в контексте истории и географии Великого переселения народов. Но, как подчеркивала Л.В. Шапошникова, смыслы этого путешествия так и остались во многом за гранью научного познания, хотя уже написано достаточно книг о ней, поскольку «был в ней какой-то таинственный механизм со странными, малообъяснимыми закономерностями. Он действовал неведомым образом. Отчего казалось, что экспедиция не закончилась, а продолжала свой путь по Планете, продолжала жить и праять какую-то одной только ей ведомую нить» [Шапошникова, 1994, с. 5]. Поэтому раскрывать эти смыслы можно бесконечно.

МАНЬЧЖУРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ¹

Главное, чтобы творилось добро. Силы тьмы особенно негодуют, когда что-либо доброе и строительное возникает. В таких случаях особенно нужно, чтобыочные Никодимы находили в себе силы и обращались в действенных воинов.

Н.К. Рерих. Дневник Маньчжурской экспедиции. 9.12.1934

Последняя экспедиция великого художника и мыслителя сейчас вызывает много споров и размышлений, что неудивительно, ибо на нее были возложены большие надежды Мастера, которые выходили за рамки научных задач. С нею были связаны и самые нелепые инсинуации и попытки очернить его имя, отголоски которых слышны и по сей день.

В отличие от организованной Музеем Рериха в Нью-Йорке Центрально-Азиатской (1924–1928), Маньчжурская экспедиция была снаряжена госструктурами США (бюро растениеводства Департамента сельского хозяйства) и потому имела много внешних ограничений. Тем не менее Н.К. и Ю.Н. Рерихам удавалось широко действовать в рамках условностей, навязанных чиновниками. Е.И. Рерих не принимала участие в экспедиции, но из Кулу направляла и корректировала действия американских сотрудников Музея Рериха, через которых шли многие организационные нити этого путешествия.

Обе экспедиции Рериха «несли в себе концепцию и основные идеи Живой Этики и реализовывали их на практике» [Шапошникова, 1995, с. 16]. Это философское учение, показывающее человечеству пути к новому эволюционному этапу развития, было создано Рерихами в сотрудничестве с Великими Учителями Востока, Махатмами. В последней экспедиции важным моментом,

¹ Использована статья [Лавренова, 2015].

связанным именно с Живой Этикой, были проекты организации кооперативов, воплощающих принципы общинножития, эволюционные принципы созидания на основе духовности и красоты и одновременно прочно укорененных в экономической реальности того времени. Но последнее путешествие Мастера происходило накануне нового передела мира во взрывоопасном регионе, представляющем собой кипящий котел, где сталкивались интересы разных политических сил, многие из которых были опытными игроками на мировой арене, а недавно вступившие в эту игру Советы, несмотря на свою молодость, быстро освоили ее основные приемы.

Времена смуты в российской, как и в мировой истории, обусловливали уплощенное, прагматическое восприятие действительности и обрекали на непонятность великих людей, пытающихся донести до человечества высокие истины. Через призму такого заземленного понимания любые культурные начинания рассматривались либо как политика, либо как афера, либо как заговор.

Одним из итогов Центрально-Азиатской экспедиции стала книга «Алтай–Гималаи» – экспедиционные наблюдения в контексте философской концепции культуры, разработанной Николаем Константиновичем, а также мощные сюжетные полотна и тысячи эскизов, сделанных на маршруте. Во время Маньчжурской экспедиции живописных работ было написано гораздо меньше. Это был период зрелых метаисторических размышлений Мастера, который отражен в литературных очерках Рериха – в «Записных листах».

Ботаника и политика

Вы знаете, что экспедиция эта Правительственная и, конечно, не от избытка в средствах принял Н.К. [Рерих] водительство ею. Я лишь сожалею, что мое здоровье и также необходимость надзора за делами не позволили мне присоединиться к ним. Что же касается до опасностей, то мы давно перестали страшиться их. Ибо все люди с момента рождения ходят на краю пропасти, разница лишь в том, что одни видят это, другие же нет. Кроме того, над нами простерта Мощная Рука Преподобного Сергия.

Е.И. Рерих. Письмо от 2.04.1935

Проект экспедиции в Маньчжурию под руководством Н.К. Рериха зародился в 1933 г. у Генри Уоллеса, главы Департа-

мента сельского хозяйства, в то время тесно сотрудничавшего с Музеем Периха в Нью-Йорке.

Это сотрудничество имело свою историю и началось в 1927 г., когда Уоллес, тогда еще фермер и редактор газеты «Wallace's farmer», впервые пришел в Музей. Вице-президент Музея Фрэнсис Грант провела для Уоллеса экскурсию по Музею, живопись и идеи Периха произвели на фермера из Айовы сильнейшее впечатление. Потом, приезжая в Нью-Йорк по делам, Уоллес иногда заходил в Музей, между ним и Ф. Грант завязалась переписка. Особенно заинтересовал его новый проект Периха – Гималайский институт научных исследований «Урувати», в частности ботанические изыскания. Со временем Уоллес начал переписку с русским художником и мыслителем как со своим духовным учителем, Гурой. В письмах Перихов и сотрудников Музея за Уоллесом закрепились имена «друг» и «Галахад».

Летом 1933 г. Франклайн Рузвельт предложил Уоллесу занять пост главы Департамента сельского хозяйства. В то время помимо всемирного финансового кризиса Штаты настигла еще одна беда – американская экономика несла громадные убытки из-за почти сто-процентной распаханности земледельческих угодий. В степной зоне в засушливые месяцы пыльные бури уничтожали плодородный слой почвы. Борьба с эрозией пахотных земель стала одной из задач возглавляемого Уоллесом департамента. Фрэнсис Грант вспоминала: «Однажды, я полагаю, в конце 1933 г., в одной из записок или в личном разговоре Уоллес сказал мне, что у департамента есть план послать экспедицию на поиск засухоустойчивых трав в Азию. Он спросил, считаю ли я, что профессор Перих и Юрий заинтересуются возможностью возглавить такую экспедицию, учитывая их близкое знакомство с Азией, с ее языками и культурой в предыдущей экспедиции, а также имея в виду их растениеводческую и научную работу в Кулу» [Frances R. Grant Papers, Box. 14. Fail 74. P. 11.]. Грант телеграфировала Н.К. Периху в Индию. Он ответил телеграммой, что «находит план экспедиции превосходным, привезет важные планы для друга о важных местностях, ничего не имеет против reliable botanist¹» [Лихтман (Фосдик) З.Г. Дневник. Запись от 4.01.1934], и запросил дополнительные детали. «Я хочу подчеркнуть, – продолжает свои воспоминания Ф. Грант, – что проф. Перих не добивался этого назначения и объяснял принятие на себя этой сложной задачи только

¹ Reliable botanist (англ.) – надежный ботаник.

глубокой убежденностью в том, что дружба между Соединенными Штатами и до сих пор неисчерпанным Азиатским миром может служить этой стране и истинному миру во всем мире и благополучию» [Frances R. Grant Papers. Box. 14. Fail 74. P. 11].

Получив предварительное согласие Рерихов, Уоллес начал искать пути реализации этой идеи. Уже в январе 1934 г., судя по телеграмме Ф. Грант, он «пытается организовать поступление большой суммы для экспедиции, покрывающей ее полевые [расходы]» [Грант Ф. Телеграмма Н.К. Рериху от 02.01.1934. ОР МЦР. Ф. 1 Оп. 5-1. Д. № 296]. Со своей стороны Рерихи включили предстоящие полевые работы в планы научных исследований Института «Уруссвати», тем более что в них должен был принять участие его директор Юрий Рерих.

В начале 1934 г. все формальности были уложены, маршрут экспедиции утвержден, и 16 марта Уоллес написал официальное письмо Н.К. Рериху с просьбой возглавить экспедицию. Русский художник, к тому времени приехавший в США, ответил согласием. Но, казалось бы, удачное начало было испорчено самим Уоллесом. Он не потрудился (вернее, побоялся) четко и ясно обозначить своим подчиненным роль Рериха в служебной иерархии, тем самым заложив основу многих проблем. Судя по всему, договоренность по этому вопросу не была достигнута и с Госдепартаментом США. «Негоже, негоже, негоже устроили экс[педицию]» [Рерих Е., 2000а, с. 344], – не раз потом повторялись слова Великого Учителя в письмах Е.И. Рерих.

С геоботанической точки зрения экспедиция, отправляющаяся в Маньчжурию, была организована очень грамотно. На поверхности земного шара существует шесть флористических областей. Каждая область имеет свои не повторяющиеся вне ее семейства и роды растений. Ядро флористической области Северного полушария – голарктической – составляет китайская реликтовая флора [Богомолов, Судакова, 1971, с. 171]. Поэтому проект имел реальные шансы на успех в поиске новых видов засухоустойчивых растений, которые потенциально могли прижиться «на периферии» той же флористической области.

Но к 1934 г. Маньчжурии как одной из провинций Китая уже не существовало. Осенью 1931 г. Япония ввела войска на территорию Северо-Восточного Китая, в марте 1932 г. было провозглашено создание «независимого» Маньчжурского государства (Маньчжоуго), в 1934 г. оно было переименовано в Великую Маньчжурсскую империю (Да Маньчжоу-диго). Ее правителем японцы сделали последнего императора маньчжурской династии Цин Генри Пу И.

Политикой марионеточного государства руководили японские советники и чиновники, занимавшие самые ответственные государственные посты, которые получали указания напрямую из Токио.

Экспедиция, возглавляемая Н.К. Рерихом, – согласно документам Департамента она называлась Азиатской – началась весной 1934 г. Ее предваряла телеграмма, посланная Госдепартаментом США в американское посольство в Токио, о том, что содействие следует оказывать только американским сотрудникам: «...в консульства в Кобе, Дайране, Мукдене и Харбине – Рерих не гражданин, и ввиду этого дипломатические и консульские службы не должны делать для него что-либо, что ставит в затруднительное положение их или правительство. Службы уполномочиваются распространять соответствующую и практическую помощь гражданам [США] – членам [экспедиции] по их запросу» [Phillips, Telegram. 01.06.1934]. Смысл этой телеграммы станет ясен намного позже, когда по многим организационным вопросам у Рерихов будут возникать непредвиденные сложности. Распоряжение «не оказывать содействие» было на местах истолковано как «оказывать противодействие».

Рерихи – Николай Константинович и Юрий Николаевич, помощник руководителя экспедиции, – в апреле направились через Токио в Харбин. В Токио они сделали несколько официальных визитов, в том числе военному министру Хаяши, а также Тейджи Цубоками, возглавлявшему Бюро по культурной деятельности в правительстве Японии.

Визит к Хаяши Рерихи объясняли необходимостью обсудить вопросы безопасности экспедиции: «Генерал Хаяши после изучения предлагаемой программы исследований выдал представительские документы для военных властей в Харбине, Цицикаре, Хайларе и Йехоле» [[Рерих Ю.Н.] Отчет о деятельности за период май-июнь 1934 г.]. Вот что об этой встрече писали японские газеты: «Военный министр настоятельно посоветовал Рериху обратить внимание на японские мечи, как важную часть восточной культуры. Поскольку это лучший способ понять душу Японии. Японский меч создан для защиты родины, в нем нет агрессии. Это символ мира. Когда смотришь на меч, дух проясняется и успокаивается. Также министр подчеркнул, что японское присутствие в Маньчжурии необходимо, чтобы помочь населению и сделать ее мирной страной с высоким уровнем культуры» [Amherst Centre for Russian Culture. Roerich collection. Box 3, folder 70]¹.

¹ Пер. с яп. Ю. Минаковой.

Были сделаны деловые визиты в Императорский ботанический сад и на ботанический факультет Императорского университета в Токио. Также, судя по памятной записке Н.К. Рериха, посетили японскую Академию художеств, Общество японо-американских культурных сношений, буддийский университет [Рерих Н.К. [Основные события Маньчжурской экспедиции]. ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 4. Д. № 525. Л.1].

На самом высоком уровне Рериху был оказан прекрасный прием, во многом подготовленный японским консулом в США Савадой, с которым Музей Николая Рериха поддерживал дружеские отношения. Еще ничего не зная о телеграмме Госдепартамента США, Рерихи не искали особой поддержки у американских официальных лиц; будучи в Токио, они даже не посетили американское посольство.

Полевой сезон планировали начать в конце июня, к этому времени в Харбин должны были прибыть доктор Ховард Макмиллан, ботаник от Департамента сельского хозяйства США, и Джеймс Стефенс, помощник ботаника. Американские ботаники опаздывали – приехав в Токио, они принципиально не пошли на переговоры с японским куратором по Маньчжуо-диго (государства, не признанного Штатами) и добивались разрешения на въезд через американские консульства. В результате Рерихи провели в Харбине весь июль.

Ненадолго оставив Харбин, Николай Константинович и Юрий Николаевич посетили столицу Маньчжуо-диго – Чанчунь (Синьцзин), где им предоставил аудиенцию император Пу И, который «очень любезно выразил свой интерес к целям экспедиции» [Рерих Н.К. Письмо Г.Уоллесу от 1.10.1934. National Archive in Washington, DC]. Императору была вручена памятная медаль Музея Николая Рериха в Нью-Йорке, выпущенная в 1929 г. и предназначенная для того, чтобы отмечать вклад в культуру выдающихся государственных деятелей [Museum … , 1934].

Реакция Госдепартамента США была незамедлительной – Уоллеса довольно безапелляционно одернули по поводу события, публикации о котором появились не только в местных, но и в заокеанских газетах: «Такие действия г-на Рериха (не американского гражданина), [который находится] в Маньчжурии как член американской государственной экспедиции, не соответствуют отношению американского правительства к нынешней власти в Маньчжурии и поэтому ставят в неловкое положение Государственный департамент и американское правительство» [Официальное письмо

Госдепартамента США от 5 июля 1934 г. ОР МЦР, Ф.1. Оп. 4. Д. № 384].

Тем временем американские ботаники добрались-таки до Харбина, опоздав почти на два месяца. Еще 5 июля, когда они были в пути, Е.И. Рерих получила от своих духовных Учителей указание, что «нужно будет очень зорко следить за бот[аником], тайные инструкции имеет от сослуживцев» [Рерих Е., 2000а, с. 206], и переслала его в Маньчжурию. Это полностью подтвердилось – как только американцы оказались в Харбине, в Департамент сельского хозяйства полетели письма Макмиллана с собранными по всем углам сплетнями и собственными измышлениями о Н.К. Рерихе. В этих письмах впервые появилась выдумка о связях Рериха с казаками атамана Семенова, которая потом разрастется до размеров международной информационной утки.

Ботаник упорно ждал, что руководитель экспедиции свяжется с ним. Рерихи же недоумевали и ждали, когда их подчиненные соизволят выйти на контакт. В результате в поле американцы выехали отдельным от Рерихов отрядом, хотя и в том же направлении. Рерихам вместо американцев помогали русские ботаники-волонтеры Тарас Гордеев и Костин.

В Хайларе последовали новые встречи и объяснения с представителями японской администрации, предъявление сопровождающих документов, поскольку д-р Макмиллан заявил, что письмо Уоллеса к Рериху с предложением «возглавить и защитить» экспедицию – ненастоящее (!).

Но недоразумения были улажены, необходимые процедуры пройдены, 4 августа начался полевой сезон. Первоначальный маршрут проходил по Баргинскому плато. На двух машинах успешно достигли Ганьчжурского монастыря, «несколько дней провели, собирая [растения] в округе монастыря, расположенного в типично пустынной и степной местности. Особое внимание было уделено участкам песчаных дюн» [Рерих Н.К. Письмо Г. Уоллесу от 1.10.1934. National Archive in Washington, DC]. Рерихи сделали еще несколько остановок и вернулись в Хайлар по долинам рек Гуен-гола и Имин-гола.

Тем временем американский ботаник Макмиллан, направившийся к северу от Хайлара, в то время как Рерихи отправились на юг, установил за ними свою частную слежку и о ее результатах докладывал в бюро растениеводства: «Выехав 4 августа, [Рерихи] проследовали к Ганчжу-сумэ, монгольскому монастырю, где они остановились пятого и шестого. Они выехали оттуда седьмого и

направились в Хандагай, где у них сломался грузовик. Они оставались там следующие три дня, выехали 11-го в Чан-нор [Цаган-нор] и оставались там следующий день. 13-го они выехали к месту на реке Га [Гуен-гол], где стали лагерем, так же как они делали предыдущие два раза, выехали оттуда 16-го и приехали в Хайлар. Их сборы составляют 190 видов <...> и в целом 900 образцов» [Макмиллан К. Письмо Н.А. Райерсону от 17.08.1934. ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 7. Д. № 277]. Этот маршрут полностью совпадает с описаниями Н.К. и Ю.Н. Рерихов, вероятно, в числе рабочих экспедиции были информаторы Макмиллана.

Кстати сказать, Макмиллан был не единственный, кто вел слежку за Рерихами. Еще были японская разведка, предположительно советская разведка, и... – розенкрайцеры (!), которым отчеты о деятельности Николая Константиновича отправлял член ордена поэт А.А. Грызлов (Ачайр) [Лихтман З.Г. Письмо Н.К. Рериху от 20.08.1935. Архив Музея Рериха в Нью-Йорке]. Частично эти письма были показаны потом одним из розенкрайцеров вице-президенту Музея Николая Рериха в Нью-Йорке Зинанде Лихтман.

Изыскания Рерихов в окрестностях Хайлара были краткими, так как политическая ситуация в этом приграничном районе была очень напряженной. Начав работу в районе Баргинского плато, участники экспедиции оказались под пристальным наблюдением администрации новообразованной провинции Хинган, созданной специально для контроля над Монгoliей со стороны Японии [Жалсабон, 1972, с. 22].

Следующей базой была станция КВЖД Барим в горах Хингана. Две недели собирали семена засухоустойчивых и пастищных растений в этом горном районе. После короткого полевого сезона экспедиция вернулась в Харбин, где продолжилась научная работа. Ботаники собирали семена в предгорьях Хингана и степных окрестностях Ман-коу, изучали и оформляли гербарии из Восточной Монголии и Хингана, Ю.Н. Рерих классифицировал информацию по лекарственным растениям, произрастающим в Северной Маньчжурии, переводил китайские и тибетские медицинские тексты, готовил научный отчет по результатам полевых работ в Барге и Хинганских горах.

В конце сентября оба американских ботаника, продолжавшие сообщать Департаменту клеветнические сведения о Рерихе, были отзваны в США по личному распоряжению Генри Уоллеса. Шеф Бюро растениеводства Райерсон, патронировавший и поддерживающий Макмиллана, был незначительно понижен в должностях и переведен в Калифорнию.

Оставив в Харбине подготовленные к отправке в США семена и гербарии, Рерихи 24 ноября 1934 г. покинули Харбин и через Чаньчунь, Дайран и Тяньцзин направились в Пекин. В Тяньцзине, где располагался корпус американских вооруженных сил, были получены необходимое снаряжение и амуниция для продвижения в район Гоби. В Пекин прибыли в начале декабря и провели там зиму, готовясь к следующему полевому сезону. Русский ботаник И.В. Козлов из Тяньцзина описывал баргинский гербарий, собранный Т.П. Гордеевым в Маньчжурии.

В Харбине тем временем В.К. Рерих и Т.П. Гордеев готовили к отправке собранные семена и гербарии. По каким-то неясным причинам отправка задержалась. Владимир Константинович объяснял это тем, что Гордеев «за это время несколько раз болел и не имел возможности производить разборку гербария и его определение», а также «преподает в 3-х учебных заведениях и на работу с гербарием может уделять только свой досуг» [Рерих В.К. Письмо неизвестному лицу от 27.01.1935 // ОР МЦР. Ф.1. Оп. 4. Д. № 485. Л. 1] и т.п. Но Департамент ждал не гербарий, а семена, которые к моменту отъезда Рерихов из Харбина уже были упакованы и подготовлены к отправке. Тем не менее посылки с семенами пришли в США в апреле и едва успели к весеннему севу, что на фоне клеветы ботаников, уже начавшей распространяться как круги по воде, внесло свой вклад в копилку нервозности Генри Уоллеса, и без того боявшегося собственной тени.

Рерихи тем временем вели переговоры о снаряжении в экспедицию китайских ботаника и коллектора. Находясь в Пекине, они обратились за помощью к директору ботанического института Фан Мемориал Хсен Су Ху. Он порекомендовал ученого из Нанкина д-ра Кенга и помог закупить снаряжение для сборов семян и гербариев.

В мае 1935 г. начался новый полевой сезон. Выехав за ворота Калгана, на двух машинах направились на север, во Внутреннюю Монголию, в полупустынные и степные районы провинции Чахар – земли хошунов Барун Сунит и Дурбит. Хошуны – «знамена», своеобразные административные единицы кочевой Монголии. Еще в XVII в. «каждому родовому владению князей дано было особое знамя и постановлено считать такое владение отдельною военно-административною единицею, называемою у монголов хошуном» [Матусовский, 1888, с. 79].

Теперь в состав экспедиции, помимо Рерихов, входили коллектор А. Моисеев, помощник руководителя экспедиции по во-

просам снабжения В. Грибановский, водители М. Чувствин и Н. Грамматчиков. По воспоминаниям Грамматчикова, выехав из Калгана, «примерно за 1,5 суток добрались до шведской миссии, главой которой являлся швед Эриксон <...> После недолгого отдохна и завтрака, которым нас угостили, проехали в Цаган-Куре, где и остановились. Цаган-Куре – брошенный буддийскими монахами небольшой монастырь, который принадлежал шведу Ларсену. В Цаган-Куре экспедиция пробыла около трех месяцев и затем перебазировалась на Тимур-Хаду. По дороге один день провели около монастыря Шара-Мурен, три-четыре дня в Батухалке» [Экспедиция Н.К. Рериха в 1934–1935 годах. По воспоминаниям участника экспедиции Н.В. Грамматчикова. Запись беседы А. Анненко. ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 4. Д. № 72].

Внутренняя Монголия, в марте 1934 г. добившаяся автономии и самоуправления, находилась на гребне волны переустройств. Руководителей автономным правительством было двое – престарелый князь Юн-ван и энергичный молодой «принц Де», князь Де-ван, заместитель вождя Силингольского сейма и генеральный секретарь автономного правительства, который лавировал между японским и китайским правительствами, выражая симпатию Японии и лояльность Китаю. Н.К. Рерих писал о нем: «Живою силою монгольского автономного правительства является Сунитский князь Де-Ванг. Нелегка задача этого князя, желающего вдохнуть новые государственные формы около древних монгольских знамен» [Рерих Н., 1995а, с. 532].

План Токио превратить Внутреннюю Монголию в марионеточное государство Менгу-го наподобие Маньчжуо-го пока не оправдывал себя. Япония начала действовать через нанкинские власти. Под ее давлением летом 1935 г. из Чахара, где в тот момент находилась экспедиция, была эвакуирована китайская армия, и только в районе Калгана оставалась одна из дивизий [Бенефильд, 1944, с. 33]. 27 июня того же года секретным соглашением между Китаем и Японией провинция Чахар перешла в сферу влияния Японии [Жалсабон, 1972, с. 30]. Тем не менее японцы готовили и военное вторжение в эту провинцию.

За день до подписания этого соглашения экспедиция переместилась на запад, в относительно спокойную провинцию Внутренней Монголии – Суй-юань. Основной лагерь разбили в тридцати километрах от новой столицы автономной Монголии – Байлинмяо (Батухалки). Новый лагерь экспедиции был расположен в значимом месте. «Превыше всех окрестных гор стоит Наран

Обо. Наран значит Солнечный. Поистине, высокое белое Обо и встречает и провожает солнце. <...> Из-за холмов высятся крыши монастыря Батухалки. За ними опять грязь холмов, а там уже пески, предвестники Алашана. К юго-западу и западу протянутся песчаные пространства – все эти Гоби или Шамо. На юг побежал путь в Кокохото – там уже смущения многолюдства. На восток протянутся земли Сунитские, на северо-запад пойдет Урат. На севере Муминган, что будет значить “Лихая тысяча” [Перих Н., 1995а, с. 531]. «Наш стан среди причудливых вулканических скал. У самого подножья Тимур-хады, что значит Железная скала. Вот и это великое имя в монгольской истории не миновало. И Чингис-хан, великий завоеватель и устроитель, и железный Тимур, а на вершины горы светят Наран Обо. У подножья той же горы, недалеко от нашего стана, находится место будущей монгольской столицы. Место было избрано и предуказано самим Панчен-Ринпоче, Тashi-Lamoю Тибета, который сейчас в Кумбуме. Вполне понятно, что для места будущей столицы монгольской избрано место новое. Ведь Батухалка, с ее старинным нажитым монастырем, не будет новым строением. А новое автономное правительство, конечно, справедливо хочет быть в новом окружении. Пока правительство помещается в Батухалке в юртах» [там же, с. 531–532].

В лагере Тимур Хада к экспедиции присоединились ботаники из Нанкина – д-р Ю.Л. Кенг и его ассистент Янг, которые приехали только в конце июля. Китайским ученым тоже пришлось работать волонтерами, поскольку Департамент так и не выделил ставки ботаников после того, как отозвал двух американцев. Сборы гербария происходили и до и после их приезда при участии Н.К. и Ю.Н. Перихов (как пишет Юрий Николаевич, «ботанизировали» и «гербаризировали» [Перих Ю., 2012а, с. 180, 181]). Н.К. Перих, руководитель экспедиции, не был в стороне от ботанических проблем, об этом свидетельствуют его очерки. Из степей Монголии он пишет княгине Екатерине Константиновне Свято-попк-Четвертинской: «Когда 30 лет тому назад Вы мне говорили о Днепровских лугах, о подробностях травосеяния, могли ли мы думать, что сейчас я буду занят вопросом, представляет ли местный “вострец” обычный вид русского пырея или особенный» [Перих Н., 1995а, с. 433]. Иногда, по воспоминаниям Н.В. Грамматчикова, Николай Константинович задавал направление ботанических поисков:

«Предстоят дальние поездки за семенами, все, что было поблизости от лагеря, выбрано в «пешем и конном строю», теперь очередь наших машин. Кругом горы и степи; куда поехать, где

найти интересующие нас виды? За день можно исколесить сотни миль и не найти ничего.

– Поезжайте за Олон Суме, на север, поищите там.

Еду на своем додже в указанном направлении. <...> Вдруг ботаник оживился, замахал руками, высунулся в окно: “Стоп, стоп”.

Н.К. [Рерих] сказал ехать на север от Олон Суме, распоряжение выполнено, найден новый, очень ценный, вид агропиура. Сам он туда никогда не ездил» [Грамматчиков Н.В. О Н.К. ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 2. Д. № 190. Л. 5–6].

Записи Юрия Николаевича, помощника руководителя, показывают высокий уровень профессионализма, причем не только с точки зрения ботаники, но и геоботаники. Например: «В скалах разнообразный кустарник *Ribes*¹, шиповник, *Rumex*², *Prunus*³. Преобладают пустынно-степные травы, служащие как бы звеном между черноземными и каштановыми почвами северной части Внутренней Монголии и песками Алашани и Средней Гоби» [Рерих Ю., 2012а, с. 188].

С июня поступление сумм от Департамента на содержание экспедиции прекратилось, выплачивалось только жалование Рерихам [Рерих Н., 2020, с. 279], соответственно, все расходы (бензин, продовольствие, зарплата обслуживающему персоналу и т.п.) легли на их плечи.

В двадцатых числах августа Департамент сельского хозяйства США стал настаивать на перемещении экспедиции в Синин близ озера Кукунор. Для этого требовалось пересечь Ордос и Алашань, горный хребет Нань-шаня. Даже по лучшим расчетам путь в Синин занял бы две недели; кроме того, необходимо было оформить специальные разрешения, так как паспорта членов экспедиции были действительны только для провинций Чахар и Суй-юань. А в середине сентября в высокогорном районе Кукунора, где жизненный цикл растений намного короче, сбор семян был уже невозможен. Вдобавок к тому обстановка в провинции Кукунор и на дорогах, ведущих в глубь страны, была тревожная. Газеты писали о разбойничьих бандах к западу от Баотоу, наступающие части кавалерии бандитов были перехвачены в 30 милях от Батухалки [Рерих Ю., 2002а, с. 299]. Н.К. Рерих счел предлагаемый маршрут нецелесообразным, о чем и сообщил в Департамент.

В сентябре второй полевой сезон был закончен. Автономное монгольское правительство выкупило у экспедиции два грузовика

¹ Смородина (лат.).

² Щавель (лат.).

³ Слива (лат.).

и помогло доставить оборудование до ближайшей станции железной дороги – Гуй-Хуа-чен (Кокохото). 7 сентября 1935 г. Рерихи прибыли в Пекин, где собранные коллекции были рассортированы, упакованы, подготовлены к отправке. 20 сентября экспедиция переместилась в Шанхай. Из Шанхая гербарии и семена были отправлены в Штаты. Отец и сын Рерихи вернулись в Наггар.

Первоначально планировалось провести научные изыскания в засушливых районах гималайских высокогорий, и сборы были продолжены в Лахуле, в долине р. Спити на высоте 13 000 футов над уровнем моря. Но Департамент телеграфировал об окончании работ и прекращении финансирования – в Америке вокруг Музея Рериха начали разворачиваться непредвиденные события, в которых участвовал и Генри Уоллес.

Маньчжурская экспедиция, несмотря на все препятствия и внутренние подводные камни из-за организационной несостоятельности Генри Уоллеса, проделала огромную научно-исследовательскую работу. Было изучено свыше трехсот сортов растений, пригодных для борьбы с эрозией почвы, открыто несколько новых видов растений. По свидетельству Ю.Н. Рериха, за период полевой работы на Дальнем Востоке в Департамент были высланы следующие материалы:

«1. Систематический гербарий, собранный в Барге и горах Хингана.

2. Гербарий засухоустойчивых и кормовых растений из Барги и Хингана.

3. Гербарий лекарственных растений из Северной Маньчжурии.

4. Коллекция (83 образца) медицинских препаратов из Северной Маньчжурии. Эта коллекция сопровождалась подробным описанием применения различных входящих в нее средств.

5. Коллекция тибетских медицинских препаратов согласно «Гюд-бзи», классическому труду по тибетской медицине.

6. Коллекция тибетских текстов по медицине и медицинских атласов.

7. Полная карта региона Внутренней Монголии в 4 листах. Оригинал этой карты показывал Вам д-р Брессман, так что Вы можете это удостоверить, если необходимо. Я сохраняю фотостатные копии этой карты.

8. 49 упаковок с семенами из Барги и Хинганского региона.

9. 436 упаковок с семенами из Внутренней Монголии и Спити (юго-западные Гималаи), которые были собраны в полевой сезон 1935 г.

10. Систематический гербарий из 1169 образцов, собранный во Внутренней Монголии.

12.¹ Карта растительности региона Внутренней Монголии на двух листах. Это первая такого рода карта, когда-либо составленная. Прежде чем отправить оригиналы карт в Министерство, мы сделали их фотографии.

13. Систематический гербарий, собранный в Спити (юго-западные Гималаи), 192 образца.

14. Полный фотоотчет с аннотациями.

15. Отчет об исследованиях в Барге и Внутренней Монголии...» [Перих Ю., 2002б, с. 24].

Гербарные сборы и исследования материалов древних манускриптов, проведенные во время экспедиции и при дальнейшей работе Гималайского института научных исследований «Урусвати», послужили основой для важных сводок по флоре Тибетского нагорья и тибетских лекарственных растений [Беликов, 1976; Ефремов, 1960].

В степях Внутренней Монголии был обнаружен новый злак, названный *Agropitum* (*Agropolygon*) *mongolicum*. По результатам экспедиции нанкинский ботаник доктор Кенг опубликовал статью, где в числе новых видов растений упомянул неизвестный ранее вид ковыля, назвав его в честь руководителя экспедиции *Stipa roerichii* [Ceng, 1938, p. 307] (синоним *Stipa nakaiai*).

Дневник Мастера

Из моих дневников и Записных Листов Вы видите мои настроения и предложения.

Н.К. Перих. Дневник Маньчжурской экспедиции. 5.07.35

Много раз приходилось советовать людям вести дневники или записи, чтобы вносить узнанные достоверные факты. Так же точно, как метеорологические наблюдения должны производиться повсеместно и неотступно, и так же многие другие факты должны быть отмечаемы во всей их необычности.

Н.К. Перих. Новые грани

Оппоненты не раз ставили Н.К. Периху в вину то, что он, не будучи ботаником, возглавил ботаническую экспедицию. Далеко не все отчеты, направляемые в Департамент, удовлетворяли чи-

¹ Так в тексте, § 11 отсутствует.

новников, для которых были принципиальны прежде всего финансовые вопросы, например то, что походные сапоги и прочее обмундирование не могут быть оплачены из выделяемых на экспедицию сумм. Все эти бумаги нашли свое место в архивах и там упокоились. А размышления Рериха о геоботанических проблемах, о природе и человеке в их метафизическом единстве остаются до сих пор актуальными и востребованными, поскольку в них заложен эволюционный мировоззренческий потенциал. Для Николая Константиновича это путешествие было новым этапом в его постоянных размышлениях о судьбах человечества и планеты.

Одним из итогов грандиозной Центрально-Азиатской экспедиции стала книга «Алтай–Гималаи» – экспедиционные наблюдения в контексте философской концепции культуры, разработанной Николаем Константиновичем, а также мощные сюжетные полотна и тысячи эскизов, сделанных на маршруте. Во время Маньчжурской экспедиции живописных работ было написано гораздо меньше. Это был период зрелых метаисторических размышлений Мастера, который отражен в литературных очерках Рериха – *Записных Листах, или Листах дневника*, как называл их он сам. По свидетельствам очевидцев, Николай Константинович каждый день диктовал новое эссе, удивительное по своей глубине и простоте, часть из них, опубликованная в маньчжурских газетах, составила новую книгу Мастера «Священный дозор» (1934). Кроме того, Рерих писал и дневник, касающийся событий и планов.

На всем маршруте Маньчжурской экспедиции Н.К. Рерих держал постоянную связь с сотрудниками в Америке, сообщая им обо всех нюансах своей деятельности, и передавал некоторые сведения для Уоллеса, которые нельзя было включить в официальную переписку. С ноября 1934 г. эти письма приобретают характер дневника – каждодневных записей, которые диктовались иногда в подбор, подряд несколько дней, и потом посыпались в США. Свой дневник именно в этот период вел и Юрий Николаевич Рерих, эти тексты тоже были опубликованы [Рерих Ю., 2012а].

Дневник был во многом предназначен для практического руководства сотрудников в той или иной ситуации, его страницы по мере написания пересыпались в США. Вполне оправданно стараясь защитить свою корреспонденцию от пристального интереса тех, кто постоянно вскрывал конверты, автор дневника часто использует условные имена для отдельных лиц. Некоторые, такие как духовные имена сотрудников в Америке и условные обозначения американских политиков, уже широко известны, некоторые

характерны только для этого периода. Для их расшифровки использовались специальные списки условных обозначений. В архивах Университета Ратгера и Центра русской культуры Амхерст-колледжа хранятся такие листки, которые Перихи составляли на разные периоды своей переписки, что вполне понятно при постоянном внимании к их корреспонденции со стороны английской и других разведок. Но на период Маньчжурской экспедиции мы имеем лишь списки, которые были составлены не собственноручно Перихами, а сотрудниками, ведшими переписку. Один из них составлен Ф. Грант [Frances R. Grant Papers // Special Collections and University Archives, Rutgers University Libraries. Box 15, folder 56], другой [Amherst Centre for Russian Culture. Roerich collection. Box 3, folder 44] – предположительно Ю.Н. Перихом, так как именно в его корреспонденции 1934–1935 гг. максимально используются закодированные имена и понятия.

В практически ежедневных записях Н.К. Периха, хранящихся в архиве Музея Николая Периха в Нью-Йорке, отражается весь спектр задач культурного строительства, международных интересов и организационных проблем руководителя экспедиции. Как ни странно, о ходе самой экспедиции сведений не так много. Зато в полной мере виден масштаб деятельной мысли Николая Константиновича, его непосредственное участие в жизни периховских организаций и комитетов Пакта Периха по всему миру, его включенность в круг проблем культурного поля русской эмиграции равно как в Азии, так и в Европе. Он был всегда в курсе событий, происходивших в мире, и держал руку на пульсе широкого международного движения, объединенного идеей защиты культурных сокровищ человечества под Знаменем Мира.

Очень много внимания в дневнике уделено вопросам кооперативного строительства в пустынях Внутренней Монголии. Несколько страниц – с 4 по 15 апреля 1935 г., касающихся именно кооперативного строительства и опубликованных с купюрами В.А. Розовым, не были найдены в архиве Музея Николая Периха в Нью-Йорке. Вопрос о судьбе утраченных листов остается открытым, возможно, они еще обнаружатся.

Дневник Н.К. Периха – свидетельство размышлений и упоминаний Мастера, его планов и скорби по поводу распространившегося по всему миру воинствующего невежества. Николай Константинович скрупулезно делает обзор прессы, затрагивающей его имя, дает советы американским сотрудникам, как противостоять клевете. И приходит к неутешительному выводу, что никакие

рычаги, в том числе обращения в японские консульства в США и Франции, не дают результатов.

По дневнику можно судить о том, насколько широко подходил Николай Константинович к сотрудничеству с культурными и политическими деятелями Японии, Маньчжурии, Китая. Каждое созидательное и культурное начинание отмечалось русским художником и философом как ступень к новому миру. Каждый человек оценивался им с позиций культуры. Современная история вносит корректизы в портреты, создаваемые на страницах этого дневника. Япония в тот период только наращивала свой военный потенциал и захватнические амбиции, и в этом процессе так или иначе участвовали все японские политики. Ответы Савады на обращения сотрудников Музея Периха становились все сдержаннее, это видно по страницам дневника, похоже, он уже получил некие директивы из Министерства иностранных дел Японии. Интересно, что современная история, более внимательная к гуманитарным начинаниям, почти стерла со своих страниц имя японского консула, оставшееся преимущественно в биографических статьях о его жене – миссис Мики Савада, основательницы первого в Японии приюта для детей-сирот и благотворительницы.

Страницы дневника запечатлели свидетельства о визитах и беседах с нашими соотечественниками за рубежом. У многих из них за плечами были Гражданская война, Великий ледовый поход, бегство из Владивостока. Ведя между собой политические дебаты, они сохраняли традиции и надежду вернуться на Родину. В этой среде Николай Константинович пытался найти единомышленников, многие из них оказались полезными сотрудниками, многие, наоборот, прекратили свою культурно-просветительную деятельность практически сразу, как только имя Периха стало упоминаться в газетах в негативном ключе. По страницам дневника можно проследить и отсутствие позитивного полюса в этой информационной войне – в русскоязычной прессе Харбина, Тяньцзина, Пекина не появилось достаточно ярких статей, противостоящих клевете.

Один из фрагментов дневника, утраченный из-за того, что сдвинулась копировальная бумага в печатной машинке, можно восстановить по другим источникам. Например, запись от 21 июля: «Посетили крепость¹, лежащую в двадцати пяти милях, так называемую <...>¹ [рядом с не]й, как говорят, много растительности.

¹ Пропуск в тексте.

По пу[ти] <...>¹ [встретили] монголов, бежавших из Халхи. Среди них есть <...>² [несущие в] себе основы и религии, и смелости, и стро[ительства]. <...>³ приехать» [Перих Н., 2015, с. 301]. От того же числа запись в дневнике Ю.Н. Периха говорит о визите в кочевой монгольский монастырь, о том, что «много беседовали о Калачакре» [Перих Ю., 2012а, с. 182]. Скупые фразы Н.К. и Ю.Н. Перихов об этом дне дополняет красочный рассказ Н.В. Грамматчикова:

«В узком ущелье расположен беженский халхасский монастырь; от лап вандалов бежала группа лам, с трехдневным боем пронесли монахи свои святыни через грозную границу и основали монастырь во Внутренней Монголии.

Денно и нощно перед древними святынями теплится священный огонек, монотонно читают монахи молитвы... Тихо, тихо, почти шепотом, говорят о Великой Шамбале...

Сегодня в маленьком монастыре оживление, приехали “новые люди”, которых монахи никогда не видали. Старик с большой седой бородой, его сын и двое вооруженных людей.

Старший лама приглашает войти в юрту; следуют обязательные любезные фразы, и затем разговор мало по малу переходит на более оживленные темы.

Н.К. [Перих] не говорит по-монгольски, но все понимает, переводит Ю.Н. [Перих].

Через некоторое время тихо раздается слово “Чамбали”. Святое для монгол слово, берегут они его больше всего, не выдадут и не скажут зря, а тут прозвучало оно в устах ламы скоро, всего через час какой-нибудь после нашего разговора.

Вскоре радостно сияют глаза лам. Идут показывать свои святыни. А показав, просят Н.К. возжечь, кроме обычных полагающихся к возжжению светильников, еще большой огонь у святилища. Мало кто, кроме старшего ламы, может возжечь его.

Понял лама своего гостя, потому и попросил зажечь этот светильник.

Светлой рукой зажженный огонь – добрый огонь» [Грамматчиков Н.В. О Н.К. ОР МЦР. Ф.1. Оп. 2. Д. № 190. Л. 4].

Беседа с монгольскими ламами была одной из чреды многих встреч и бесед вдали от центров цивилизации. По дневникам Ни-

¹ Пропуск в тексте.

² Пропуск в тексте.

³ Пропуск в тексте.

колая Константиновича видно, насколько напряженной была общественная и культурная жизнь того времени в центре монгольских пустынь. В стан монгольского вождя Де-вана приезжают разные люди – путешественники, официальные лица, над ставкой кружат японские аэропланы, в этот район направлена японская экспедиция.

В числе гостей – Ринчин-Дордже (или Эринчин-Дордже) Очиров, несколько дней проведший в столице с князем. Этот бурят, в свое время закончивший Санкт-Петербургский университет, был незаурядной личностью. В 1929 г. во время военного конфликта на КВЖД он вывел из Барги группу соплеменников, откочевал с ними на юг и на новом месте виртуозно освободил их от высоких государственных налогов, сделав их данниками только Таши-ламы Х. В Маньчжурии и Внутренней Монголии его называли Амбан-нойон (*маньчж.* амба – великий) или Ринчин-нойон [Цыбикдорджиев, 2013]. Еще зимой Рерихи договорились с руководителем бурятского хошуна и бизнесменом о покупке лошадей для нужд экспедиции. Согласно его распискам, ему было выдано 350 мексиканских долларов в счет причитающегося жалованья шести всадникам, 1200 – за шесть лошадей и еще 800 – взаймы с выплатой серебряными долларами в Монголии [Очиров Р. Расписки от 13.12.1934, 26.01.35, 26.01.1935. ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 4. Д. № 411. Л. 6, 8, 9]. Высокий общественный статус, однако, не помешал Очирову задержать поставку товара на два месяца. Прибывших с опозданием лошадей пришлось отправить обратно, так как они оказались негодными, а один из всадников болен. И о серьезных недоумениях Рериха – как так мог поступить очень известный человек – тоже свидетельствуют его дневниковые записи.

Перед собранием монгольских чиновников приехал выступить видный китайский политический деятель, пророк анархического социализма, «социалистический Конфуций», доктор Кианг Канг-ху. Видимо, эта поездка состоялась после его визита в Шаньси, где началась земельная реформа, о которой д-р Кианг восторженно отзывался как о практическом социализме. Китайский политик и русский художник ведут беседу о кооперативах и вместе с князем Де-ваном – о будущем переустройстве Внутренней Монголии. Судя по записям Ю.Н. Рериха, отзовавшемся о д-ре Кианге как о «старом знакомом» [Рерих Ю., 2012а, с. 182], Рерихи общались с ним еще в Пекине.

Приезжает и известный монгольский политический и религиозный деятель Тэло-тулку XI (V) Жамсранжав Башлуугийн.

По словам Н.К. Рериха, «как бывший министр старого Богдогегена, он не только знает о России, но и знает мое положение. Во время беседы выяснилось много любопытного» [Рерих Н., 2015, с. 272]. Один из вдохновителей национально-освободительного движения, стоявший у истоков монгольской революции, он в 1930 г. вынужден был бежать из Монголии, где был осужден за связь с Панчен-ламой на пять лет с отсрочкой приговора (другие фигуранты по этому делу, оставшиеся в социалистической стране, вскоре были расстреляны). Поселившись во Внутренней Монголии, он не раз встречался с Панчен-ламой и князем Де-ваном, построившим специально для визитов Панчена дворец в своей новой столице.

Н.К. Рерих упоминает также известного англо-индийского политического деятеля и путешественника, востоковеда сэра Чарльза Белла, близко знакомого с Далай-ламой ХП и написавшего его биографию, автора англо-тибетского разговорника и грамматики разговорного тибетского языка. По свидетельствам Ю.Н. Рериха, Белл не раз навещал с супругой ставку князя [Рерих Ю., 2012а, с. 186], у мэтра востоковедения и молодого ученого наверняка было много точек пересечения научных интересов, но дневники обоих Рерихов умалчивают о подробностях бесед.

Биографический словарь, составленный для того, чтобы показать исторический контекст дневника Н.К. Рериха, насчитывает более 200 имен. В него входят российские и зарубежные политики, общественные и культурные деятели, художники, музыканты, журналисты, бизнесмены – в большинстве своем все они были значимы для своего времени, со многими из них, в том числе и с некоторыми венценосными монархами, министрами, послами и т.п., Рерих был знаком лично или состоял в переписке. И каждое из имен, упомянутых в дневнике, – одна из многочисленных нитей, ведущая к пониманию его широкой международной общественно-культурной деятельности, идя по которой можно составить отдельное историческое повествование. Это широчайший спектр связей во времени и пространстве, по которому можно восстановить грандиозную картину культурной деятельности Н.К. Рериха.

Отдельная тема в дневнике Маньчжурской экспедиции – те самые Записные Листы, которые Н.К. Рерих надиктовывал ежедневно и планировал скомпоновать их в отдельную книгу. По дневникам можно восстановить контекст написания и адресность многих листов. Они проходят красной нитью по фону каждой дневных забот и размышлений о культурном строительстве по

всему миру и неразрывно с ним связаны. На этой грани творчества Мастера следует остановиться более подробно.

С Маньчжурской экспедицией неразрывно связано и подписание Пакта Рериха 15 апреля 1935 г. – международного договора в защиту культурных ценностей, предложенного Рерихом. Пакт был подписан в Вашингтоне, и этому предшествовала длительная организационная работа, которую напитывали мысли Николая Константиновича, направляемые им сначала из Индии, а затем из Маньчжурии и Китая.

«Архипелаг Россия»

Русский язык, как никогда, сейчас распространен. Как никогда, переводятся русские писатели, и в музеях утверждаются русские отделы. Какое же в этом рассеяние? Совсем не рассеяние, а совсем другое, гораздо более благозвучное и многозначительное. Если нам доверяют народы, поручая блюсти ответственные места, то и мы укрепляемся в доброжелательстве к народам. Из рассеяния вырастает строение. Пусть оно будет прекрасным.

Н.К. Рерих. В рассеянии сущие

Одной из отличительных черт Маньчжурской экспедиции было то, что она пересекалась в крупных населенных пунктах – Харбине, Тяньцзине, Пекине – с особым культурным пространством того времени – пространством русской эмиграции, о котором Рерих писал – «в рассеянии сущие»... Многочисленные эмигранты позиционировали себя как «Россию в изгнании». «...За то, что нас Родина выгнала, / Мы по свету ее разнесли», – эти строки поэта А. Ачаира как нельзя лучше характеризуют мироощущение наших соотечественников за рубежом. Россия в их сознании стала архипелагом, острова которого были разбросаны по всему миру.

Харбин был одним из крупнейших центров русской диаспоры, наряду с Белградом и Парижем. Но в отличие от европейских городов, где русские все же были лишь частью иноземного города, Харбин был русским практически полностью. Он и построен был русскими, по указу российского императора на маньчжурских болотах, в связи с началом строительства КВЖД. История его создания позволяла харбинцам сравнивать свой город с Санкт-Петербургом.

После революции город оказался оторванным от Родины и ее политических перипетий, позиционируя себя как осколок старой России, один из самых больших островов ее архипелага, храня ее культуру и традиции. Но вскоре в Сибири окончательно установилась советская власть, в Китай хлынул поток эмигрантов. Разменной жизни наступил конец, КВЖД перешла в совместное советско-китайское управление, в город приехали командированные Советами коммунисты и комсомольцы. Многим старым служащим пришлось оформлять советские паспорта, чтобы не потерять работу.

Это потрясение было не последним. С японской оккупацией сменились власть и порядки, 19 сентября 1934 г. завершились многочисленные переговоры о продаже советской стороной КВЖД правительству Маньчжоу-диго, советским гражданам было приказано вернуться на Родину, где их не ждало ничего хорошего...

Летом 1934 г., пока соглашение не было подписано, город еще находился на перепутье и появление в нем Н.К. Периха можно было «сравнить только с метеором, прочертившим черту на мрачном ночном небе...» [Хайдок, 1994, с. 329]. К нему потянулись толпы мятущихся соотечественников, он был востребован и среди бывших царских офицеров, и среди православных иерархов, и среди местного научного сообщества.

Самого Периха среди всех эмигрантских организаций больше всего заинтересовал Русский общевоинский союз (РОВС), отделения которого были распространены по всему миру. В конце октября 1934 г. Перих выкупил и передал в ведение РОВС газету «Русское Слово», по поводу чего был созван чрезвычайный съезд этой организации, на котором звучали благодарственные слова в адрес дарителя. Руководителем РОВСа был внук императора Николая I Великий князь Николай Николаевич, в котором русская эмиграция видела законного претендента на российский престол после смерти Николая II и его семьи. Сам Николай Николаевич к этим настроениям относился скептически. Вторым и, напротив, чрезвычайно рьяным претендентом был Великий князь Кирилл Владимирович, внук Александра II, двоюродный брат Николая II. В 1924 г. он самопровозгласил себя императором Всероссийским. Политический водораздел русской эмиграции определялся отношением к этим двум фигурам. Люди и организации, находившиеся по разные стороны этого водораздела, не особенно стеснялись в средствах выражения своего несогласия с позицией противоположной стороны. Именно поэтому Перих пишет в своем дневнике о «легитимистах-кирилловцах», внесших свой вклад в кампанию клеветы

против него, видимо, они не простили симпатий Николая Константиновича к РОВСУ.

Помимо легитимистов, приверженцев идеи восстановления династии Романовых, одной из весьма популярных организаций того времени среди русской диаспоры была Всероссийская фашистская партия. В ее программе многие эмигранты видели адекватный ответ коммунизму и неизбежной советизации, начавшейся в Харбине с момента перехода КВЖД в совместное советско-китайское управление. В 1930-е годы разрушительный потенциал фашизма еще не проявился в полной мере, и Н.К. Рерих в одной из своих статей цитирует слова Муссолини о культуре, полагая, что руководитель страны, сказавший это, должен и в государственной политике отдавать приоритет культуре. Но по мере развития исторических событий и после публичного высказывания Муссолини о нациях второго сорта эту ссылку на прекрасные слова дуче пришлось убрать.

В Харбине ключевой фигурой русского фашизма был К. Родзаевский, он же главный редактор газеты «Наш Путь». Будучи ранее вполне обеспеченной организацией, на тот момент она сильно нуждалась, так как финансирование из-за рубежа прекратилось. Харбинские фашисты с приходом к власти марионеточного правительства стали работать на хозяев, и в результате во многом изменили «высоким идеалам» мирового фашизма, но японцы не спешили раскошелиться. Позднее председатель ЦИК Всероссийской фашистской партии и бывший спонсор харбинской организации А.А. Вонсяцкий, проживавший в США, «категорически заявил, что его организация абсолютно порвала с газ[етой] “Наш Путь” и партией, которая руководит им. Причина та, что хотя в начале они были соединены вместе и выработали общую программу, но позже “Н[аш] П[уть]” начал резко уклоняться от выполнения этой программы, как-то: они всячески уклонялись от борьбы с вредителями, что было коренной линией, а кроме того, они начали антисемит[скую] линию, что против платформы Вонс[яцкого]» [Лихтман З.Г. Письмо Н.К. Рериху от 14.01.1935. Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке]. Фашисты были в числе многих организаций, которые приходили к Н.К. Рериху просить денег, видя в нем заокеанского миллионера, в то время как не такая уж высокая зарплата от Департамента поступала членам экспедиции с перебоями. В просьбе было отказано. Так что с местными фашистами у Рерихов отношения изначально не сложились.

Эпицентром сотрудничества Рерихов с местной творческой элитой стал Харбинский христианский союз молодых лю-

дей (ХСМЛ), межконфессиональная всемирная организация с центром в США. С руководителем союза г-ном Хейгом Рерихи не встречались, но действующие на платформе ХСМЛ культурно-просветительские организации и школы им были очень интересны. Н.К. и Ю.Н. Рерихи неоднократно выступали в его залах, всегда охотно предоставляемых под представительные собрания. Здесь же работал возглавляемый поэтом А.А. Грызовым (Ачайром) литературный кружок «Молодая Чураевка», на вечерах которого почетным гостем был Николай Константинович. Еще в 1932 г. в окружном послании архиереев Русская православная церковь заграницей определила ХСМЛ как организацию «сродни с масонством по духу и направлению», находящуюся «с ним в тесной связи и зависимости от него». Однако и после этого послания ХСМЛ и православная церковь долгое время существовали в Харбине в симбиозе, поскольку «Харбинский богословский институт, находившийся в юрисдикции Русской зарубежной церкви, постоянно пользовался финансовой поддержкой YMCA (ХСМЛ)» [Дубаев, 2001, с. 98]. Нападки со стороны церковных деятелей начались позднее, и Рерих объясняет это тем, что вообще все американское теперь подвергается гонениям в Маньчжурии.

Многие культурно-просветительские организации Харбина избрали Н.К. Рериха своим почетным членом, в их числе общество «Икона», объявившее своей целью возрождение русской иконописи. Это было не случайно, ибо Николай Константинович был известен уже осуществленными проектами храмов и их росписей в России, его сюжетные полотна, посвященные православным святым, тоже были широко известны. Как человек, принадлежавший культуре дореволюционной России, Рерих не мог обойти вниманием харбинских православных иерархов, большинство которых в то время были еще и политическими деятелями. Наиболее близкие отношения и даже творческое сотрудничество на общественно-культурной ниве сложились с архиепископом Нестором, который в сентябре 1934 г. стал почетным председателем Комитета Пакта Рериха в Харбине. Рерих поддержал образованное 18 июля 1934 г. при курируемом владыкой Доме милосердия женское Свято-Сергиево содружество. Николаю Константиновичу пришлось по душе решение Нестора создать своеобразный музей-хранилище при Доме милосердия, он передал этому музею свои дары. «Высокопреосвященный Владыка, в прошлый раз Вы мне говорили о будущем хранилище при Доме милосердия, Вами созидаемом. Каждое Ваше благодатное начинание особенно звучит в сердце

моем, – писал Нестору Н.К. Рерих. – Прошу Вас принять от меня три оригинала моего проекта для будущей церкви в Бариме, а также несколько воспроизведений с моих религиозных картин. Пусть это будет моим вкладом в Ваше новое хранилище» [цит. по: Дубаев, 2001, с. 519]. Рерих горячо поддержал идею иерарха построить в Харбине Часовню-Памятник Венценосным Мученикам российским и убиенному королю Югославии Александру I Карагеоргевичу, которую владыка весьма точно назвал «елеем русского покаяния и скорби». Эта идея пришла к архиепископу Нестору после того, как 9 октября 1934 г. террористами был убит король Александр, приехавший во Францию для заключения договора о союзе. Сделанные Рерихом эскизы деревянной часовни Св. Сергея Радонежского в Бариме и Часовни-Памятника были одобрены правящим архиепископом Мелетием.

Оба архиепископа в ноябре 1934 г. не позволили молодому священнику Лукину сделать клеветнический доклад о безбожии и масонстве Н.К. Рериха. Но эти идеи получили развитие в харбинской прессе, и отношения с ранее дружественными православными иерархами стали более чем прохладными. Часовню-Памятник начали строить по проекту епархиального архитектора М.М. Осколова, и Николай Константинович напишет: «Архиепископ Нестор и прочие церковники опять показали себя с темной стороны» [Рерих Н., 2015, с. 216].

Самой неоднозначной фигурой среди православных иерархов был Шанхайский епископ Виктор, очень резко выступивший против Шанхайского содружества Св. Сергия, основанного под духовным руководством Рериха. О его негативных отзывах неоднократно писали Николаю Константиновичу различные корреспонденты. При личных встречах с Рерихом в Пекине епископ был весьма любезен, но, как выяснилось впоследствии, многие нити харбинской клеветы тянулись именно от него.

Находясь в эпицентре русской диаспоры, Н.К. Рерих не отказывал в духовной беседе людям ищущим, и вскоре вокруг него образовался круг единомышленников, чье сознание оказалосьозвучным философии Живой Этики. Николай Константинович посвящал в ее основы тех, в ком видел искреннюю заинтересованность. Среди них был и писатель Альфред Хейдок, который впоследствии вспоминал:

«Могут спросить – чем мы занимались на наших собраниях? Так как клевета преследовала Н.К. Рериха, то возможно, что под

таким вопросом будет скрываться подтекст – “Какие заговоры вы там устраивали?”… И я отвечу:

– Никаких.

В том-то и горькая ирония судьбы, что люди усматривают нечто предосудительное именно там, где устремляются к самым высшим идеалам. <...> Николай Константинович нам лекций не читал. В спокойной и неторопливой беседе просто и доходчиво говорил о наступающей Новой эре планеты, о новом человечестве, которое должно прийти на смену нынешнему, задыхающемуся в ярости хищнических захватов и, как слепое, идущему к взаимоистреблению» [Хейдок, 1994, с. 335].

Из этих людей образовалось прочное содружество, его члены и в дальнейшем поддерживали связь с Перихами, а после 1945 г. и репатриации, несмотря на суровый прием, который оказала им родина, некоторым из них удалось принести в СССР и передать ищущим весть Живой Этики.

Во время своего пребывания в Харбине Н.К. Перих неизменно участвовал в наиболее значимых мероприятиях русской эмиграции, в частности в ежегодном Дне непримиримости (7 ноября 1934 г.), посвященном памяти тех, кто отдал свою жизнь в борьбе за освобождение России от коммунизма.

Об отношении Перихов к Советской России в 1930-е годы следует рассказать более подробно. Перихи были патриотами своей страны и на чужбине продолжали трудиться во славу Родины. Но Советский Союз и Россия были для них понятиями неравнозначными. Позитивное отношение Перихов к СССР, которое они высказывали в период своего визита в Москву в 1926 г., сменилось критическим в связи с изменениями внутри страны. Конструктивный потенциал молодой советской республики угасал по мере ее неуклонного движения к тоталитаризму. Учение коммунизма и новый социалистический строй, искаженные репрессивными механизмами Сталина, из оздоравливающей силы превращались в болезнь для страны. За границу просачивались сведения о «допросах с пристрастием» и лагерях. Фашизм и коммунизм оказывались на одной чаше мировых весов. В открытом письме в Совет Народных Комиссаров академик И.И. Павлов писал как раз в 1934 г.: «Вы сеете по культурному миру не революцию, а с огромным успехом фашизм. До вашей революции фашизма не было. Все остальные правительства вовсе не желают у себя то, что было и что есть у нас, и, конечно, вовремя догадываются применить для

предупреждения этого то, чем пользовались вы, – террор и насилие» [цит. по: Есть всюду свет … , 2000, с. 6].

С одной стороны, Н.К. Рерих с большой симпатией относился к движению «оборонцев» («утвержденцев» и др.), которые во главу угла ставили территориальную целостность и неприкосновенность России, независимо от господствующего в ней политического строя. Будучи проездом в Париже по пути в США в 1934 г., он посетил одно из собраний утвержденцев и обратился к ним с приветственной речью [Беликов, Князева, 1973, с. 217], посвятил им очерк. В одном из писем комитету в Париж Николай Константинович писал: «Взяв символом группы высокое понятие “Утверждение”, участники действительно несут его в жизнь со всею твердостью, решимостью и высокою просвещенностью, которые всегда будут основами истинных утверждений» [Рерих Н.К. Письмо Комитету «Утверждения» от 27.08.1935. Архив Музея Рериха в Нью-Йорке].

С другой стороны, Николай Константинович был не чужд надеждам многих наших соотечественников, ожидавших в ту пору, что близко спасение России. Свою позицию он публично высказал в интервью газете «Харбинское время», которое было перепечатано в нескольких газетах: «Сейчас еще довлеет Тьма, силы которой – коммунизм, марксизм, безбожничество и прочие пагубные злоучения, – хорошо организованы и ведут стремительную атаку на человечество. <…> Вспомните, что еще Серафим Саровский предрекал, что сто лет будут тяжким лихолетьем для России и лишь после них начнется обновление. Этот срок истек в декабре прошлого года. Значит, вот-вот наступит историческое время для России…» [«1936 год…», 1934].

Рерих, который недавно был в Токио «гостем правительства» [Рерих Н., 2022, с. 136], ставил превыше всего приоритет культуры и оценивал прежде всего многовековое культурное наследие и духовные традиции Японии. Страна восходящего солнца покажет свое истинное лицо немного позже, когда русские газеты, издаваемые на японские концессии, начнут клеветническую кампанию, и Николай Константинович, по словам его другини и соратницы Е.И. Рерих, уедет из Маньчжуо-диго «с большой болью в сердце, ибо он так верил в культуру и героический дух Ниппона» [Рерих Е.И. Письмо от 02.01.1935. Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке]¹.

¹ В экземпляре письма, хранящемся в ОР МЦР, окончание фразы вычеркнуто и потому не опубликовано.

Через три месяца после публикации этого интервью, где вполне однозначно было высказано его отношение к СССР, харбинские газеты обвиняют Мастера в связях с большевиками и с пророссийски настроенным американским сенатором Бором, а также в сепаратистских планах относительно Сибири, на что сам Рерих в письме, которое он определил «не для печати», ответит: «...планов о государстве в Сибири не имел...». И далее: «Другом сенатора Бора не состою и ни в какой совместной работе не участвовал (из всего кабинета СШ[А] Хенри Уоллес по настоянию г-на Рериха протестовал против признания СССР)» [Рерих Н.К. Письмо от 26.11.1934. Архив Музея Рериха в Нью-Йорке].

Признание СССР Соединенными Штатами Америки, одной из ведущих стран мировой политики, как бы легализовало все ужасы тоталитаризма с точки зрения мирового сообщества. По воспоминаниям Ф. Грант, действительно, «Уоллес со своей стороны выразил желание советоваться с профессором Рерихом в области, в которой он был не достаточно сведущ – собственно, в международных отношениях. В Кабинете Рузвельта обсуждался вопрос признания России, и Уоллес заинтересовался мнением профессора Рериха в этом и похожих международных вопросах» [Frances R. Grant Papers. Special Collections and University Archives, Rutgers University Libraries. Box 14, folder 74]. И, прислушавшись к советам, американский политик открыто протестовал против признания СССР. Но, несмотря на публичные выступления Уоллеса на эту тему и его приватные беседы с Рузвельтом, президент США остался верен своему решению и установил дипломатические отношения с Советским Союзом. И совершилось это 17 ноября 1933 г., в один день с открытием конвенции Пакта Рериха в Вашингтоне.

«Самоотвержение зла»

Ведь все не входящее в обычные рамки так тревожит маленькие умы. Только что искали в нас большевиков, а теперь слышу, стараются изобрести нечто новое. Если бы только они знали, как мы далеки от вмешательства в какие-либо их интересы! Но людям, привыкшим видеть везде врагов, трудно допустить, что могут быть интересы высшие, поверх всякой вражды и отвратительной подпольной интриги.

Е.И. Рерих. Письмо Н.К. и Ю.Н. Рерихам от 25.08.34

Международная общественно-культурная деятельность Н.К. Рериха была настолько яркой и масштабной, что вполне есте-

ственno вызывала интерес у органов госбезопасности любой страны, как только он оказывался на территории, входящей в сферу ее политических интересов. Так было в Индии, в Японии, в СССР.

Не оставалась в стороне и общественность. Обыденное сознание не способно вместить понимание, что человек, опередивший мыслью и сознанием свое время, обладающий промыслительным даром, может быть НАД существующими сиюминутными политическими течениями и группировками, может не принадлежать ни к одной из них. Тогда начинается встречный процесс – не зазывание в свой лагерь, а информационное «заталкивание» в стан противников, навешивание ярлыков, создание образа врага. Раз не «наш», то «их». Сквозь призму такой позиции деятельность Периха казалась противоборствующим силам не культурной политикой, а политической интригой, а его контакты с государственными деятелями Советской России, США, Японии, Маньчжурии воспринимались как ангажированность. Экспедиции Перихов, проходившие по взрывоопасным в тот период регионам Центральной Азии, расценивались как шпионаж, каждая из заинтересованных сторон предполагала наличие за спиной руководителя экспедиции своих непосредственных политических соперников или абстрактные вражеские подрывные силы.

Когда Перих как руководитель Маньчжурской экспедиции оказался на территории марионеточного государства Маньчжоуго, им серьезно заинтересовалась японская разведка. В свое время английская разведка пыталась физически уничтожить Центрально-Азиатскую экспедицию Периха, сначала организовав на нее бандитское нападение, затем задержав почти полгода на плато Чантанг. Это им не удалось, экспедиция была успешно завершена, и Перихи в мировом научном сообществе были причислены к великим путешественникам. Японцы оказались умнее и вероломней, возможно, впервые в новейшей истории употребив для своих целей методы PR-технологий, широко применяемые в современном мире. Эти технологии оказались намного эффективнее, так как способствовали не только досрочному отзыванию экспедиции (которая уже получила разрешение от Департамента на продление работ до середины 1936 г.), но и дезавуированию в мировом информационном пространстве ее руководителя и ее научных результатов.

Итак, некоторое время японцы лишь наблюдали за Перихом, но в конце ноября 1934 г. на него обрушился вал клеветы со страниц русских газет Харбина, находящихся под контролем японской

цензуры. Был инициирован ряд публикаций о его причастности к советским спецслужбам, к масонству, писали даже о том, что он будто бы выдает себя за перевоплощение Сергея Радонежского. Эта кампания стала наиболее резонансной в судьбе Рериха. Судя по всему, здесь не обошлось и без советских спецслужб, в те времена довольно пристально наблюдавших за настроениями русских эмигрантов как на Западе, так и на Востоке и своевременно устраивавших провокации в эмигрантских кругах.

Харбинские статьи 1934 г., направленные на умаление авторитета Рериха в русско-эмигрантском сообществе, базировались во многом на выкраденных и сфотографированных в 1923 и 1924 гг. – десять лет тому назад (!) – письмах Н.К. Рериха его брату, В.К. Рериху. В то время Рерихи разрабатывали планы концессий на Алтае, и письма были посвящены возможностям развития кооперативного строительства и будущему Сибири. Если бы эти письма выкрали журналисты, они сразу бы пустили их в печать, поскольку зарабатывают свой хлеб на сиюминутных сенсациях. Уже сам временной разрыв даты украденного письма и газетной шумихи свидетельствует, что в этом деле участвовали силы, которые вполне расчетливо приберегли эти материалы «на всякий случай» и дали им ход, когда Рерих вернулся в Центральную Азию и в ореоле славы оказался в опасной близости к границам Советского Союза.

В этой кампании клеветникам пригодился и портрет Н.К. Рериха, опубликованный в июле 1933 г. в журнале ордена розенкрейцеров «Rosicrucians Digest» без его согласия. Вокруг портрета редакция журнала самовольно разместила масонские символы, а под портретом подпись: «Николай Рерих, легат великого белого братства АМОРК», притом что Рерих ни в каких братствах не состоял.

В 1930-е годы Н.К. Рерих и Музей в Нью-Йорке действительно поддерживали связь с американскими розенкрейцерами и их изданием. Николаю Константиновичу был послан и диплом, что было обычной практикой того времени: «...Дипломы и почетные звания посыпаются великим людям – это не ново, и это не значит, что люди, получившие эти звания, вдруг делаются членами всех подобных обществ и организаций» [Лихтман З.Г. Письмо Н.К. Рериху от 14.01.1935 // Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке]. По просьбе руководителя АМОРК Спенсера Льюиса Рерих дал некоторые из своих статей для публикации в журнале «Rosicrucians Digest» [Roerich N., 1933] и отправил несколько тибетских

артефактов для музея в Калифорнии. Помимо портрета было «подправлено» и сопроводительное письмо к посылке, в результате чего на страницах журнала обычный жест вежливости Николая Константиновича был умышленно преподнесен как выражение симпатии к АМОРК и даже как благословение Ордену от Учителей Востока [Перих Е., 2001, с. 12–13].

Журнал с искаженным портретом Н.К. Периха и некая книга с нелепым описанием обряда посвящения розенкрейцеров были посланы в Харбин епископом Виктором «только для осведомления» [Перих Н., 2015, с. 122], а газетчики уцепились за такой подарок. Соответственно, в харбинских газетах Перих тотчас был объявлен масоном, а Знамя Мира, символ Пакта Периха – масонским знаком и проч. Одним из наиболее плодовитых сочинителей подобных измышлений был писатель и политический деятель Василий Иванов, хронически страдающий масонофобией. Вся «доказательная база» обвинения в оккультизме и антихристианстве в харбинской прессе ограничилась обсуждением этих сомнительных источников. А о книгах Н.К. Периха и его философских взглядах была сказана всего одна фраза: «...в том, что все книги Н.К. Периха антихристианские, не может быть никакого сомнения! Для этого достаточно их внимательно прочесть» [Борисов, 1934]. В дневниках и письмах Е.И. Перих автор этих измышлений обычно фигурирует как «Василька Иванов», что может создать впечатление некоего «мальчика с улицы». На самом деле это был серьезный противник, обладающий немалым авторитетом в среде русской эмиграции. За его плечами – посты идеолога-пропагандиста при правительстве адмирала Колчака, министра внутренних дел дальневосточного правительства братьев Меркуловых (1921), председателя совета управления ведомствами приамурского временного правительства (1921). В Харбине он был одним из лидеров монархического движения и, вероятно, агентом советских спецслужб.

А вот юный священник и журналист Ю. Лукин на клеветнических публикациях фактически сделал себе имя. В числе статей, составивших организованную антипериховскую кампанию в Харбине, была его статья «Испытывайте духов», где проводилась параллель между Н.К. Перихом и соловьевским Антихристом (прозвавшим охрану культурного наследия православия, но отказавшимся исповедовать Христа). В этой статье читаем: «Книги Н.К. Периха проникнуты порою проповедью неприкованного смешения всех религий... <...> Даже Пречистый Лик Спасителя мира в статье “Спас” вызывает лишь чувства художника у

акад. Н.К. Рериха, но не благовение христианина. В этой последней статье он призывает лишь “к охранению и углублению качества иконописания”, столь дорогое православному сердцу. <...> И доколе в писаниях Н.К. Рериха, художественных и ярких, известных всему миру, мы не увидим исповедования Иисуса Христа и отказа от теософических намерений свести в одно все религии, до тех пор, говоря о его произведениях, мы не устанем предостерегать наших читателей...» [Лукин, 1934] На полях газетной вырезки рукой Н.К. Рериха написано: «Уже Антихрист!»

Статья Лукина примечательна тем, что в ней впервые сделана попытка «распять» на кресте веры и идеологии высокое искусство Рериха, являющееся живописным выражением Живой Этики. Этот прием не раз применялся в то время совсем в другом лагере – коммунистические идеологи точно так же критиковали шедевры мирового искусства с точки зрения их несоответствия марксистско-ленинской идеологии. Этот прием будут широко использовать и православные миссионеры постсоветского времени.

«Бояться обвинения в ереси нам не приходится, ибо Облик Истинного Христа живет в душе нашей <...>. Но мы видим Христа, истинно, Богочеловеком, но не узким сектантом, клеймящим прозвищем Антихриста всех, кто не может признать церковных ограничений и злотолкований Его Христова Учения», – писала Е.И. Рерих, имея в виду подобные нападки [Рерих Е., 2000а, с. 142].

Русско-американская газета «Новое Русское Слово» от 29 декабря 1934 г. дает краткое резюме харбинских инсинаций: «“Харбинское Время” докопалось и до цели приезда Рериха в Харбин. Он пожаловал ни с чем иным, как “проводить в жизнь катанинский план масонов ордена Розенкрейцера”. План этот предполагает цели “создания на территории Сибири великой империи – масонского государства”. Японская газета “имеет в руках доказательства”, что в реализации этого плана заинтересован американский капитал. Сформировано и правительство “масонского государства” в Сибири. Вершина этого аппарата (новая масонская ложа) называется “Белуха”, по имени высшей точки Алтайского хребта. Самые видные члены “Белуха”, например, писатель Гребенщиков, “еще находятся на территории Америки”. Новое государство, “Сибирская масонская империя”, должно быть необходимым дополнением к существующей ситуации в бывшем русском государстве”, то есть Советской России» [Лидин, 1934].

Публикации в харбинских газетах только на первый взгляд кажутся бредом. При внимательном рассмотрении становится видна довольно профессионально организованная политическая акция. В этой игре разыграны именно те информационные карты, которые были наиболее действенными в среде русской эмиграции, причем на любой вкус – масонство, связь с США и Японией, связь с СССР (Центрально-Азиатская экспедиция проходила по территории СССР, в ургинском издании книги «Община» говорились высокие слова о Ленине). Масонство – как антитеза православию в глазах наших соотечественников за рубежом – особенно педалировалось. В серии статей периодически цитировалась некая настольная книга розенкрайцеров, затем автор снова возвращался к имени Периха, тем самым создавая эффект «слоеного пирога», когда информационные слои накладываются друг на друга и воспринимаются как единое целое, а имя Периха кажется неотделимым от всего масонского контекста.

Чем же не угодил Перих основным игрокам на политической арене Центральной Азии?

До его появления в Маньчжурии русская диаспора на Востоке по причине своей разрозненности уже не представляла особого интереса ни для Японии, ни для СССР. «Хотя изгнанничество воспринимало себя и становилось понятным как движение в высшей степени политическое, ему не хватало реальной и эффективной организации. Ограничиваясь обсуждением идей, политических проектов, представительными съездами, называемыми примиренческими, оно не сумело или не смогло составить силу, способную оказать влияние на внутреннюю и внешнюю политику европейских стран и на их отношения с Советским Союзом» [Ларюэль, 2004, с. 27]. В Харбине, правда, в 1930 г. предпринималась попытка создать «Дальневосточное объединение эмиграции» под руководством генерала Д.Л. Хорвата. Но после провозглашения Маньчжоу-го в марте 1932 г. жизнь русской диаспоры начали жестко регламентировать японские власти, а в 1933 г. и сам генерал Хорват оказался в опале (основным оружием его политического уничтожения, кстати сказать, была газетная травля). И тут в 1934 г. в Харбин приезжает Перих – художник и общественный деятель с мировым именем, с позитивными идеями и строительными планами. Идеи Периха, его проекты создания кооперативов как прототипов нового общинножития и хозяйствования могли сыграть роль точки бифуркации для разрозненной эмигрантской среды, обладающей громадным интеллектуальным и духовным потенциалом.

Поэтому и была развязана мощная информационная война, и Харбин стал центральным узлом в довольно взаимосвязанной системе мифов о Перихах, где одна теория оказывается прочно увязана с другой и может быть подана в том или ином контексте.

Н.К. Перих обратился за объяснениями по поводу клеветнической кампании в Министерство иностранных дел в Токио. От министерства пришел ответ: «Все происшедшее есть следствие полного невежества и непонимания сотрудников газет и враждующих групп русских эмигрантов в Харбине Вашей благородной миссии и работы... Имея такие донесения в руках, мы счастливы уверить Вас, что подобные инциденты не будут повторяться, и мы искренне надеемся, что Вы более не будете обеспокоены подобными происшествиями» [цит. по: Перих Н., 1995а, с. 640]. Надо иметь в виду, что на тот момент в Харбине действовала японская цензура, контролирующая печать. Если статьи увидели свет – значит они были ею одобрены. После официального ответа, опубликованного в местных газетах, ситуация, однако, не изменилась. Несмотря на протесты самого Периха и сотрудников культурных организаций в Париже и Нью-Йорке, клеветнические публикации продолжали появляться не только в русскоязычных газетах Харбина, но и в Тяньцзине и Пекине на протяжении всего 1935 года.

Когда газета «Наш Путь» вместе с «Харбинским Временем» начала публиковать эти статьи, руководитель русских фашистов А. Вонсяцкий в разговоре с Зинаидой Лихтман «определенно сказал, что вся кампень велась и теперь ведется лекторами¹; они заставили переменить тактику “Наш[его] П[ути]”, и это повело к тому, что он отнял тотчас же свою субсидию. Теперь эта газ[ета] субсидируется лектор[ами], которые и направили эту атаку. Господа Роздз[аевский] и комп[ания] являются теперь наемными людьми и должны делать все, что им указано» [Лихтман З.Г. Письмо Н.К. Периху от 14.01.1935. Архив Музея Николая Периха в Нью-Йорке]. Неудивительно, что в 1935 г. главный редактор фашистской газеты К.В. Родзаевский получил своеобразное повышение и был назначен руководителем информационного отдела Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи – организации, с помощью которой японские власти контролировали общественную жизнь русской диаспоры и, помимо всего прочего, готовили диверсантов для заброски на территорию СССР.

¹ Японией.

Японская цензура остановила распространение книги Н.К. Рериха «Священный дозор», составленной из статей, уже опубликованных в местных газетах и, соответственно, одобренных цензорами несколько месяцев назад. В то же самое время с одобрения цензуры вышла книга Василия Иванова «Православный мир и масонство» (Харбин, 1934), где развивается идея «жидомасонского заговора» и наряду с Рерихами к масонам причислены основные фигуры русского золотого и серебряного веков.

Н.К. Рерих предполагал, что кампания клеветы развивалась не только с полного согласия японских властей, но здесь не обошлось без влияний с севера: «...[Василий] Иванов связан с советскими кругами и потому старается оклеветать всех деятелей эмиграции, а в книге своей оклеветал всю Россию, начиная от императоров, Голенищева-Кутузова, Пушкина, всех ученых и пр.» [Рерих Н., 2015, с. 155]; «из достоверного источника иностранной полиции известно, что шанхайская младороссская газета (выступавшая против нас) издается на советские деньги» [там же, с. 180].

Размышляя над создавшейся ситуацией, Н.К. Рерих пришел к следующему выводу: «...сами же эти газеты подчеркивают, что русские эмиграционные группы признают меня своим духовным вождем. Иначе говоря, это значит, что кому-то политически необходимо добиться обратного. При этом мы видим три определенные группы:

1. Блок японских газет.
2. Фашисты, подражающие в человеконенавистничестве немецким.
3. Легитимисты, которым Кирилл раздает графские и разные придворные звания.

Вполне естественно, что две последние группировки (вообще немногочисленные) всегда будут нападать на все строительное. Немецкая свастика всегда будет далека от народных масс. <...> С другой стороны, [среди] так называемых легитимистов-кирилловцев замешались люди с явно преступным прошлым. <...> А вот когда перед нами встает поругание международного пакта со стороны яп[онских] газет, тогда следует обратить все внимание уже с точки зрения международного права. <...> Если мы предположим, что охранение культурных сокровищ не вместно большевикам, уже разрушившим столько памятников, то это будет вполне понятно. Но в таком случае мы должны бы были предположить наличиеность большевиков в составе яп[онских] газет и это было бы совершенно необъяснимо» [там же, с. 101].

Добавим, что к 1930-м годам советская контрразведка уже была достаточно профессиональной, поскольку еще в 1920-е годы ее агенты внедрялись в наиболее значимые эмигрантские движения, в том числе в евразийские круги [Ларюэль, 2004, с. 37]. Рерих, открыто выступивший в харбинской прессе с антисоветскими заявлениями, не мог не привлечь ее внимания. Вероятно, входить в состав японской газеты для советских агентов не было необходимости, достаточно было вовремя подкинуть нужным людям нужные сведения. Японским властям эта дезинформация тоже была на руку, поэтому цензура легко пропускала в печать материалы, направленные на подрыв авторитета Рериха.

Даже после подписания Пакта Рериха 15 апреля 1935 г. в харбинских газетах продолжались нападки на это важнейшее начинание, эволюционный смысл которого будет оценен в веках. Тем, кто не воспринимал многомерности символов в нашем материальном мире, в Знамени Мира мерецился масонский символ. Новое философско-этическое учение, принесенное Рерихами, рассматривалось как антитеза православию, тем более что православие в эмигрантской среде было уже не просто религией – оно играло роль своеобразного «заместителя» Родины для людей, навсегда оторванных от России.

23 июня 1935 г. отзвуки харбинских измышлений были переопубликованы журналистом Джоном Пауэллом в газете «Чикаго трибьюн». В его статье говорилось, что Маньчжурская экспедиция вызвала противодействие японских властей и монгольских князей, потому что Рерих якобы пригласил на службу русских казаков атамана Семенова, вооружив их американскими винтовками. В статье Джона Пауэлла нашли место не только отзвуки харбинской клеветы, но и наветы из писем американского ботаника Макмиллана в Департамент сельского хозяйства США. В этих письмах выплеснулись внутренние проблемы экспедиции, которые готовились заранее американскими госчиновниками. Как уже говорилось, Уоллес не определил достаточно четко служебные обязанности и субординацию всех членов экспедиции, и, воспользовавшись этим, начальник бюро растениеводства Департамента сельского хозяйства Н.А. Райерсон еще на подготовительном этапе поддержал сепаратистские настроения своего друга ботаника Макмиллана. В официальные инстанции в Токио и Маньчжурии летели письма об американских ботаниках, сопровождаемых Н.К. Рерихом и Ю.Н. Рерихом [Райерсон Н.А. Письмо генеральному консулу США в Токио от 5.05.1934. ОР МЦР. Ф.1. Оп. 4. Д. № 450].

В Харбине американцы издалека наблюдали за Перихами, их чрезвычайно раздражали общественная деятельность и публичные выступления Николая Константиновича. В Вашингтон, в Департамент сельского хозяйства, Н. Райерсону поступали донесения, отзвуки которых потом обнаружатся в американской прессе, где великого русского художника, мыслителя, ученого обвиняли в прояпонских настроениях, в связях с белоказаками атамана Семенова и т.д. Осведомленность журналистов об измышлениях Макмиллана Перих объяснял перлюстрацией всей корреспонденции в Харбине: «Не сомневаюсь в том, что пересылка пресловутой переписки негодяев сыграла определенную роль в этой истории» [цит. по: Дубаев, 2001, с. 538].

Притом что в статье Джона Пауэлла не было ни слова правды, она, судя по всему, имела международный резонанс, поскольку через два месяца военный атташе США в СССР майор Филипп Файмонвилл отправил письмо главе военного департамента США о том, что он не может подтвердить или опровергнуть версию советского военного атташе относительно экспедиции Периха. Согласно этой версии, Юрий Перих – бывший царский офицер и в штат экспедиции входят бандиты из шайки атамана Семенова. «Этот вооруженный отряд держит путь к Советскому Союзу, якобы как научная экспедиция, но в действительности как отряд, сформированный из белых элементов и недовольных монголов» [цит. по: Faymonville. 20.08.1935. National Archive in Washington, DC].

Между ставкой экспедиции и границами СССР пролегали обширные пустыни Внешней Монголии – более тысячи километров. И Уоллес был прекрасно осведомлен об этом, равно как и о том, что в штате экспедиции нет семеновцев. Тем не менее это письмо, пересланное ему из Госдепартамента, вероятно, стало «последней каплей» для Уоллеса, который к лету 1935 г. уже перестал считать Н.К. Периха своим духовным учителем и принял решение не противодействовать клевете.

Отзвуки запроса американского военного атташе в Москве прослеживались в переписке Департамента почти весь 1935 г., в частности, 25 сентября, практически сразу после отъезда Перихов из Китая, Департамент сельского хозяйства информировал руководство службы американской военной разведки G-2: «Эта экспедиция была послана в Центральную Азию исключительно для сбора засухоустойчивых трав. Однако мы получали многочисленные сведения о том, что они вовлечены в другую деятельность. Поэтому

начиная с 3 июля (через 10 дней после публикации статьи Дж. Пауэлла. – *O. L.*) мы предпринимали шаги, чтобы переместить их так быстро, как это практически возможно, из района потенциальных проблем, и в то же время дать им возможность собрать как можно больше различных типов засухоустойчивых растений, в которых мы заинтересованы. Экспедиция определенно завершена 21 сентября, и вы можете заверить майора Файмонвилла в посольстве, что страхи упомянутых в его письме людей сейчас совершенно беспочвенны» [Bressman. Letter to K. Bennett. NARA in Washington, DC].

Перих же по поводу обвинения в политической нелояльности писал Уоллесу следующее: «Газетные инсинуации от июня месяца по существу безосновательны и, должно быть, исходят из неосведомленного и недоброжелательного источника, сильно желающего затруднить и расстроить полевые работы экспедиции в разгар сезона сбора семян. Я настоятельно опровергаю наличие какой-либо политической деятельности с моей стороны или со стороны других членов экспедиции. В целом эта “надуманная история” нелепа и показывает абсолютное незнание фактов и местных условий. Мы заняты расследованием этого дела, и, похоже, его источник находится в Шанхае. Г-н Стил, аккредитованный пресс-корреспондент, посещавший Калган в начале июня, заявил в американской миссионерской службе, что мнения об экспедиции разделились и что много недоброжелательных слухов было扑щено двумя отзываными ботаниками, которые, по его словам, “оставили после себя вредоносный след”. Также мне известно, что многие из работников Консульства были настроены весьма предвзято и потому были склонны верить историям ботаников. Примечательно также, что местная пресса воздерживалась от участия в этом злословии и что большинство статей появилось в американских газетах (“Пекин-Тяньцзин таймс” перепечатала некоторые истории, но предусмотрительно опустила клеветнические пассажи)» [Перих Н., 2020, с. 203].

Харбинские публикации, кстати сказать, американское посольство присыпало в Департамент сельского хозяйства США, где их переводили на английский язык. На этот счет в феврале 1936 г. госсекретарь США К. Холл послал специальную телеграмму в посольство США в Пекине о том, чтобы из Пекина, Тяньцзина, Дайрана и Харбина были направлены все статьи, касающиеся экспедиции и лично Периха, начиная с 1934 г. [Hull. Telegramm. 05.02.1936 / NARA in Washington, DC].

Новый вал клеветы поднялся в январе 1936 г., после того как Департамент официально откrestился от экспедиции и пустил в печать формулу о шпионаже. «Министерство земледелия сегодня сообщило, что ввиду выдвинутых маньчжурским пр[авительст]вом против академика Н.К. Рериха обвинений в шпионаже, экспедиция, снаряженная под его руководством, распущена» [Маньчжоуго … , 1936], – писали газеты. Статьи под броскими заголовками появились одновременно во многих газетах и продолжали появляться еще не менее полугода [Рерих Н., 2022, с. 180].

Была сделана попытка дезавуировать и научные результаты экспедиции – в газетах появились статьи о том, что 20 упаковок с семенами обошлиСША в 36 тыс. долл. Причем эти публикации были основаны на официальном пресс-релизе Департамента сельского хозяйства от сентября 1935 г.: «Экспедиция Рериха провела полевой сезон 1934 г. в горах Хингана в Маньчжурии и этот текущий сезон на окраинах пустыни Гоби во внутренней Монголии. <…> Макмиллан и Стефенс прислали 98 упаковок с семенами, и в предыдущий сезон Рерихи собрали 20 упаковок. Объем сборов этого сезона экспедиции Рериха до сих пор неизвестен» [Two-year grass exploration ended; government now testing hundred of plants (Press release). 27.09.1935 / NARA in Washington, DC]. Рядом давались сведения о сборах экспедиции в Советский Туркестан, составивших более 2000 образцов.

Фрэнсис Грант, вспоминая об этих событиях в конце 1970-х годов, предлагает свое объяснение в контексте новейшей истории: «Как показали события во Вьетнаме, в международных отношениях существует сеть тайных сил. Их громадные и широко распространяющиеся “картели” подобно паучьим сетям окутали континенты и страны. Преданность их специальным целям, которые идут вразрез нациям и связаны с мировыми интригами и вероломством, разрушает преданность стране или принципам, были ли они промышленными, или конфессиональными (жестокими и яростными в регионах соперничества миссий), или идеологическими. Чаще всего остается в тени история этих манипуляторов, заключенных разрушителей лучших надежд людей, вдохновленных Богом. Но они существуют. И они не стесняются устраниять [этих людей] для своих целей» [Frances R. Grant Papers // Special Collections and University Archives, Rutgers University Libraries. Box. 14. Fail 82].

Сегодня мы можем добавить еще то, что, увы, сотрудники Рерихов по всему миру не смогли организовать достаточно мощного противодействия клеветнической кампании публикациями в

защиту имени Рериха. Более того, одной из линий «защиты» была выбрана дезинформация. Так, согласно заявлениям Мориса Лихтмана в чикагской газете, Рерих «натурализовался в Америке и поэтому во французском паспорте не нуждается. <...> Экспедиция направилась не на север от Калгана, а на юг, в направлении к пустыне Гоби...» [Японцы ..., 1935]. В.К. Рерих в харбинской газете писал: «Что же касается книги “Листы Сада Мори”, из которой приведены цитаты, то эта книга ни к самому Н.К. Рериху, ни к музею его имени, ни к издательству “Аллатас” никакого отношения не имеет...» [Русские ..., 1934].

И все эти утверждения защитников были далеки от истины. Рерихи, как неоднократно подчеркивали в переписке между собой американские официальные лица, не были гражданами США, после того как покинули Родину они не меняли гражданства и пользовались французскими (нансеновскими) паспортами, предоставляемыми беженцам и эмигрантам¹. Перед экспедицией (а именно 6 марта 1934 г.²) паспорта Николая Константиновича и Юрия Николаевича были обновлены при содействии Уоллеса, ходатайствовавшего перед французскими властями. Экспедиция, покинув Калган, направилась как раз на север, а не на юг, как сообщал корреспондентам газеты Морис Лихтман. И, хотя первые книги учения Живой Этики были изданы не «Аллатасом», вряд ли можно сказать, что Николай Константинович не имел к ним никакого отношения, поскольку книги были напечатаны в частной типографии самими Рерихами. Кроме того, именно в «Листы Сада Мории» вошли многие записи бесед с Великим Учителем, сделанные не только Еленой Ивановной, но и Николаем Константиновичем. Так что подобные заявления сотрудников работали только на руку черному пиару.

¹ Уже во второй половине XX в. Ю.Н. Рерих примет советское гражданство, С.Н. Рерих – индийское.

² Номера французских паспортов Н.К. и Ю.Н. Рерихов и дата их выдачи указаны в документах, выданных французским консульством в Харбине на право пребывания в Маньчжурии и Монголии. См.: [Шапошникова, 1998а, с. 500–501].

Кооперативное строительство

Кооператив не есть закрытое общежитие. Сотрудничество, основанное на законе природы, содержит в себе элемент беспредельности. Обмен труда и взаимопомощь не должны накладывать условных ограничений. Наоборот, кооператив открывает двери ко всем возможностям. При этом кооперативы связаны между собою, и таким образом трудовая сеть покроет весь мир. Никто не может предопределить, какие виды сотрудничества могут развиться. Учреждения, основанные кооперативами, могут быть разнообразными и покроют задания просвещения, промышленности и сельского хозяйства. Невозможно представить ни одной отрасли, которая бы не могла быть усовершенствована кооперативом. Нельзя запретить, если люди сойдутся для сотрудничества в совершенно новом сочетании. Кооператив есть оплот государства и рассадник общественности. Откуда придет общественное мнение? Откуда составится желание преуспеяния? Откуда одинокие труженики получат помощь? Конечно, сотрудничество научит и единению.

АУМ, §441

Параллельно с подготовкой экспедиции в Музее Николая Рериха разрабатывался план организации сельскохозяйственного кооператива в Маньчжурии с привлечением русских эмигрантов – как прототипа нового общинножития и хозяйствования.

Идея общины очень важна во всем творчестве Рерихов. В предыдущей Центрально-Азиатской экспедиции рукопись книги «Община», данная Великими Учителями, играла не последнюю роль. Она была привезена в Москву, но здесь она не была понята и принята, и Рерихи издали ее в Урге. Еще один вариант издания был сделан в Риге, но там из текста были изъяты имена Ленина и Маркса, которые в ургинской книге упоминались неоднократно в самом позитивном ключе. Как пишет Л.В. Шапошникова, это была книга-предупреждение, данная миру на переломном моменте, когда социалистическая страна еще могла повернуть в эволюционное русло, отвернуть от пути в пропасть тоталитаризма. Более того, община понималась в самом широком, космическом контексте как форма организации общества, наиболее отвечающая новому этапу духовного развития человечества. «В книге, созданной Махатмами, речь идет об общине как природном эволюционном процессе. Понятие это трактуется ими много шире и носит более глубокий философский характер, нежели просто социально-экономическое понятие. С этой точки зрения коммуна, по мысли Учителей, явля-

ется основой, в первую очередь, для духовного совершенствования человека и развития его свободного творческого труда» [Шапошникова, 1997, с. 29].

Не принятые сильными мира сего, эти идеи тем не менее могли для начала получить свое практическое развитие в отдельно взятом товариществе, объединенном высокими идеалами и созидательным трудом каждого дня. В 1920-е годы сотрудниками Музея Николая Рериха была создана корпорация «Белуха», чтобы «приложить свои силы к экономическому развитию и строительству Юго-Западного Алтая в сфере горнодобывающей промышленности и сельского хозяйства и связанной с ними деятельности» [Belukha corporation. 1924. Amherst Centre for Russian Culture. Roerich collection. Box 4]. Но договоренность с Советским правительством до конца не была достигнута, и, как позднее напишет Рерих, сами американцы не смогли найти финансирование для этого проекта.

Как бы ни пытались потом недруги извратить цели кооперативного строительства, в меморандуме Луиса Хорша, бывшего сотрудника и одного из самых ярых извратителей идей, эти проекты названы как «добывающая корпорация в Сибири и асBESTовые интересы в Монголии» [[Horch L.] Special Memo. Amherst Centre for Russian Culture. Roerich collection. Box 3, folder 1] – именно как бизнес-проекты.

В 1933–1934 гг. планы сельскохозяйственного кооператива составлял брат Н.К. Рериха – Владимир Константинович Рерих, агроном по специальности, живший в Харбине.

В архиве Музея Николая Рериха в Нью-Йорке и в бумагах Ф. Грант в Ратгерсе хранятся вполне конкретные бизнес-проекты – с подсчетом сумм, необходимых для первоначальных вложений и перспективной доходности от сельскохозяйственной деятельности кооператива. Замечателен наказ Н.К. Рериха правлению сельскохозяйственного кооператива «Алатырь», в котором виден широкий круг поставленных общественно-культурных задач, выходящих далеко за рамки достижения экономического благополучия:

«Надеюсь, что протекающая переписка по учреждению сельскохозяйственного кооператива “Алатырь” закончится успешно и его полезное учреждение осуществится, предоставляя работу и сотрудничество многим достойным поселенцам.

Подчеркиваю, что программа кооператива может быть выполнена в любом размере и пределы возможностей кооператива зависят как от руководящего управления, так и от энергичной самодеятельности его членов.

Само собой разумеется, что в основу кооператива будет положена величайшая хозяйственность и деловитость без всякого попустительства или небрежности интересов кооператива.

Также само собой разумеется, что кооператив оказывает содействие и помочь именно членам кооператива. Говорю это в предвидении, что могут возникнуть многие сторонние просьбы и предложения, которые могут вывести из равновесия и нарушить цельность смысла сотрудничества членов кооператива. Итак, сотрудническое содействие и сопомощь именно членам кооператива, которые несут на себе ответственность за благосостояние кооператива и потому прежде всего имеют право на содействие и помочь.

Кроме сельского хозяйства, кооператив естественно заботится о культурных преуспениях своих сочленов. Потому как строительство Православия, так и образовательные меры являются насущными заданиями кооператива. По поводу популярных национально-просветительских заданий мы имели беседы с В[севолодом] Н[иканоровичем] Ивановым, и в этом смысле он был бы весьма полезным сотрудником в кооперативе.

Надеюсь, что при развитии кооператива будет обращено внимание на лучшие современные формы хозяйства, которые будут разъяснены членам кооператива в форме, доступной и привлекательной для применения.

Во всяком случае, кооператив “Алатырь” должен явиться достойным показателем, насколько сельскохозяйственное сознание за эти годы преуспело и является одною из ближайших основ земного бытия.

Конечно, следует предположить, что полезное взаимное доброжелательство и доверие, трезвость, честность и трудолюбие будут истинным залогом преуспения кооператива.

Во всех делах имя Христово, представительность Преподобного Сергия Радонежского являлись прибежищем и оплотом. Так же и в этом деле да благословит благодатный воспитатель русского народного духа трудолюбие и взаимное доброжелательство членов кооператива “Алатырь”.

Да будет этот Кооператив истинным “Алатырем”, тем светлым драгоценным камнем, о котором заповедают былины и который, как камень краеугольный, поможет многим трудящимся сойтись в совместном преуспении» [цит. по: Дубаев, 2001, с. 500–510].

Жизнь в Харбине вносила некоторые корректизы в изначальные планы. В августе Н.К. Рерих, находясь в степях в окрестностях Хайлара, пишет американским сотрудникам о новом про-

екте в рамках предыдущих планов: «На этот Маслодельный Кооператив желательно было бы получить американских долларов 10–15 тысяч при 10–12% годовых на этот капитал, держание которого может быть возобновляемо ежегодно. Капитал этот нужен для оборота и усовершенствования дела, но, как видно из актива этих Кооперативов, может быть возвращен через год. Конечно, этот Маслодельный Кооператив является особым от хозяйственного плана уже имеющегося у Вас Сельхоз[яйственного] Кооператива, который теперь Вы можете пустить в ход» [Перих Н., 1998, с. 33].

Клеветническая кампания против Периха сделала эти планы неактуальными. Покидая Харбин, он с сожалением констатировал, что «кооператив окончен». Но вскоре в его письмах появляются свидетельства о новых возможностях: первоначальный проект сельскохозяйственного кооператива «Алатырь» в Маньчжурии в видоизмененном виде перенесен на территорию Внутренней Монголии, где проходил второй полевой сезон Маньчжурской экспедиции.

Идея этого проекта зародилась еще в Пекине. Состоялась ли в Пекине встреча с монгольским князем Де-ваном, письменные источники умалчивают. Упоминание о новых возможностях в дневнике Н.К. Периха впервые появляется 7 декабря 1934 г. Двумя днями позже в дневнике Ю.Н. Периха от 9 декабря 1934 г. читаем: «Знаменательный разговор с Э. Очировым» [Перих Ю., 2012а, с. 165]. Амбан-нойон Очиров тесно общался с Де-ваном и, вполне возможно, мог вести переговоры от его имени.

Второй проект кооператива в пустынях Азии был гениальным и в то же время рискованным предприятием – тем зерном, из которого мог произрасти Новый Мир. По воспоминаниям Фрэнсис Грант, «для монголов задуманное направление их объединения и конструктивной национальной жизни – то, которое могло сплотить до сих пор кочевые и угнетенные части их расы, – лежало в кооперативах. Предполагая успех, который кооперативы сулили в настоящем времени в регионах еще свободных от [влияния] китайского мира, они высказали Периху свои надежды и свое намерение начать это движение, которое может стать импульсом к их расширению. Эту убежденность, переданную Периху, тот в свою очередь передал Уоллесу» [Frances R. Grant Papers. Special Collections and University Archives, Rutgers University Libraries. Box. 14. Fail 82].

Н.К. Перих, горячо поддерживающий любые конструктивные строительные начинания современных ему политиков, писал: «Сейчас хочет строиться Монголия. Та самая Монголия, которая дала истории человечества столько потрясающих страниц, теперь

хочет мирно и культурно устраиваться» [Перих Н., 1995а, с. 533]. Именно на волне этого нового строительства и был задуман проект, в котором немаловажную роль играли руководители автономной Монголии. Энергичность принца Де дополнялась мудростью старого князя Юн-ванга. «Юн-Ванг, князь хошуна Дархан Бейле, является главою автономного правительства Внутренней Монголии <...> Князь очень духовный человек, друг Таши-Ламы. При упоминании о Шамбale его лицо принимает соответственно торжественное выражение» [там же, с. 545–546].

В дневниках и переписке Перихов возникло новое условное обозначение – «Канзас» (а также «Калифорния» в переписке Е.И. Перих), имеющее двоякое прочтение. За ними, если выражаться современным языком, стояла коммерческая тайна – кооператив, предполагаемый на земле Внутренней Монголии. Так же обозначалась в переписке Перихов и собственно Внутренняя Монголия.

Описание проекта кооператива варьировалось. Под минеральные богатства Внутренней Монголии планировался заем в 1,1 млн ам. долл. В этой хозяйственной структуре Периху отводилась роль главного советника. Параллельно развивалась идея «фонда сколаршипов¹» – кооперативного банка и фонда просвещения, как следовало из его названия. Н.К. Перих писал в своем дневнике: «В записи вчерашнего дня говорилось о Скул-Канзас. Не только надеюсь, но убежден, что предполагавшийся “Алатырь” состоится в более подходящем месте, но и радуемся этому. Может быть множество выполнений, начиная от общественного и государственного и до частного. Как по нынешним временам легче, так пусть и будет. Главное, чтобы творилось добро» [Перих Н., 2015, с. 107].

Точного описания нового проекта не было, современным исследователям приходится реконструировать эту идею по разрозненным письмам. Перих опасался излагать все в целостности из-за постоянной перлюстрации корреспонденции. И отсюда возникают многие домыслы.

Новой автономией очень интересовались японцы. Не развивая до поры свою экспансию на Восток, они тем не менее присыпали своих людей для переговоров, о чем свидетельствуют страницы дневника Н.К. Периха. Имелась также информация, что Внутренняя Монголия является «важным рынком сбыта для

¹ Scholarship (англ.) – стипендия, гуманитарное образование, поддержка гуманитарных наук.

тиг[ров]» [Грант Ф. Письмо Е.И. Рерих от 8.06.1935. ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 5-2. Д. № 209], который «тигры» (так в переписке обозначались Советы) будут ревностно охранять. О том же писала и Е.И. Рерих, деятельно участвовавшая в этом проекте своими советами:

«Нужно так торопиться, ибо много лап тянутся к сладкому пирогу! Два дня назад, размыслия о возможностях скол[аршипов и поддержке со стороны С[тефана]¹ и о тех деталях, которые хотят иметь люди, якобы заинтересованные, мне было сказано: “Нельзя мед оставлять открытым”. Многое сказано этою краткою формулою: и о срочности, и об опасности чрезмерного оповещения. Мы знаем природу акул, и приемы их всюду одинаковы. Все выведать и захватить. Если бы предполагаемое дело принадлежало одному лицу, многое было бы легче, но, будучи таким, как оно есть, узнав все подробности, так легко отставить кого-то и действовать самим. Это нужно иметь в виду» [Рерих Е., 2001, с. 137–138].

О поддержке президента Рузвельта Е.И. Рерих, уже более полугода находившаяся с ним в переписке, говорила не случайно. В ее письмах президенту прослеживается информация о будущем объединении Азии и связи этого процесса с начинающимся там культурным строительством: «Предвидится союз народов Азии, и объединение племен и народов будет происходить постепенно, там будет своя Федерация стран. Монголия, Китай и Калмыки составят противовес Японии, и в этом объединении народов нужна Ваша Добрая Воля, г-н Президент. Вы можете выразить Вашу волю во всем ее многообразии, и в этом направлении можно утвердить мысли. Потому пусть культурное строительство начинается в сердце Азии. Ничто не помешает Америке следовать Нашему Руководству. Пусть культурная корпорация растет, и мирное сотрудничество привлекает народы» [там же, с. 63]. Напомним, что целью предполагаемого во Внутренней Монголии кооператива, или «фонда сколаршипов», было *культурное* развитие депрессивного региона.

План создания кооператива во Внутренней Монголии и построение Новой Страны, в том понимании, в каком писала о ней Е.И. Рерих, – духовно преображенной России, – были связаны неведомыми, надмирными путями: «...Слышу о спешности и о том, что нужно сильнее написать в Ам[ерику] о скол[аршипах], и потому моя обязанность, как дятел, повторять о том, что скол[аршипы] есть основа всего благополучия страны. Также Указано, что “как

¹ Ф.Д. Рузвельт.

ручательство, нужно Нов[ую] Страну утвердить”. То есть за денежный вклад будет отвечать не только Калифорния], но и Н[овая] Стр[ана]. Думается, широкий ум поймет. Также знаю, что все сложится особым путем, ибо давно указаны пути необычные, и мы только что явились свидетелями такого чуда¹» [Перих Е., 2001, с. 218].

Проект кооператива во Внутренней Монголии должен был состояться при участии американского капитала. В дело активно включились Луис Хорш и Генри Уоллес и начали поиски людей с Уолл-стрит, которым перспектива таких вложений могла бы показаться интересной. Уоллес и сам вложил 4500 долл. в проект (но потом отозвал свои деньги). Кроме того, министр лично написал Генри Форду, но получил отказ. Судя по письмам Фрэнсис Грант к Е.И. Перих, изначально все надежды были на поклонницу творчества Н.К. Рериха Мэри Ромсей, известную меценатку, владеющую миллионами. Но как раз в декабре 1934 г. она умерла, не оправившись после падения с лошади. Двумя основными персонами, с которыми велись переговоры, были промышленник и изобретатель Винсент Бендиц и брат Мэри Ромсей, политик и бизнесмен Авенир Гарриман. Кроме того, этой идеей заинтересовался Chase National Bank, один из крупнейших банков того времени. Упоминаемые в письмах Грант люди владели крупными состояниями, но за полгода переписки особых сдвигов в деле не произошло. Всем требовались дополнительные сведения и прежде всего гарантии. Американцев интересовала и сама Внутренняя Монголия, состав и местоположение ее администрации, так как о столице недавно возникшей автономии ничего не было известно в США:

«На этой неделе наш друг был в Нью-Йорке, и я разговаривала с ним. Он продолжает свои усилия в этом направлении, но, как было телеграфировано Вам, он должен иметь следующую информацию, в настолько полных деталях, насколько это возможно.

1. Признано ли правительство Канзаса другим правительством – если так, то имеет ли это правительство дипломатическую миссию там и какие другие правительства имеют там представительства. Другими словами, каков точный статус Канзаса.

2. Является ли Канзас частью Алабамы². Если нет, то каковы его взаимоотношения с Алабамой и соседними государствами. Какова его государственная организация.

¹ Имеется в виду торжественное подписание Пакта Рериха в Белом доме 15 апреля 1935 г.

² Китай.

3. Имена глав Канзаса, описание их позиций – какова администрация в целом и т.п.

4. Каким был бы правовой статус Банка, предоставляющего ссуду, если бы он придал силу своим соглашениям? Если в четыре года не было бы возврата займа, каково было бы его положение? Получил бы он собственность и ценные бумаги? Как было бы гарантировано их получение?

5. Пожалуйста, дайте дополнительные детали относительно гарантов и обязательств, обещанных Канзасом. Вы дали нам их имена и суммы – но было бы необходимо иметь дополнительные детали, такие как: насколько они надежны, как они <...>¹ получения годового дохода от него и как он растет.

6. Какие суммы из займа были бы потрачены в Америке и на что. Это очень важный пункт, они хотят знать, какой процент был бы потрачен и, естественно, больший процент предпочтительнее. Кроме того, на что именно он будет потрачен – на сельскохозяйственные принадлежности, товары или другие вещи. Это необходимо знать.

7. Было бы население Канзаса заинтересовано в бартерном проекте – это возможность торговли их товарами и владениями в обмен на вещи здесь. Сообщите детали, были бы они готовы согласиться, что компанией, дающей заем, там должны быть учреждены фактории. Также предоставили бы они концессии, и если да, то концессии какого рода. Предоставили бы они привилегированные условия сбыта для компаний, дающей заем, если так, она должна иметь возможность продавать там товары на определенных правах продажи, на определенных привилегированных основаниях.

8. Имеют ли эти люди в обеспечение ответственности какое-либо накопление драгоценных камней или металлов, которые могли бы также повысить гарантии, или любые другие гарантии безопасности застрахованных ценностей.

9. Где именно располагается правительство – и сообщите как можно больше информации о правительстве, насколько это возможно» [Грант Ф. Письмо Е.И. Рерих от 04.04.1935. ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 5-2. Д. № 209].

Из дневника Н.К. Рериха следует, что в администрации будущего кооперативного предприятия предполагался действующий правитель Внутренней Монголии – князь Де-ван: «Возвращаюсь к

¹ Пропуск в тексте.

вопросу о Канзасе. Теперь уже имеете имя и портрет лица подписывающего. <...> Устроив стоянку, к вечеру поехали к князю Девану (в газетах он пишется «Тех», портрет его вы имеете). Дружественная беседа» [Перих Н., 2015, с. 278]. Деятельность этого проекта должна была протекать в границах «штата», ибо, отвечая на просьбу прислать «блю принты» (контурные карты) «Канзаса», Н.К. Перих недоумевает: «Должны ли эти так называемые блю принты представлять общеизвестную карту штата или что другое, понять никак невозможно» [там же, с. 205]. Соответственно, в планах кооперативного строительства ни о каком перекраивании существующих административных границ не могло быть и речи. Если учесть активные переговоры с Де-ваном, то становится понятным, что в вышеупомянутых строках имеется в виду подвластная ему Внутренняя Монголия, крупномасштабная карта которой была послана Перихами в Вашингтон. Упоминая о главном городе «штата», Н.К. Перих подразумевал Батухалку, где находилась ставка князя. Таким образом, достаточно подробно представлен частно-государственный хозяйственный проект, где «концесии возможны, гарантированы штатом» [Перих Н., 2015, с. 208].

В бумагах Фрэнсис Грант [Frances R. Grant Papers. Special Collections and University Archives, Rutgers University Libraries. Box 14. Folder 78] находим следующие финансовые детали, подчерпнутые из писем Ю.Н. Периха:

«Следующие озера (соленые) обеспечивают заем:

Алашань Джаронто-нур	M \$ 500 000
Ихе и Бага Шикир-нур в Ордоце	M \$ 300 000
Хара-Мангэ	M \$ 200 000 – 150 000
Ирене Дабасун-нур	M \$ 200 000 – 150 000
Шон-хор Дабасун-нур	M \$ 200 000».

Но сама Грант находилась в затруднении по поводу этих сведений: «Я не знаю их месторасположения и, так как я не могу найти их на карте, я не уверена в их точных названиях, и Юрий не дал их географических координат. Мы также не знаем – этот доход от налогов, от продажи соли, и как этот доход обеспечивается и как он гарантируется» [Грант Ф. Письмо Е.И. Перих от 5.04.1935 // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 5-2. Д. № 209].

Когда пришли дополнительные сведения от Н.К. Периха, оказалось, что американские миллионеры, с которыми вели переговоры Уоллес и Хорш, запросив подробности, скорее всего, просто придумали себе удобную отговорку. Как сообщала З. Лихтман, «“местные условия” этой группе прекрасно были известны, но они

не нашли их достаточно привлекательными для себя» [Лихтман З.Г. Письмо Н.К. Рериху от 08.03.1935. Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке].

Когда стало очевидным, что такой крупный заем никто давать не торопится, начали обсуждаться планы создания корпорации или синдиката с долевым участием в 100 тыс. долл., также рассматривался вариант займа через Экспорт-импорт-банк. При этом все участники переговоров утверждали, что для крупного займа за границу необходимо личное разрешение президента Рузвельта, но Уоллес пока не решался с ним говорить об этом напрямую. И Е.И. Рерих тоже не рекомендовала поспешность в прямом разговоре с президентом США на эту тему.

Уоллес пообщался также с неким бизнесменом, «чьи офисы в Нью-Йорке и по всему миру» [Грант Ф. Письмо Е.И. Рерих от 9.05.1935. ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 5-2. Д. № 209], и узнал, что Внутренняя Монголия уже год назад (вероятно, сразу после того как была установлена ее автономия в апреле 1934 г.) запрашивала заем от 5 млн до 12 млн долл., но ей было отказано.

Ожидавший положительных вестей из США Н.К. Рерих оказался в затруднительном положении – местные князья «ему говорят, что откроют свои торговые книги, если он удостоверит, что решение ньюйоркцев вполне благоприятно, и открытие торговых книг есть лишь процедура к завершению. С другой стороны, ньюйоркцы сообщают ему, что могут начать рассмотрение, когда торговые книги будут открыты» [Рерих Н., 2015, с. 235].

Монголы в эти полгода тоже времени не теряли. Надеясь на американский капитал, они тем не менее пытались найти какие-то варианты более близкого и более выгодного политического союзничества. Русскоязычная газета «Возрождение» писала: «Маньчжурское правительство опубликовало официальное сообщение об отношениях ко Внутренней Монголии. В сообщении говорится, что за последнее время поступил ряд ходатайств о присоединении Внутренней Монголии к Маньчжурии. В Долонноре группа монгольских князей обратилась с просьбой к маньчжурским властям о разрешении передать маньчжурскому императору в Синкинге петиции о воссоединении Монголии с Маньчжурией. Власти разрешили монгольским князьям проехать в Синкинг» [Монголия ..., 1935].

Наконец, Уоллес переговорил с Рузвельтом и рапортовал, что «Мюррей не может дать денег, хотя симпатизирует сколаршам. Дело должно быть основано на сугубо деловой основе, разумный план должен быть представлен, также нужны названия

ответственных госструктур там...» [Телеграмма Л.Хорша Е.И. Рерих от 9.06.1935. ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 5-2. Д. № 412]. Эту фразу, «стрicktli бизнес базис»¹, Е.И. Рерих не раз потом будет цитировать в своих письмах, полагая, что американским сотрудникам в общении с представителями американского капитала не хватило не столько делового плана, сколько *силы убеждения*. Об этом были и все предыдущие письма Елены Ивановны, касающиеся кооператива. Вдохновленная ими, Зинаида Лихтман «положила немало труда на уверениях наших, что в таких делах необходимо действовать иными путями и убеждениями, нежели только фактами и цифрами. Там, где предвидится огромное строительство, там нужно иметь веру в большие горизонты в будущее, иначе говоря, нужны для этого люди “уси вижен”², и таких людей именно необходимо привлечь. Мне казалось, что друг мог нашупать таких людей, но и он сам должен был зажечься верою в это огромное дело, больше того, он должен был ручаться за него, говоря, что сам участвует в нем. Опять-таки, для этого он должен был быть зажженным сам. Стремиться же найти только “бизнес мен” мне не казалось очень правильным» [Лихтман З.Г. Письмо Н.К. Рериху от 18.05.1935. Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке].

Но ключевыми фигурами в этом вопросе были не З. Лихтман и не Ф. Грант, а Уоллес и Хорш...

Члены правления Музея Рериха и комитета Пакта Рериха Луис Хорш, его жена Нетти и Эстер Лихтман, мало интересовавшиеся Уоллесом, пока он был просто фермером, после его назначения министром всячески старались завязать с ним личные отношения. И это им удалось. В 1935 г. они смогли отодвинуть на второй план Фрэнсис Грант в делах Пакта Рериха и экспедиции и начали утверждать везде и во всем свой личный приоритет. И это закончилось полным крахом для многих начинаний, прежде всего для кооператива во Внутренней Монголии.

Эстер Лихтман была одной из ближайших сотрудниц Рерихов, но в какой-то момент ей, служившей до приезда в США губернанткой в Швейцарии, захотелось большего – стать главной во всех делах. Е.И. Рерих так писала об этом ее демарше 1935 г.: «Самоутверждение этой особы может пагубно отразиться на делах. Очень уж хочется ей усесться на неподобающее ей место и

¹ Strictly business basis (англ.) – сугубо деловая основа.

² With vision (англ.) – с видением.

всюду, где только возможно, намекнуть и выдать себя за непосредственное звено с Первоисточником» [Перих Е., 2003, с. 299].

Изначально доверие Е.И. Перих к Хоршам и Эстер было так велико, что именно им она поручила передавать ее конфиденциальные письма президенту Рузвельту, в которых писала о судьбах современного мира. Эти письма передавались лично, из рук в руки. Хотя по письмам Е.И. Перих отчетливо видно, что связь была двусторонней, известные на сегодняшний день документы свидетельствуют, что Рузвельт, в отличие от Уоллеса, не написал Перихам ни строчки. Президент читал письма, задавал вопросы, получал на них ответы, а Луис Хорш потом направлял Е.И. Перих подробный отчет о визитах и вопросы президента, на которые сам не смог ответить. Эта и была обратная связь. Имя Рузвельта, естественно, было в отчетах зашифровано.

Так продолжалось около полугода (в архиве Библиотеки Рузвельта в его имении в Гайд-парке хранится шесть писем Е.И. Перих). Одно из писем к Рузвельту Эстер решила дописать – так к нему добавился абзац о значении серебра в мировой экономике, – совет, несомненно, полезный бизнесмену Хоршу. Елену Ивановну возмутило такое самовольство, а Хорши, «обиженные» на ее суровые слова и вдохновляемые Эстер, посчитали, что прочные и доверительные контакты с Рузвельтом и Уоллесом – гарант их будущего финансового успеха, и Перихи им больше не нужны. В итоге люди, которые были связующим звеном между Перихами и самыми значительными персонами в США, решили порвать эту связь и предать своих духовных наставников. А Уоллес и Рузвельт, во-первых, в силу своего положения не имели возможности сноситься с Перихами напрямую, во-вторых, вполне доверяли тем, с кем они тесно общались достаточно продолжительное время. Кроме того, ходили слухи, что Уоллеса и Хорша связывали еще некие финансовые дела.

Можно представить, какой поток наговоров лился в уши президента и министра в тот период, когда Хорши и Э. Лихтман («трио», как их называли Перихи) только начинали осуществлять свой план, если и спустя семь лет после разрыва с Перихами Эстер всегда находила повод сказать гадость в адрес Николая Константиновича. В частности, в своих письмах президенту 1942 и 1943 гг. она как бы между делом, но достаточно назойливо повторяет измышления газетных статей 1935 г. и приписывает Периху чаяния о том, что «Япония захватит Сибирь, и он будет сделан “белым царем”» [Лихтман Э. Письмо Ф.Д. Рузвельту от 29.04.1942. Копии из

архива Рузвельта // Frances R. Grant Papers. Special Collections and University Archives, Rutgers University Libraries. Box 15, folder 25], или сообщает: «Я также прилагаю вырезку из японской газеты [1934 г.], которая может заинтересовать вас. Работающий во имя искусства и образования Перих отправился повидать военачальника, военного министра» [Лихтман Э. Письмо Ф.Д. Рузвельту от 04.03.1943. Копии из архива Рузвельта // Frances R. Grant Papers. Special Collections and University Archives, Rutgers University Libraries. Box 15, folder 25].

Такая массированная информационная атака не могла не привести к ожидаемому результату. И когда спустя полгода после искасжения письма Е.И. Перих к Рузвельту по другим каналам пришло ее подлинное письмо, где она подробно описывает ситуацию и коварство своих бывших сотрудников, президент не обратил на него внимания и продолжил общение с «трио». Им был предоставлен карт-бланш на визиты в Белый дом, об этом свидетельствует распоряжение от 23 августа 1940 г.: «Когда Луис Хорш или Эстер Лихтман позвонят вам, президент согласен видеть их» [Memorandum for General Watson. 23.08.1940. Копии из архива Рузвельта // Frances R. Grant Papers. Special Collections and University Archives, Rutgers University Libraries. Box 15, folder 21]. Похоже, что «трио» оказывало влияние на американского президента вплоть до его кончины.

Уоллес со своей стороны сделал все, чтобы дискредитировать имя Периха в международном масштабе. Он и Л. Хорш пытались изъять имя инициатора Пакта Периха из названия документа, но, к счастью, это уже было невозможно после его подписания и ратификации. Уоллес разослал письма в страны Латинской Америки, пытаясь дезавуировать создателя Пакта. В американские посольства в Японии и Китае он направил письма о том, что Перих, кажется, «сделал неправомерные заявления на политические и другие темы. Говорилось, что он сделала несанкционированные заявления японским властям, включая его превосходительство военного министра генерала Сенджуро Хаяши» [Уоллес Г. Письмо Дж. Грю от 21.10.1935. ОР МЦР. Ф.1. Оп. 4. Д. № 377. Л. 7]. Князю Де-вану он тоже направил письмо, в котором сообщал, что Перих «не был уполномочен представлять любую другую миссию [кроме сбора трав]. Любые утверждения, которые он сделал касательно политических, экономических или финансовых вопросов, были сделаны им исключительно под его собственную ответственность и не имели основания

или полномочий от правительства» [Уоллес Г. Письмо Де-вану от 24.10.1935. ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 4. Д. № 377. Л. 10].

Дальнейший ход исторических событий не оставил выбора князю Де-вану. В 1937 г. после продвижения японских войск на запад на территории центральной части Внутренней Монголии было провозглашено марионеточное государство Мэнцзян. Японцы сразу начали здесь добычу угля, что принесло выгоду не только им, но и стимулировало экономический рост страны, продолжавшийся вплоть до прихода советских войск на Дальний Восток.

Вернувшись в Гималаи, Н.К. Рерих писал сотрудникам письма, в которых немалое место отводилось осмыслению событий лета 1935 г.

«...По счастью, все Вы знаете мои каждодневные дневники, в которых запечатлены мои мысли и деятельность. Что же в них вредного или неожиданного? Кооперативы предполагались на земле Канз[аса] и в том и в другом случае, а участие русских тоже допускалось и в том и в другом случае, значит, и в этом случае никакого изменения не было. Если бы только узнать, на каком основании говорится, что в разных странах говорилось различное, как сообщалось в Ваших письмах...» [Рерих Н., 2020, с. 255].

«...Так же точно нечего скрывать и о сельскохозяйственном кооперативе, который предполагался. Такое благое начинание не имеет ничего общего с политикой, всегда было бы полезно обеим сторонам, как стране устраивающей, так и той, в которой такое полезное учреждение образуется. Ничего секретного в этих добрых предположениях не было. Тем более, что сам секретарь Агркультуры давал свои деньги для начала такого кооператива и обращался ко многим видным лицам в Америке об их участии в этом деле. Такое широкое оповещение не может быть тайною, да кроме того, и само существование образовательного и хозяйственного учреждения не содержит в себе ничего секретного...» [Рерих Н.К. Письмо З.Г. Лихтман от 30.01.36 // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 5-1. Д. № 161].

«...Ведь когда были вытребованы неожиданно деньги, данные Уолл[есом] на кооператив, тогда для нас произошел значительный ущерб, ибо пришлось принять на свой счет и стоимость всех телеграмм, специальных поездок, подарков, которые, как вы знаете, по местным условиям не могут быть ничтожными. Ведь для переговоров некоторые местные князья приезжали и даже оставались на месте целый месяц. Какое прекрасное культурное дело, уже совсем готовое с нашей стороны, было сорвано злоумышленниками. Когда-нибудь Вы увидите, как прекрасно все уже

оформилось. Так же точно злоумышленники стараются разогнать и всех друзей и наклеветать везде, где можно, не щадя и достоинства своей страны...» [Перих Н.К. Письмо З.Г. Лихтман от 30.01.36 // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 5-1. Д. № 161].

«...Если бы бывший друг [Г.Уоллес] хотел объяснить сельско-хозяйственн[ый] кооператив как политику, то каким же образом он сам в нем хотел участвовать и внес 4500 ам. долл. на начало кооператива? Пусть и об этом адвокаты знают, ибо идея культурно-экономических кооперативов всегда была в нашей программе, чтобы все культурные дела не рассчитывали только на пожертвования, но были бы самодеятельными и самооплачивающимися. Ведь и здание Музея предполагалось на том же кооперативном основании, и лишь amer[иканский] кризис [19]30 года подорвал эту программу. Вот и в Риге сейчас сложился издат[ельский]кооператив, проектируется и другой. <...> Ведь и Бел[уха] и Ур[усвати], все предполагались как кооперативы для широкого культурно-экономического преуспеяния...» [Перих Н., 2022, с. 175].

Идея кооператива не была оставлена сразу после возвращения в Кулу, еще теплилась надежда. В конце 1935 г. Н.К. Перих напишет: «Хотели также послать прекраснейший текст приглашения в Канзас, но пока отложили» [Перих Н., 2020, с. 302]. Николай Константинович писал и о новых прекрасных предложениях по этому поводу. Но, видимо, и к этому проекту оказалась приложима печальная формула, высказанная Перихом тремя годами позже, когда пришлось заморозить деятельность Института «Урусвати»: «Все есть, а денег нет» [Перих Н., 1993, с. 77].

* * *

По определению Л.В. Шапошниковой, Н.К. Периху был свойственен своеобразный «метод вех», которыми он «так неожиданно метил Время и Пространство» [Шапошникова, 1998, с. 20]. Маньчжурская экспедиция была одной из важных вех на его пути, но далеко не последней.

Сегодня дневник Н.К. Периха остается одним из ярчайших документов той эпохи, когда до начала великой войны оставалось всего несколько лет. И во многих событиях, в нагнетении напряжения, в том, насколько неуязвимой и насколько беспардонной становится власть одной из будущих фашистских держав – Японии. Стремительно сдает свои позиции культура русской эмиграции – Николай Константинович документирует вести, приходящие из Харбина, о том, что дышать там уже становится невозможно.

Война сметет и уравняет всех – властителей и гонимых. Многих из упомянутых в дневнике русских, японских, китайских, монгольских деятелей ждет одна и та же судьба после того, как по пустыням Азии победоносно пройдет советская армия – арест, расстрел. Тех, кого не арестовали Советы, арестуют потом маоисты, с тем же результатом. Спасутся немногие – кто решится и успеет бежать за океан. Колесо истории совершил свой поворот, и, читая страницы дневника 1935 г., невольно задумываешься: были ли у мира шансы на иной исход событий?

История не признает сослагательного наклонения, но все же можно предположить, какие возможности открывались для США, если бы они не только подписали, но и реализовали в своей внутренней и внешней политике Пакт Рериха. Никто не говорит о том, какие финансовые и политические перспективы сулило вливание американского капитала в автономную Внутреннюю Монголию. Историю периховских проектов кооперативов в Азии можно назвать историей упущенных возможностей – как для Азии и США, так и для мира.

Предательство в Америке практически парализовало Постоянный комитет Пакта Рериха, и после писем Уоллеса, разосланных им из-за разрыва с Рерихами во все латиноамериканские представительства, этот документ уже вряд ли мог получить широкое распространение на межгосударственном уровне. Тем не менее еще в июне 1935 г. Пакт был ратифицирован сенатом США и, соответственно, остался для Штатов, как и для других государств, его ратифицировавших, действующим международным законом. Продолжалась работа и на общественном уровне, в нее по-прежнему были вовлечены выдающиеся общественные и культурные деятели того времени. Как мы знаем, несметное множество культурных сокровищ в Европе впоследствии пострадало во время Второй мировой войны. После войны идеи о сохранении культурного наследия вновь заинтересовали международную общественность. В 1948 г. к Пакту Рериха присоединилась Индия. В 1950 г. вся документация по Пакту была передана в ЮНЕСКО, и этот документ лег в основу Межправительственной конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, подписанной в Гааге в 1954 г.

И проекты кооперативного строительства, и культурного возрождения Азии тоже не пропали даром, хотя тогда, в 1935 г., подходящий исторический момент был упущен, «двери открыты, но не смогли войти». Магниты, заложенные мыслью Елены Ива-

новны и Николая Константиновича, продолжают действовать. Сегодня история делает новый виток, на мировой арене роль Азии становится беспрецедентной, уже не только Россия, но и Китай выступает равнобалансом Америки. Азиатские страны стремятся к объединению, и, возможно, федерация стран, о которой писала Е.И. Рерих Рузвельт, в скором времени все же будет образована.

В 1935 г., завершив экспедицию, Н.К. Рерих остался в Индии до конца своих дней. Пора путешествий закончилась, начался период сосредоточенного и углубленного творчества. В Гималаях Мастер пишет сияющие новыми сочетаниями красок сюжетные полотна, письма во все концы света, литературные очерки, собранные впоследствии как «Листы дневника».

ВЕХИ НАУКИ БУДУЩЕГО¹

Ученый и организатор науки

Если мы говорим, что наука и искусство – для всей жизни, то и вся жизнь в высоком ее качестве будет для науки, для творчества, для красоты, для всего Наивысшего.

Н.К. Перих. Школы

Николай Константинович Перих известен не только как великий художник, мыслитель, общественный деятель, но и как ученый и организатор науки. Собственно научные статьи и книги в их обычном понимании он писал только в юности, когда занимался археологическими раскопками [Лазаревич, Молодин, Лабецкий, 2002]. Он также читал лекции в Санкт-Петербургском археологическом институте в 1898/1899 г.

Позже круг его научных интересов расширялся и выходил за рамки академических штудий. «Значение Н.К. Периха как ученого нельзя определять исходя только из тех научных дисциплин, в которых он непосредственно вел научную работу. Перих был также и замечательным организатором науки, ее идеологом, активно боровшимся за то, по его словам, «руководящее знание», которое содействовало бы воцарению справедливости на всем земном шаре» [Беликов, Шапошникова, 1998, с. 26].

В многочисленных очерках он наметил довольно широкий круг вопросов философии культуры и теории научного знания: «Наука, если она хочет быть обновленной, должна быть прежде всего неограниченной и тем самым – бесстрашной. Всякое условное ограничение уже будет свидетельством убожества, а тем самым станет непреоборимым препятствием на пути достижения. <...>

¹ Использованы статьи [Лавренова, 2007; Лавренова, 2010].

Именно свободная, неограниченная наука опять открывает человечеству многие, давно забытые полезные находки. Фольклор снова идет рука об руку с нахождениями археологии. Песня и предание подкрепляют пути истории. Фармакопеи древних народов опять оживают в руках пытливого молодого ученого. Никто не скажет, что всякая древняя фармакопея может быть дословно переменена. Ведь многие иероглифы написаний условно символичны. Само значение многих выражений затерялось и изменилось в веках. Но опытность тысячелетий тем не менее дает неограниченное поле для полезных изысканий. Так многое забытое должно быть вновь открыто и благожелательно истолковано языком современности» [Перих Н., 1995б, с. 64]. Как живописец он дополнял научное понимание емкими визуальными образами, где сочетались символизм и реализм, основанный на исторических и археологических знаниях. Советский и российский археолог-востоковед, антрополог В.Е. Ларичев писал, что именно Перих наиболее близок ему по духу в восприятии и описании каменного века, именно его он видит как своего собеседника, в его произведениях черпает вдохновение: «Н.К. Перих особенно трепетно относился к эпохе “детства человечества”. Обращаясь к изделиям из камня и древнейшим образцам искусства, он стремился познать глубинные истоки общечеловеческой материальной и духовной культуры. Археология глубокой первобытности будоражила и без того сказочные по мощи и красочности воображение и фантазию художника, питала мудрые, часто веющие раздумья о человечестве, о тонкостях духовного мира первобытных людей, об удивительном единстве их творческих устремлений» [Лазаревич, Молодин, Лабецкий, 2002].

И в то же время Н.К. Перих оставался практиком – после археологических изысканий рубежа XIX–XX вв. он вел исследовательскую работу в области археологии, теории и истории культуры в трех экспедициях – экспедиции «По старине» (по древнерусским городам), Центрально-Азиатской и Маньчжурской экспедициях. Первая экспедиция состоялась в 1903–1904 г. За эти два года была создана обширная серия картин, запечатлевших памятники архитектуры, истории и культуры.

От археологических изысканий в России, после знакомства с коллекцией востоковеда и археолога В.В. Голубева в Париже в 1913 г. родилась идея экспедиции в Индию для поиска общих истоков славянской и индийской культур [Шапошникова, 1999, с. 125]. «Обычаи, погребальные “холмы” с оградами, орудия быта, строительство, подробности головных уборов и одежды, все

памятники стенописи, наконец, корни речи – все это так близко нашим истокам. Во всем чувствовалось единство начала пути. Ясно, если нам углубляться в наши основы, то действительное изучение Индии даст единственный материал» [Перих Н., 1974, с. 319].

Эта мысль о единстве корней Индии и России, о тесных исторических связях народов Евразии будет развиваться и крепнуть в творчестве Н.К. Периха и приведет его к организации грандиозной Центрально-Азиатской экспедиции, маршрут которой прошел по пяти странам: Индия, Китай, Россия, Монголия, Тибет. В ней приняли участие также жена Николая Константиновича Е.И. Перих и старший сын Перихов – Юрий Николаевич, несмотря на свою молодость уже сформировавшийся ученый-востоковед, знаящий к тому времени около двадцати языков и диалектов. «Кроме художественных задач, в нашей экспедиции мы имели в виду ознакомиться с положением памятников древностей Центральной Азии, наблюдать современное состояние религии, обычая и отметить следы великого переселения народов» [Перих Н., 1979, с. 100].

Материал, собранный во время Центрально-Азиатской экспедиции, был огромен и требовал глубокого научного осмысливания. «...Осознание значимости пространства Центральной Азии и необходимости постоянного и последовательного его изучения <...> привело к созданию Института Гималайских исследований», – писал Ю.Н. Перих [Перих Ю., 1998, с. 71].

Описывая свою жизнь в Санкт-Петербурге, Н.К. Перих вспоминал: «После университета у меня в мастерской в Поварском переулке собирался очень ценный кружок – Лосский¹, Метальников, Алексеев², Тарасов³... Бывали хорошие беседы, и до сих пор живет связь с Лосским и Метальниковым» [Перих Н., 1995б, с. 106]. Многие молодые ученые из перечисленного круга впоследствии стали корифеями науки, а Н.К. Перих стал одним из первых организаторов

¹ Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965) – русский философ, один из крупнейших представителей интуитивизма и персонализма. В 1922 г. вместе с другими известными учеными и общественными деятелями был выслан из Советской России. Преподавал в Праге, Братиславе, Нью-Йорке.

² Константин Сергеевич Станиславский (Алексеев) (1863–1938) – театральный режиссер и теоретик, крупнейший реформатор русского театра. В 1898 г. вместе с В.И. Немировичем-Данченко основал Московский художественный театр.

³ Николай Григорьевич Тарасов (р. 1866) – историк-методист. Один из редакторов издания «Картины по истории русской культуры» (М., [1908–1913]).

науки своего времени, кто не только задумался, но и постарался воплотить в жизнь принцип междисциплинарного научного учреждения.

В мыслях о новой, одухотворенной науке Е.И. и Н.К. Рерихами 24 июля 1928 г., практически сразу после возвращения из грандиозной Центрально-Азиатской экспедиции, в Дарджилинге был создан Институт гималайских исследований «Уруสวати». Н.К. Рерих стал его Президентом-основателем. Почетным Президентом-основателем института стала также Елена Ивановна Рерих, вдохновительница многих грандиозных проектов, осуществленных ее мужем и сыновьями. В ее честь Институт и получил название «Уруสวати» – в переводе с санскрита «Свет Утренней Звезды» – так называли Елену Ивановну ее мудрые духовные наставники. Директором был назначен 26-летний Юрий Николаевич Рерих, который к тому времени получил заслуженное всемирное признание как маститый ученый, исследователь Центральной Азии, ее культуры, археологического наследия, языков (он знал более 30 европейских и восточных языков и диалектов). Деятельность «Уруสวати» велась в основном в области археологии, ботаники, этнолингвистических исследований.

В декабре 1928 г. Рерихи поселились в одной из долин Западных Гималаев – долине Кулу, «Серебряной долине», «долине 360 богов», чрезвычайно богатой духовным и культурным (в том числе и археологическим) наследием. Здесь, по преданию, жил Риши Вьяса, легендарный автор индийского эпоса «Махабхарата», и многие другие святые и подвижники. Сюда же был переведен из Дарджилинга и Институт «Уруสวати», в первый же год в нем было создано два отдела – отдел археологии, родственных наук (*related sciences*) и искусств и отдел естественных наук и прикладных исследований, а также научно-исследовательская библиотека и дом-музей коллекций института [Назаров, 2005, с. 59].

«Институт не походил на другие подобные учреждения. Он как бы опережал свое время. В его структуре и работе нашло отражение предвидение, которым отличался Николай Константинович. Многие потом придут к тем же мыслям и идеям. Эти идеи и мысли будут отвечать основным тенденциям в развитии мировой науки, но немедленного признания не получат» [Шапошникова, 1998а, с. 484]. Передовой для того времени комплексный подход к исследованиям стал визитной карточкой института, а дистанционный метод организации научных проектов, зародившийся тогда, в эпоху бумажной переписки и документации, полноценно войдет в жизнь только в XXI в., в цифровую эпоху.

Николай Константинович принимал непосредственное участие в деятельности Института «Уруสวати» и пристально следил за достижениями передовых ученых по всему миру. «...Мы радуемся каждому достижению, будет ли это в области искусства или науки. Мы глубоко интересуемся передачею мысли на расстояние и всем сопряженным с энергией мысли. Об этом уже давно были беседы с покойным Бехтеревым¹, с Рейном², с Метальниковым³. Область мозга и сердца, так выдвинутая сейчас учеными всего мира, не может быть названа дымчатым словом “мистицизм”, но есть самое реальное научное познавание. Для невежд, вероятно, любое научное открытие есть мистицизм и сверхъестественность. Но тогда и Кэррель⁴, Крукс⁵, Оливер Лодж⁶, Пипин и все реальные ученые будут тоже мистиками» [Перих Н., 1996, с. 605].

Имя Периха и поставленные перед Институтом задачи привлекали многих видных ученых того времени. С одним из наиболее известных индийских исследователей – биологом Джагадисом Чандра Босом сотрудничество завязалось еще в 1923 г., когда Перихи навестили его институт в Калькутте. С Институтом сотрудничали лучшие деятели науки Востока – поэт и мыслитель Рабиндранат Тагор, профессор Дарджилингского университета лама Лобзанг Мингиор Дордже, махапандит Рахула Санкритияна, лама Чомпел Дордже, ботаник Султан Ахмед, проф. Кастьяп, лама Лобзанг Цондю, лама Дава Тензинг, член Нанкинской академии ботаник д-р Кенг, японский ученый Ицузо Такеучи. В числе светил американской и европейской науки, принявших участие в судьбе Института «Уруสวати», были лауреаты Нобелевской премии физики А. Эйнштейн, Р. Милликан, Л. Бройль, путешественник Свен Гедин, президент Археологического института в Америке

¹ Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927), русский психиатр, невропатолог.

² Рейн Федор Александрович (1866–1925), хирург, работал в первой городской клинической больнице им. Н.И. Пирогова и других московских больницах, приобрел славу «символа живой жертвенной любви к ближнему», русского немца с всечеловеческой душой, автор многократно переиздававшегося «Краткого руководства по общей хирургии».

³ Метальников Сергей Иванович (1870–1940), биолог, иммунолог и эволюционист.

⁴ Алексис Кэррель (1879–1939), хирург, психофизиолог.

⁵ Уильям Крукс (1832–1919), английский физик и химик.

⁶ Оливер Джозеф Лодж (1851–1940), британский физик, исследователь электромагнитных волн, изобрел принцип радиопередачи до Попова и Маркони, исследовал психические феномены.

Р. Магоффин, профессор Института Пастера биолог С.И. Метальников и медик д-р К.К. Лозина-Лозинский (Париж), профессор Гарвардского университета Чарльз Ланман и многие другие. Было налажено сотрудничество с известным русским биологом Н.И. Вавиловым, которое прервалось после его ареста.

Переписка с учеными

Агни Йога, в полном согласии с новыми проблемами науки, намечает знаки изучения стихий и тончайших энергий. То, что недавно обще называлось учением воли и сосредоточения, то Агни Йога вправляет в целую систему овладения окружающими нас энергиями. Через расширение сознания и упражнение организма среди условий современной жизни эта синтетическая Йога строит счастливое будущее человечества. Она говорит: не уходите от жизни, развивайте способности вашего аппарата и поймите великое значение психической энергии – человеческой мысли и сознания, как величайших творящих факторов.

Н.К. Рерих. Сердце Азии

Как организатор науки Николай Константинович лично переписывался со многими видными учеными, общественными и культурными деятелями, связанными с Институтом «Уруสวати» и работающими на ниве науки и культуры вне программ Института. Его сердечная энергия была вложена в десятки писем, несущих новые мысли передовым представителям человечества XX в.

Николай Константинович пристально следил за новыми научными находлениями, не забывая их отмечать в своих «Записных Листах» – очерках и эссе, которые будут позже опубликованы в трехтомном сборнике как «Листы дневника». Надо отметить, что многие из этих очерков были опубликованы в 1930-е годы в индийской и американской прессе, тем самым Рерих выступал и как популяризатор науки.

С большим уважением он писал об исследованиях индийского растительного физиолога и физика Чжагадиса Боса (Боше). Разработанный им инструментарий для регистрации реакции живых организмов на внешние стимулы позволил установить сродство между животными и растительными тканями. Н.К. Рерих писал: «Задолго до <...> механистических начертаний замечательный ученый Индии сэр Чжагадис Боса в таких же путях исследования запечатлев пульс растений, выявил даже для случайного глаза, как реагируют растения на боль, на свет, как отмечается в пульсе его

появление даже малейшего удаленного облачка. В полной графичности на стене отмечалась вся судорога смерти растения, отправленного или пронзенного. Тут же отмечалось и воздействие человеческой энергии на жизнь тех самых растений, которые еще недавно даже в глазах цивилизованных людей были лишь низшими мертвыми отростками» [Перих Н., 1995б, с. 126]. В фондах Отдела рукописей МЦР хранилось единственное письмо Н.К. Периха к Ч. Босу. Оно интересно тем, что в нескольких строках текста содержится ритм жизни, широта мысли и круг научного сотрудничества двух великих людей. Мысль самого Николая Константиновича шла впереди даже самых смелых исследований того времени. Он записывал свои размышления, похожие на пророчества: «Когда-нибудь врачи-психологи будут экспериментировать над пространственными воздействиями на человека. Всякое наблюдение требует времени. Каждый психологический опыт нуждается в кооперации. Без сотрудничества, без доверия, без доброжелательства невозможно приближаться к сферам тонких энергий» [Перих Н., 1995б, с. 434]. «Непредубежденная наука устремляется в поисках за новыми энергиями в пространство – этот беспредельный источник всех сил и всего познания. Наш век есть эпоха Энергетического Мировоззрения» [там же, с. 138]. «Наука уже входит в такие необъятные области, как мысль. При этом обнаруживается, что мысль действует по каким-то законам, еще не произнесенным человеческими словами, но уже ощущаемым в ряде производимых сейчас опытов» [там же, с. 139].

Научное творчество Альберта Эйнштейна вызывало неизменное уважение Н.К. Периха. В широте их взглядов на культуру и науку было много общего. Николай Константинович, хорошо знакомый с древней традицией Востока, усматривал знаменательные «объединительные знаки между древнейшими традициями Вед и формулами Эйнштейна» [Перих Н., 1979, с. 21], тем самым предвосхищая популярную в конце XX в. идею о схожести физической, ведической и буддийской картин мира. В методах научной работы знаменитого физика Периха привлекала углубленность в научное творчество, которую, несомненно, должно перенять молодое поколение: «Эйнштейн советовал студентам временно удаляться на маяки для возможности сосредоточения в чистой науке» [Перих Н., 1995б, с. 63]. Эйнштейн, со своей стороны, с большим почтением отзывался о творчестве Периха [Глазами ..., 1994]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что всемирно известный автор теории

относительности стал почетным советником Института гималайских исследований «Урусвати».

Археология, юношеская любовь Н.К. Рериха, и по сей день благодарна Рериху за ряд принципиальных подходов, разработанных им в начале прошлого столетия. Пройдя тропами Центральной Азии, где он видел множество археологических памятников, проводил их обследование, но не раскопки (это не было непосредственной задачей экспедиции), Рерих продолжал наблюдать за новыми открытиями коллег. «Обращаясь к археологии, мы видим, что многие раскопки последних лет изумляли нас изысканностью смысла и форм многих, даже частичных остатков. Эта изысканность, утонченное изящество давних веков еще раз напоминают, с каким заботливым, почтительным вниманием мы должны прикасаться к этим заветам древности», – писал он в своих очерках [Рерих Н., 1995а, с. 65]. Он вел переписку с Ральфом Магоффином, профессором Нью-Йоркского университета, директором Американского археологического института, бывшем также почетным советником Музея Николая Рериха в Нью-Йорке и Института гималайских исследований «Урусвати». Пересылая в дар Американскому археологическому институту собственные картины, где изображены менгиры и петроглифы, художник и археолог дает подробный научный анализ археологического и культурного наследия гималайского высокогорья, поднимает проблему великого переселения народов, бывшую центральной темой его исследовательского интереса на протяжении всей жизни. Сочетание научной точности и высокохудожественности изображения поразило именинного археолога. Отвечая на этот дар, профессор Магоффин напишет Н.К. Рериху: «Все три работы, Ваши последние живописные произведения вдохновляющи. <...> Характерные археологические черты; цвет, контраст, все это глубоко проникло в мое сознание; отдаленные контуры вершин на высоте вечных снегов на заднем плане [картины] “Конь Гэсер-хана” подняли меня выше» [Магоффин Р. Письма Н.К. Рериху. ОР МЦР. № 5257. Л. 3].

Н.К. Рерих достаточно полно выразил свою концепцию культуры в многочисленных эссе. Именно это исследовательское поле стало основой для сотрудничества с рядом ученых-гуманитариев, в числе которых А.П. Калитинский, руководитель Семинариума кондаковианума в Праге, Е.А. Москов, ректор Русского института в США, Г. Мануйлович, президент Королевской академии искусств и наук Югославии, В. Петкович, директор Национального музея в Белграде.

С Югославской академией наук сотрудничество завязалось не столько в рамках работы Института «Уруссати», сколько на личных контактах. Еще в 1930 г., узнав, что в Белграде создается музей искусств, Н.К. Рерих предложил королю Александру I одну из своих картин для музея [Бугаева]. В июне 1930 г. Н.К. Рерих пишет: «Королевская Академия Искусств и Наук в Югославии избрала меня своим почетным членом и пригласила устроить экспедицию для изучения исторических мест Югославии. Письмо президента Академии Мануйловича сообщает о внимании короля Александра к нашим учреждениям и о высокой оценке королем Александром моего искусства» [Рерих Н., 1992б, с. 89]. Монарх лично написал Рериху несколько писем, где благодарили художника за присланные картины, книгу «Пути Благословения» и статью «Гималаи». По его словам, Рериху удалось выразить в своих произведениях «славянизм и его духовное единство» [Александр I – Н.К. Рериху. Письмо от 30.09.1930. ОР МЦР. Ф.1. Оп. 5-1. № 212. Л. 2]. В апреле 1932 г. в Индию пришла телеграмма от Александра I о том, что в музее планируется выделить отдельную комнату для произведений русского художника [Рерих Е., 1999, с. 366].

Еще одна грань научного интереса Н.К. Рериха открывается в письмах к профессору Мануйловичу, председателю Югославской академии наук и искусства (Загреб), «неустанному носителю Культуры», как отзывался о нем художник и мыслитель [Рерих Н., 1996, с. 601]. В письмах к нему Николаем Константиновичем довольно лаконично и тем не менее очень целостно очерчена проблема славянства. Масштаб мысли художника и общественного деятеля поистине мировой, и бедственное положение культуры отзовутся в нем болью, но все же его слова вселяют надежду. На многочисленные просьбы о субсидиях (притом что сами научные и культурные учреждения, основанные Рерихами, существовали на общественные средства и пожертвования), к которым присоединяется и Югославская академия наук и искусства, Николай Константинович отвечает: «Все это вместе взятое облекается в сердце моем в большой культурно-финансовый проект, который я бы хотел обсудить и с Вами во время моего будущего приезда» [Рерих Н., 2020, с. 44].

В переписке с Мануйловичем Рерих очерчивает довольно лаконично и емко свой взгляд на проблему славянства. Видимо, заинтересовавшись постановкой проблемы и перспективами предстоящего визита Рериха, президент академии отрекомендовал Рериху одного из своих талантливых русских коллег – востоковеда-

тиюрколога А.А. Олесницкого [Зайцев, Лавренова, 2017], как и многие его соотечественники покинувшего Россию после революции.

Олесницкий как референт академии переводил письма Мануйловича Периху на русский язык для удобства корреспондентов. И как референт он вступил в переписку с художником и мыслителем, предлагая свои услуги в организации предстоящей поездки в Белград. Параллельно он описывает довольно широкий круг своих исследований и предлагает сделать обзор югославянского фольклора для удобства ознакомления Николая Константиновича с культурой этой страны.

Тема исторического взаимодействия культур была близка и А.А. Олесницкому. Официальным поводом для начала общения стал планирующийся визит Н.К. Периха в Югославию (который так и не состоялся).

Тема изучения русской культуры и насущной важности ее представления в США на высоком уровне поднимается в письмах Николая Константиновича к Евгению Александровичу Московскому, юристу, журналисту, редактору газеты «Русский Вестник» (Нью-Йорк), ректору Русского института при Музее Николая Периха в Нью-Йорке. Николай Константинович обрисовывает круг задач института, предоставляя его дальнейшее развитие творческому горению Москва. Идея Русского института в Америке, работающего в области изучения истории и культуры России, фактически предваряла исторически сужденное сближение двух народов, должное во второй половине XX в. разрешить военное противостояние расколотшегося надвое мира. Вдохновленный ректор нового научно-исследовательского учреждения с восторгом напишет Е.И. Перих: «В число многочисленных, по всему миру, различных учреждений, созданных инициативой Николая Константиновича и отразивших его творчество и отдельные мысли, вступает учреждаемый теперь в Нью-Йорке Русский Институт, основной и общей задачей которого является правильное и систематическое ознакомление американцев с русской культурой в ея целом. Прилагаемое в копии письмо Николая Константиновича от 17 апреля ко мне даст Вам полную идею Института, а одно из моих приложений даст Вам некоторые подробности в мотивах появления Института и в его задачах» [Москов Е.А. Письмо Е.И. Перих. Отдел рукописей МЦР. № 1498. Л. 1].

К сожалению, идея оказалась намного больше своего исполнителя, Русскому институту не суждено было заработать в полную силу. Творческого энтузиазма его ректору хватило ненадолго, и

Николаю Константиновичу в 1934 г. пришлось вновь говорить о том, что Москов «должен понять, что все дела самоокупаемы, все начинается с малого, а кроме того, ему вполне естественно обращаться, хотя бы и за небольшими суммами, в американский foundation» [Перих Н., 1998, с. 38]. А год спустя, осенью 1935 г., после того как учреждения в Америке начали рушиться из-за предательства Луиса Хорша, президента Музея Николая Периха в Нью-Йорке, присвоившего акции Перихов и других пайщиков, и от идеи этого института тоже пришлось отказаться. «Необходимо осознать Идею как магнит...» – писала его супруга и вдохновительница Е.И. Перих [Перих Е., 2000, с. 253]. И проект Русского института именно как магнит сохранился в анналах истории, внеся свой вклад в формирующуюся идею международного культурного сотрудничества.

Гибель многих культурных и научных учреждений, работавших при Музеи Николая Периха в Нью-Йорке, отозвалась болью в сердце их основателя. Против такого варварства выступали многие известные люди того времени (но голос их не был услышан). В их числе был и Павел Радосавлевич, профессор Нью-Йоркского университета, этнограф, член Американского периховского общества. В письмах к нему Николай Константинович Перих свидетельствует против этого безумного разрушения культуры, происходящего в Америке. Но идея культурного строительства и становления новой науки на американской земле пережила все превратности судьбы. Уже в послевоенное время Н.К. Перих напишет: «В одном из прошлых писем Вы спрашивали, как быть с Академией в послевоенное время. Думается, начните собирать почетных членов. Сперва местных, а потом, когда почтовые сношения наладятся, и иностранных. Конечно, не спеша. Таким путем обогатятся силы и подойдут новые возможности. У Вас уже имеются такие полезные силы, как Ватсон, Мясин, Олин Даунс, Радосавлевич и др.» [Перих Н., 1996, с. 320]. Его мысль снова начнет собирать передовых людей, уцелевших в безвременны войны и экономических кризисов, во имя Науки и Культуры.

Особые отношения сложились между Президентом-основателем Института «Уруสวати» и профессором Института Пастера в Париже С.И. Метальниковым, и поскольку предполагалось, что Метальников приедет в Индию и возглавит одну из лабораторий Института, их переписка была наиболее содержательной и фактически несла в себе зерна науки будущего [Наука ..., 2003].

Сергей Иванович Метальников (1870–1946), биолог, зоолог, иммунолог и философ биологии, эмигрировал из России в 1919 г. До революции он занимался исследованиями иммунитета и его связи с высшей нервной деятельностью, но его работы встретили негативное отношение на родине, которое усилилось после 1917 г. В 1919 г. директор Института Пастера Эмиль Ру предложил Метальникову пост руководителя одной из лабораторий института, он воспользовался этим предложением и продолжил свои изыскания уже во Франции, его перу принадлежит более 250 научных работ, в том числе: «Проблема бессмертия и омоложения в современной биологии» (Берлин, 1924); «Иммунитет как защитная реакция у беспозвоночных животных»¹; «Самозащита организма в борьбе с болезнями»²; «Contribution a l'étude de l'Immunité chez les invertébrés»³, «Rôle des systèmes nerveux et des facteurs biologiques et psychiques dans l'Immunité»⁴.

Находясь за пределами России, в разных частях света, С.И. Метальников и Н.К. Перих тем не менее сохранили огромную симпатию и интерес к творчеству друг друга и периодически обменивались письмами. Областью их взаимного интереса и стало то новое направление, которое позже получило название психонейроиммунологии. О сути междисциплинарных исследований Метальникова как новой научной парадигмы, в которой отразились и результаты его лабораторных исследований, и философское осмысление окружающей реальности, как нельзя лучше сказал русский философ Н.О. Лосский, их давний друг по Петербургу: «Сергей Иванович Метальников <...>, специалист по иммунитету, работавший после большевистской революции сотрудником Института Пастера в Париже, утверждает на основании своих наблюдений одноклеточных организмов, что даже рефлекторный акт есть творческий путь для выхода из положения, в котором организм оказывается в своей специфической окружающей среде. Его исследования реакций иммунитета дали ему возможность доказать, что они могут быть развиты в условные рефлексы. Он вводил холерные микробы в брюшную полость кролика и одновременно

¹ Известия Естественнонаучного института им. П.-Ф. Лесгафта. – 1927. Т. 13. № 1. – С. 109–138.

² Русский врач в ЧСР. – 1937. № 10.

³ Вклад в изучение иммунитета у беспозвоночных (*фр.*). Опубл.: Ann. Inst. Pasteur. – 1926. – Vol. 40. – P. 787–826.

⁴ Роль нервной системы и биологических и психических факторов в иммунитете (*фр.*). Опубл.: Paris: Masson. – 1934. – 166 p.

производил звук камертоном; после серии таких экспериментов он производил звук камертоном без введения холерных микробов, но после разреза кролика обнаруживал, что все так же появлялись антихолерные кровяные шарики. Он доказал таким образом, что реакция иммунитета – это основной обусловленный процесс; он действительно нашел у насекомых нервный узел, который должен быть неповрежденным для сохранения разного рода иммунитета, имеющего существенное значение для них. В своей статье “Наука и этика” Метальников говорит о любви как факторе эволюции. К концу своей жизни он предполагал разработать теорию эволюции, доказывая, что эволюция обусловлена разумом, который коренится в самой природе. Болезнь, а затем смерть помешали ему осуществить свой замысел» [Лосский].

Новаторские исследования С.И. Метальникова, безжалостно прерванные Второй мировой войной, шли в русле новой, *одухотворенной* науки, которая вовлекала в круг своего пристального внимания сложный духовный мир человека. Эта наука обосновывала высшие моральные законы неразрывной связью Человека и Космоса. Те же принципы лежали в основе работы Института гималайских исследований «Уруสวати». Планы о создании лаборатории под руководством С.И. Метальникова обсуждались, но по факту он заочно участвовал в работе Института гималайских исследований, его статья об исследовании мысли была напечатана в одном из выпусков журнала «Уруสวати». Но многие открытия того времени надолго были забыты официальной наукой.

В годы фашистской оккупации Франции С.И. Метальников был арестован. Николай Константинович Рерих, с болью в сердце переживавший разрушительные последствия мировой войны, старался узнать о судьбе многих своих друзей и знакомых, оставшихся в Европе. Вести приходили неутешительные: «Сколько смертей и болезней! Чудовищно сведение, что Метальников от пытки сошел с ума! Сколько испытаний, в которых люди показали себя в новом свете!» [там же, с. 284].

Переписка Н.К. Рериха и С.И. Метальникова, хранившаяся в Отделе рукописей МЦР, относится к 1931–1938 гг. и дает яркое представление о взаимоотношениях двух великих людей, чьи научные гипотезы заложили фундамент новой Науки о Человеке, которой, видимо, суждено в полной мере сформироваться лишь в будущем [Лавренова, Ульянкина, 2003]. В них нашли свое отражение не только философские размышления о путях науки, связанные с изучением человеческой психики, но также основные

приметы того времени: и бедствия русской эмиграции в Европе, и предчувствие грядущих потрясений. Переписка чрезвычайно интересна и как некая творческая лаборатория, где зарождаются и развиваются научные идеи. С.И. Метальников делится своими научными идеями с Н.К. Рерихом и задает ему вопросы как знанию культуры, психологии и традиций Востока, страстно притягивающих внимание ученого. Николай Константинович расширяет постановку проблемы, которую мы находим в письмах Метальникова. Тема психических оснований иммунитета и власти психики над телом в его письмах приобретает уже не только биологический, но и космический масштаб. Н.К. Рерих пишет о роли сердца в духовной жизни человека и в так называемых процессах творческой ассилияции (трансмутации), аккумулирования и использования космических лучей-энергий. Он обозначает вехи Науки Будущего, данные в философии Живой Этики, пишет о важности высокогорного района Гималаев для изучения космической природы человечества. Масштаб идей, изложенных в сккупых строках этой переписки, потрясает. По сути это – программа исследований, рассчитанная на столетия вперед.

Институт «Урусвати»

Наши Учреждения и «Урусвати» должны стать этим объединяющим центром. Впоследствии мы могли бы иметь информационное бюро всех новых мыслей,исканий, достижений во всех областях науки, искусства, социальных проблем, медицины и т.д., и т.д. Можно было бы издавать еженедельные бюллетени и ежемесячный журнал.

Е.И. Рерих. Письмо от 20.08.1930

Активную деятельность Институт «Урусвати» начал только в 1930 г. Причиной такой отсрочки стал отъезд Н.К. и Ю.Н. Рерихов в Америку и Европу, который предполагался недолгим и имел целью завязать научные контакты с видными учеными Запада. В США и Европе Рерихи встречались с многими деятелями науки и культуры, влиятельными политиками, в их числе были президент Соединенных Штатов Герберт Гувер и мэр Нью-Йорка Дж. Уокер. Но поездка затянулась из-за того, что власти Британской Индии отказали Рерихам во въездной визе. Почти восемь месяцев прошли в переписке с британским Министерством иностранных дел. Вернувшись в Кулу в конце 1930 г., Николай Константинович,

Президент-основатель и председатель правления, и Юрий Николаевич, директор Института, сразу же приступили к работе.

«Глубокая и в известной степени передовая концепция эффективного и экономичного метода исследования воплощена в этом новом аванпосте науки с символическим названием “Урусвати” (Утренняя звезда), олицетворяющем восходящий свет новой науки. Здесь обеспечены, во-первых, оборудование и подходящий климат для круглогодичного изучения материала, который находится в ближайшей окруже, – материала, привлекающего внимание археологии, филологии, физиологии, ботаники, биохимии, астрономии и метеорологии. Во-вторых, это будет передовой полевой штаб, откуда смогут отправляться экспедиции по районам в любом направлении, сокращая тем самым сроки и маршрут своего пути», – писал директор Института об особенностях его концепции [Рерих Ю., 1998, с. 71].

В структуре Института и его работе «нашло отражение предвидение, которым отличался Николай Константинович. Многие потом придут к тем же мыслям и идеям. Эти идеи и мысли будут отвечать основным тенденциям в развитии мировой науки, но немедленного признания не получат» [Шапошникова, 1998а, с. 484]. Передовой для того времени комплексный исследовательский подход стал визитной карточкой этого широкого междисциплинарного проекта. Разработки Института «Урусвати», как и исследования многих ученых первой половины ХХ в., прерванные Второй мировой войной, шли в русле новой, одухотворенной науки, которая не отвергала духовный мир человека, но вовлекала его в круг своего пристального внимания, тем самым научно обосновывая моральные законы, обнаруживая неразрывную взаимосвязь человека и Космоса. Основной особенностью Института была его концептуальная основа – философское учение Живой Этики, где были даны знания «о космической эволюции человечества, ее особенностях, причинах и роли человека в ее сложных процессах» [Шапошникова, 2005, с. 26], и новая методология познания, базирующаяся на представлении о Мироздании как о грандиозной энергетической системе, «в которой происходит интенсивный энергоинформационный обмен между составляющими ее структурами различных состояний и измерений материи» [там же, с. 27]. Эти мировоззренческие основы были созвучны идеям русских космистов начала ХХ в. – К.Э. Циолковского, А.Л. Чижевского, В.И. Вернадского, П.В. Флоренского и других, мысль которых неотделимы от Вселенной.

То, что было осуществлено Институтом в 30-е годы, по замыслу Рерихов, было лишь началом долгого пути. Елена Ивановна

Перих так писала американским сотрудникам о перспективах Института «Урусвати», который она называла научной станцией, которой со временем должна развиться в многофункциональный научный комплекс: «Станция должна развиться в Город Знания. Мы желаем в этом Городе дать синтез достижений, потому все области науки должны быть впоследствии представлены в нем. И так как Знание имеет своим источником [весь] Космос, то и участники станции должны принадлежать всему миру, то есть всем национальностям, и как Космос неделим в своих функциях, так и ученые мира должны быть неделимы в своих достижениях, то есть объединены в теснейшем сотрудничестве. Место станции избрано совершенно сознательно и обдуманно, ибо Гималаи представляют неисчислимые возможности во всех отношениях и внимание всего научного мира сейчас обращено именно на эти высоты. Изучение новых космических лучей, дающих человечеству новые ценнейшие энергии, возможно только на высотах, ибо все самое тонкое и самое ценное и мощное лежит в более чистых [слоях] атмосферы. Не являются ли горы величайшими магнитными станциями? Не следует ли исследовать магнетизм и электричество? Исследование магнитных токов не даст ли безопасность воздухоплавания? Ведь в области изучения магнитных токов наука еще в младенческом состоянии, и современные аппараты лишь игрушки, между тем как “наблюдения и исследования привели бы к великому открытию”. Потому нам так хотелось бы начать эти наблюдения и исследования на нашей станции, “условия наш[ей] местности особенно хороши для этого”. Также разве не заслуживают внимания все метеорические осадки, осаждающиеся на снежных вершинах и несомые в долины горными потоками. Для астрономических наблюдений условия здесь совершенно исключительны <...>. Геологически Гималаи также интересны, ибо стоят свидетелями многих веков и пещеры их хранят не одну тайну для археологов, зоологов и антрополог[ов]. Количество горячих и других неисследованных источников велико, так же как и горных озер с различными свойствами, согласно указаниям местных жителей. Переходя к ботанике, зоологии и орнитологии, Вы уже знаете из репортов ботаников и зоолог[ов], насколько они довольны результатами своих работ; все редчайшие лечебные травы сосредоточены на этих горах, и сколько новых, неизвестных видов удалось найти за короткое время. В смысле археологии, конечно, эта долина – одна из наиболее богатых, ведь культура Индии была сосредоточена на Севере. Имеются следы большой буддийской культуры. Очень примечательно

здесь количество языков среди горных племен, часто две рядом [жи]вущие деревни абсолютно не понимают друг друга. Также здесь наблюдаются необычайные огненные проявления, свидетелями которых являются многие местные обитатели, и мы сами не раз видели их, о чем я уже писала. Буду писать Юхану¹ об установлении метеорологической станции, чтобы потом расширить и перейти к наблюдениям и изучению магнитных токов, помня об особенно удачных местных условиях» [Перих Е., 1999, с. 119].

Институт «Уруссвати» обменивался публикациями с 285 институтами, университетами, музеями, библиотеками, научными обществами по всему миру. Ежегодник «Журнал Института гималайских исследований “Уруссвати”» публиковал наиболее интересные статьи сотрудников института, затрагивающих довольно широкий спектр дисциплин. В нем публиковались материалы практически по каждому институтскому отделу – археологии, этнографии, ботанике, а также отчеты экспедиций, организованных Институтом, и ежегодные годовые отчеты «Уруссвати». Сам директор Института вел активную научную деятельность. «Он первый произвел ряд археологических раскопок в Кулу и прилегающих областях индийских Гималаев. В Лахуле он обнаружил три типа древних погребений, по преданию, принадлежавших пришельцам с севера... <...> В Кулу, Лахуле, Спити Ю.Н. Перих собрал ценнейшую этнографическую коллекцию и провел лингвистическое обследование Лахуля. В стариных буддийских монастырях ему удалось собрать уникальную коллекцию тибетских рукописей и книг. Юрий Николаевич вел работу над серией «Тибетика», посвященной древностям Тибета. Вместе с этим он упорно трудился над созданием тибетско-санскритско-русско-английского словаря» [Беликов, Шапошникова, 1998, с. 31]. (Этот словарь был издан в Советском Союзе после его смерти.)

Как особое направление исследований планировалось создание биохимической лаборатории, лаборатории органики и фармакологии и физической лаборатории [Journal ... , 1931–1933]. Предполагалось с помощью современного оборудования исследовать лекарственные травы, тибетскую и индийскую фармакопею. В окрестностях Кулу под руководством художника и ученого Святослава Николаевича Периха, младшего сына Елены Ивановны и Николая Константиновича, руководителя отдела естественных наук Института, были разбиты плантации, которые должны были стать

¹ Юрию Николаевичу Периху.

основой для дальнейшего изучения фармакологических свойств лекарственных растений. Кроме того, как писал Ю.Н. Рерих, «библиотека Института, как в Наггаре, так и в Нью-Йорке, содержит большое количество тибетских трактатов по целительству – их предполагается изучать и публиковать. А местные ученые и целители со знанием языков и унаследованными методами лечения уже готовы к сотрудничеству» [Рерих Ю., 1998, с. 74].

В числе корреспондентов Института был уже упомянутый известный биолог и философ биологии С.И. Метальников. До революции он был профессором зоологии Петербургского университета, позднее возглавлял Биологическую лабораторию им. П. Лесгафта, в 1918 г. переименованную в Научный институт им. П. Лесгафта. Его статья об исследовании мысли была напечатана в одном из выпусков журнала «Урусвати». В рамках задач Института проблема психических оснований иммунитета и власти психики над телом, над которым работал русский ученый в Париже, приобретала иной, космический размах.

В письмах к русскому биологу Николай Константинович достаточно подробно сообщал некоторые аспекты проводимых Институтом исследований: «Сейчас строим Биохимическую Лабораторию, и Вы можете себе представить, какие затруднения испытываем по нынешним обстоятельствам, не говоря уж о разных местных условиях, но, преодолевая необыкновенные трудности, шаг за шагом все-таки строим. Совершенно понятно, почему строим именно здесь. Во-первых, все естественные условия здешних горных высот совершенно необыкновенны. Кроме того, только здесь возможно изучение древнейшей Аюр-Ведической и Тибетской медицины, которые, как Вы знаете, содержат в себе массу полезнейших достижений, совершенно еще не принятых во внимание Западной Наукой. <...> Пора, наконец, понять, что эта вековая мудрость (Йога. – О.Л.) вовсе не должна находиться в так называемом оккультном тумане, но должна сделаться достоянием не-предубежденного познания. И для этого, конечно, прежде всего, нужны местные языки, со всеми тончайшими философскими, физическими и медицинскими понятиями. Западная Наука уже неоднократно страдала от неточности и неосведомленности переводчиков и толкователей. <...> Все дальнейшие [высшие] Йоги, конечно, построены на тончайшем изучении и применении к жизни нервной системы, обращая сугубое внимание на так называемую симпатическую нервную систему. На Востоке Вам скажут: “Иммунитет заключается в сердце”. <...> Восток говорит: “Сердце

есть величайший аккумулятор и трансмутатор всех космических энергий”. Восток говорит – что энергии и эманации огненно очищенного сердца создают ту атмосферу, при которой сочетаются иначе не соединимые элементы. “Все величайшие открытия и применения Космических лучей-энергий возможны при утончении сердца”. Совсем недавно местные университеты наблюдали одного Хатха Йога, который без вреда принимал самые убийственные дозы смертельных ядов. Разгадку этого феномена нужно искать в тренировке сердечной энергии. <...> Разве возможны были бы многие чудеса без присутствия огненной энергии сердца? Может быть, можно назвать эту энергию психической энергией. Каждый восточник, говоря о мысли, положит руку себе на сердце, а не на мозг, как это делалось на Западе. Индус знает, где живет Манас. Восток необыкновенно знает значение желез и их секреций для всех [духовных]¹ явлений. Шишковидная железа и так называемая мокротная железка особенно указаны для духовных комбинаций. <...> На Востоке Мысль является самой потенциальной, самой мощной созидающей энергией» [Наука будущего … , 2003, с. 77–78]. Николай Константинович очень интересовался работами Бехтерева по изучению феномена телепатии, но личный контакт между советским ученым и Институтом, расположенным в колониальной Индии, по понятным причинам был невозможен.

Исследовательский подход Института, его интерес к передаче мысли на расстоянии, к духовным практикам индийских йогов был понятен не всем. Поэтому Ю.Н. Рерих писал в одном из своих писем: «Я не могу понять налет мистицизма в отношении нашего Института. Институт Гималайских исследований – это учреждение, занимающееся исключительно научными исследованиями, и его программа была обозначена мной в Годовом отчете за 1929–30 гг., опубликованном в первом tome нашего журнала. Д-р Лозина², сотрудник Института, проводил исследования современной практики индийских йогов с психологической и патологической точек зрения, но эта тема уже изучалась рядом хорошо известных ученых и едва ли может классифицироваться как “мистицизм”» [Рерих Ю., 2002а, с. 191]. Следует отметить, что в современной науке Индии в числе программ исследования пограничных состояний сознания немалое место занимает изучение состояния медитации и транса индийских йогов, когда-то разрабатывавшихся в «Урусвати».

¹ Слово вычеркнуто.

² К.К. Лозина-Лозинский.

К сожалению, биохимическая лаборатория, для которой было построено здание, частично закуплено оборудование, в которую должны были входить лаборатории органики и фармакологии, раковых исследований, физическая лаборатория, так и не начала свою работу. Для ее функционирования нужна была электростанция, но из-за роста цен строительство откладывалось. Приглашенный возглавить лабораторию биохимик из Гарвардского университета В.А. Перцов, видя такую задержку в реализации планов по созданию лаборатории, не приехал.

Медицинский отдел Института сотрудничал с биохимикиами Гарвардского университета. Отдел Института «Урусвати», работавший в Нью-Йорке, вел активную переписку с ведущими специалистами в области изучения раковых заболеваний. Создатели Института предполагали, что изучение тибетских медицинских трактатов и лекарственных средств в будущем поможет преодолеть эту «чуму XX в.». Медицинский советник Института доктор К.К. Лозина-Лозинский начал исследование местных лекарственных растений и их каталогизацию в соответствии с традициями местной фармакопеи. Святослав Николаевич Перих занимался составлением лекарственных препаратов и эмульсий, исследовал мускус, лекарственные свойства лития и минералов. Следует отметить, что эти исследования проводил человек, глубоко знакомый с восточной духовной традицией, поэтому «он не только использовал знания европейской и азиатской медицины и фармакопеи для своих исследований, но и расширял их, сообщая новое духовное измерение научным наработкам. Это в первую очередь относится к изучению йогических растений, обладающих особыми энергетическими свойствами, о которых традиционная наука имеет весьма смутное представление, а отдельные сведущие ламы и йоги предпочитают не выдавать собиравшиеся тысячелетиями секреты. В Наггаре проводились работы по изучению подобных лекарственных растительных, минеральных и животных препаратов, которые можно характеризовать как жизнедатели, охранители, очистители, поддержатели, восстановители» [Чирятьев, 2005, с. 34].

Важным направлением деятельности Института были экспедиции в горные районы. Перихи писали о том, что Гималаи незаменимы для изучения космических лучей задолго до того, как на высокогорьях были созданы первые научные станции по изучению нейтрино. Под эгидой Института «Урусвати» была организована экспедиция в Южный Ладак под руководством Дж.М. Бенада, профессора Христианского колледжа Формана в Лахоре, которая

проходила в рамках всемирной программы изучения космических лучей, организованной в 1931–1932 гг. профессором Чикагского университета А.Х. Комptonом (A.H. Compton). В местах с различной широтой, долготой и высотой над уровнем моря регистрировалась ионизация воздуха и другие физические параметры, доступные науке того времени.

Силами Института уже в первые годы его деятельности были собраны богатейшие коллекции – энтомологическая коллекция и гербарий для Мичиганского университета, коллекции семян и образцов растительного мира Гималаев для Ботанического сада в Нью-Йорке и Национального музея естественной истории в Париже, коллекция семян для Департамента земледелия США, зоологическая коллекция для Гарвардского университета (Кембридж, США).

Летом и осенью 1930 г. доктором Мичиганского университета Вальтером Кельцем были проведены экспедиции в Лахул и высокогорные районы Кулу и Рампур Башар. Была собрана ценная ботаническая и зоологическая коллекция. Только в 1931 г. состоялись экспедиции в долину Кулу, Кангру, в Лахуль, в район Рампур Башар, в Лахор, Ладак и Занскар. Было собрано более тысячи наименований растений, составляющих приблизительно 10 тыс. экз., тысяча птиц для изготовления чучел и ряд млекопитающих.

В 1934–1935 гг. под эгидой Института «Урусвати» состоялась Маньчжурская экспедиция, финансированная Департаментом земледелия США. По возвращении Рерихов в Кулу в 1935 г. было совершено еще несколько радиальных экспедиций в Гималаи. Но в конце 1930-х годов экономический кризис, охвативший западные страны, пресек возможность получения средств на работу учреждения. Некоторое время Институт функционировал благодаря личным средствам Рерихов, получаемым от продажи картин, но это были ничтожно малые суммы, явно недостаточные для реализации первоначальной программы исследований. С началом Второй мировой войны Институту пришлось законсервировать.

Известный художник, мыслитель, общественный деятель и естествоиспытатель-космист С.Н. Рерих вернулся к идее комплексного института, базирующегося на концепции Живой Этики, через несколько десятилетий после кончины родителей и брата, в конце XX в. В 1980-е годы он неоднократно обращался к АН СССР с предложением о расконсервации Института «Урусвати» и работе в нем советских ученых. Им была предложена идея создания биосферной станции на базе Института в Кулу, «затем дополненная

академиком А.Л. Яншиным до сети биосферных станций в Азии, включая и станцию “Уруสวати”» [Назаров, 2005, с. 60]. Академия наук эти предложения проигнорировала. Поэтому позже, создавая в 1992 г. в Москве Советский Фонд Рерихов (впоследствии переименованный в Международный Центр Рерихов), Святослав Николаевич заложил в концепцию Центра-Музея им. Н.К. Рериха широкую научную программу: «...Центр видится мне и как научное учреждение. Задачей его, как представляется, может стать не только систематизация и изучение многогранного наследия Н.К. и Е.И. [Рерих], но и дальнейшее развитие заложенных в этом наследии идей. Русские и Восток, Россия и Запад, народная культура, всемирные духовные ценности, единство культуры человечества, ценностные ориентации, понятие о совершенном человеке, человек и природа, внутренние возможности человека, наука и религия – все это так или иначе было, конечно, затронуто в трудах Н.К. и Е.И., но их подходы требуют развития в применении к нынешнему этапу всемирной эволюции. Несомненно, Центр не сможет в одиночку справиться со всеми этими проблемами, но он может служить координирующим началом, своего рода штабом, причем международного плана» [Рерих С., 2005, с. 375]. «В перспективе мне видится, что Институт “Уруสวати”, где <...> сохраняются уникальные коллекции, может стать индийским филиалом Центра-Музея <...>. Конечно, окончательное решение вопроса потребует разработки многих юридических вопросов, а также приезда для приемки коллекций группы специалистов (орнитолога, зоолога, ботаника, а также, вероятно, археолога и фольклориста), – но все это вполне разрешимо. Конструктивно мы сможем подойти к этому делу только тогда, когда Центр-Музей и Фонд имени Рериха развернут свою работу в Москве», – писал С.Н. Рерих [там же, с. 277].

* * *

Объединительная сила мысли великого художника, культурного деятеля и организатора науки сыграла свою роль в 30-е годы прошлого века. Благодаря многогранности интересов и магнетичности личности Н.К. Рериха ученые, общественные и культурные деятели со всего мира, вступавшие с ним в переписку, мыслили о деятельной, междисциплинарной кооперации. «Если мы говорим, что наука и искусство – для всей жизни, то и вся жизнь в высоком ее качестве будет для науки, для творчества, для красоты, для всего Наивысшего» [Рерих Н., 1995б, с. 365]. «Во время всеобщего кризиса все силы культуры особенно должны объединиться», –

писал наш великий соотечественник еще до того, как мир будет потрясен жесточайшей войной, и его идеи остаются актуальными и в XXI в., в эпоху глобальных кризисов [Перих Н., 2018, с. 354].

С началом Второй мировой войны деятельность Института «Урусвати» была приостановлена из-за отсутствия средств и невозможности международного сотрудничества в сложное военное время.

Сегодня идея о возрождении «Урусвати» находит все больше сторонников и с индийской, и с российской сторон. Возможно, Институт гималайских исследований вскоре возобновит прерванную работу спустя семьдесят с лишним лет после своего основания.

ЦВЕТ И СЛОВО¹

Философия духовного цвета в Живой Этике

Так в каждом символе можно усмотреть как значение космическое, так и приложение житейское. Указ Времени, Великое Пришествие, Эпоха Огня и возрождения Духа, Мудрость и Синтез, Чаша Подвига и Бессмертия, знаки Высшего Доверия и Призыва, облеченный в пурпур – цвет мужества.

Е.И. Рерих. Письмо от 2.04.1936

Н.К. Рерих был великим художником, который творил красоту, вдохновляясь Высшими веяниями и при этом осознанно, четко формулируя на холсте, как и в литературном тексте, символику цвета и света. Его полотна всегда концептуальны и несут в себе глубокую философскую мысль, то возникает вопрос: а собственно, какая роль в этой концептуальности отводится цвету? Многие ответы можно найти в философии Живой Этики, синтезировавшей мудрость Востока и Запада.

Удивительно, но при достаточно обширной русскоязычной литературе о наследии Рерихов анализу цвета и света практически не уделяется внимания. Искусство Рериха, конечно, исследовалось искусствоведами, но в основном с точки зрения стилей и сюжетов. Философию искусства Н.К. Рериха наиболее полно рассматривала Л.В. Шапошникова в книгах «Тернистый путь Красоты» [Шапошникова, 2001] и «Метаисторическая живопись Н.К. Рериха» [Шапошникова, 2013], в которой говорится в основном о сюжетах картин, о профетичности дара художника, о гармонии и красоте произведений искусства как отблесках более совершенного духовного мира идей, если использовать терминологию Платона. Единственная статья, посвященная конкретно проблематике цвета у

¹ Использованы материалы статьи [Лавренова, 2017].

Перихов, принадлежит перу художника и теоретика искусства Владимира Козара [Козар, 2004], но она посвящена творчеству художника Святослава Николаевича Периха, который, конечно, многое в стилистике и цветовыражении взял у своего великого отца. В основном в статьях и книгах о Перихах обсуждаются именно философские концепции, которые отражаются в сюжетах картин отца и сына.

Наиболее авторитетным источником, затрагивающим философию цвета в текстах разных авторов и художественных произведений, является коллективная монография «Цветовой дизайн» [Colour Design, 2012]. На данный момент существует и достаточно много прикладных работ, посвященных психологии восприятия цвета и связанной с этим семантикой цвета [Unifining … , 2018; What … , 2019; Sutton, Altarriba, 2016; Gribel, Mylonas, Paramei, 2018 и др.], в которых на практике подтверждаются многие идеи, высказанные в Живой Этике о роли цвета в повседневной жизни и в духовных устремлениях, о настраивающей и целительной силе воздействия цвета на психику человека. Основной корпус прикладных исследований о воздействии цвета на сознание в современной науке был разработан почти полвека спустя и относится к концу XX и началу XXI в.

Философия Живой Этики говорит о тесном взаимодействии человека и Космоса, не только физического, но и духовного. В философии Живой Этики цвет и в физическом аспекте, и в психохудожественном понимается как длина волны излучений человека и всех объектов Вселенной. В физической оптике свет – это электромагнитное излучение, воспринимаемое человеческим глазом, сюда включаются и излучения, воспринимаемые «шестым чувством». Согласно Живой Этике, излучения человека, его аура могут иметь некий базовый цвет и изменяться в зависимости от состояний. Соответственно, семантика цвета в данном случае зависит от «духовной физиологии», при этом в зависимости от ее аспектов цвет одного и того же духовного проявления может быть разным.

В этом отношении философское наследие Периховозвучно как классическим и раннехристианским трудам, так и прикладным исследованиям их времени. В первом случае следует упомянуть работы Плутарха, а также античных и христианских авторов II и III вв., которые используют понятия цветов души в богословско-эсхатологическом контексте, причем не только в символическом, но и в физиологическом ключе. «Бог или Иисус наделяют людей различными цветами, которыми они должны расцвечивать свои

души во время земного существования. <...> эти цвета представляют добродетели» [Gallarte, 2012, р. 236]. «С одной стороны, это иллюстрировало творческую деятельность Бога и формирование человеческой души; с другой стороны, предоставляло параметры, с помощью которых можно было судить об этическом поведении души, поскольку цвета, приобретенные душой в этой жизни, определяли награду или наказание в загробной жизни. С этой целью авторы прибегли к физиологическим и психологическим концепциям, широко распространенным в греко-римском мировоззрении, на которые особое влияние оказывал платонизм» [Gallarte, 2012, р. 246]. Также следует упомянуть вышедшую в 1920 г. книгу «Атмосфера человека (аура)» [Kilner, 1920] английского врача Вальтера Джона Кильнера (1847–1920), которая является пионерной работой в области изучения излучений человека с помощью несложного технического приспособления. В этом эмпирическом исследовании также фиксировались цвета излучений, правда, в силу рода деятельности автора они взаимоувязывались только с состоянием здоровья.

Кроме того, Живая Этика тесно связана с буддийской и ведической духовными традициями и написана с использованием соответствующей терминологии и представлений об энергетической структуре человека.

В Живой Этике неоднократно встречаются параграфы о цвете излучений человека, которые связаны с качествами и состояниями души. Например: «Подвиг, синтез и настороженная зоркость выражаются трехцветным пламенем. Подвиг – серебряное, синтез – зеленое и настороженность – желтое. Эта триада достигается упражнением сознания в различных условиях жизни. Можно указать на эту триаду, как на овладение условием самопожертвования» [Учение... Агни Йога, §461]; «Два противоположения – изумруд и рубин. Первый есть синтез, и второй есть самоотверженность подвига» [Учение... Агни Йога, §535].

При взаимодействии людей важно учитывать принцип цветности их излучений, как будто создавать мозаичное панно, объединенного талантом и провидческими способностями руководителя. «Явление гармонии излучений лежит не только в однотонности. Так, фиолетовая аура не чужда зеленой или розовой может оттенять синюю. В этих дополнениях заключаются токи особых напряжений. Даже желательно комбинировать цвета, как залог будущей радуги» [Учение... Агни Йога, §89].

Цвет также используется в метафорическом или символическом ключе, например, для обозначения идеи всемирности, объединения народов: «Именно явление всемирности должно быть усвоено. Красный цвет является символом твердости стремления уничтожить различия рас. Кровь едина течет, и внешний мир не будет больше разделяем расами первичных формаций. Потому красно знамя века Майтреи!» [Учение... Община (Урга), Ч. 8, 3]. Или для символического различия разнообразия негативных свойств страха: «Мы пустим по ветру все разноцветные перья страха. Синие перья застывшего ужаса, зеленые перья изменчивой дрожи, желтые перья тайного упопления, красные перья исступленного стука, белые перья умолчания, черные крылья падения в бездну. Нужно твердить о разнообразии страха, иначе останется где-то серенькое перышко угодливого лепетания или же пушинка торопливой суеты, а за ними тот же идол страха. Каждое крыло страха несет вниз. Благословенный Лев¹, бесстрашием одетый, заповедал учить явлению мужества» [Учение... Община (Урга), Ч. 1, §8]. Хотя называются те же цвета, что и символизирующие и отмечающие высокие проявления духа, подразумевается, что у цветов страха иная длина волны.

Свет и цвет неразрывно связаны. «Свет есть материя в движении», – писала Е.И. Рерих [Рерих Е., 2003, с. 138]. Инертной материей красок при удачном сочетании создается не только эффект присутствия света, возникающий в сознании зрителя, но свет как излучение.

Для выражения светоносности и в Живой Этике, и в письмах Е.И. Рерих, которые по сути являются развернутым комментарием к Живой Этике, используются метафоры, связанные с архаической цветовой символикой русского языка. Например, слово «ярый»: «Скажите – много чудес на свете, и чистое ярое устремление дает победу» [Учение... Листы Сада Мории. Зов. 1921, 23 июня]. В одном из самых авторитетных словарей русского языка – словаре С.И. Ожегова – слово «ярый» трактуется как «страстно преданный», «убежденный и яркий», «сверкающий как яркое солнце», «яростный» (в высоком смысле), а также «светлый, белый, яркий, сверкающий» [Ожегов, Шведова, 1992]. Таким образом, свойство светоносности метафорически и впрямую относится к разным качествам человека, к максимальному напряжению его духовных и душевых сил.

¹ Один из эпитетов Будды.

Поскольку в Живой Этике человек рассматривается в тесном взаимодействии с физическим и духовным Космосом, лучами далеких светил и планет, встречаются и описания космических излучений. В Ведах бытует представление о пространстве как об океане огня, в Живой Этике находим уточнение: «Пространственный огонь различается по своему напряжению и качеству цвета луча» [Учение... Беспрецедентность, Ч. 2, §332].

Космическим лучам и материи иных, более высоких измерений (которые называются в Живой Этике как фохат, Материя Люцида и др.) приписываются особые свойства цвета и света, но объяснить невидимое обычным глазом возможно только апеллируя к хорошо известным реалиям и повседневным практикам. «Конечно, вибрации лучистых цветов настолько многотонны, что невозможно передать их по бедной гамме Земли. Так же как нельзя уложить симфонию сфер в гамму звуков Земли. Лиловый ваш и фиолетовый не имеют ничего общего с Нашим небесным пурпуром» [Учение... Агни Йога, §89]. «Кроме фохата, земной поверхности достигают истечения светоносной материи – Materia Lucida. Для некоторого зрения она представляется световыми потоками и пятнами в пространстве. Эти химические явления могут быть принимаемы за особенность глаза или даже за дефект зрения, но знание покажет, какое глубокое значение они имеют для организма. <...> Явления огненной стихии можно сравнить с наиболее напряженным цветом электричества, но световая схема электричества ограничена, тогда как разнообразие химических световых искр фохата превосходит всякое воображение. Тип света фохата равен драгоценным кристаллам» [Учение... Агни Йога, §144].

Согласно текстам Живой Этики, разнообразные световые явления, окрашенные во все цвета радуги – «цветные звезды», возникают при соприкосновении внешних энергий с излучениями человека. Человек привлекает к себе из пространства лучи определенного качества и длины волны, так как психическая энергия по подобию с электрической обладает свойствами магнита. «Эманации грядущих волн окружают человека и окрашивают своим химизмом приближающиеся частицы энергии. Это химическое основание так называемых цветных звезд. Планетные тела сияют разными светами, также научны будут искры психической энергии. Огни центров также сияют различно, в зависимости от химизма металлов тела» [Учение... Агни Йога, §595].

Символика и чувство цвета в творчестве Мастера

Позволяю себе прибавить несколько строк об искусстве Н.К. Ибо в искусстве его я прежде всего люблю чистоту, прозрачность и бесконечное разнообразие красочных сочетаний, при необычной мощи и глубине тонов. Каждая картина – прекрасная симфония красочных созвучий!

Е.И. Перих. Письмо от 19.06.1933

...Перихом нельзя не восхищаться, мимо его драгоценных полотен нельзя пройти без волнения. Даже для профана, который видит живопись смутно, как во сне, и принимает ее постольку, поскольку она воспроизводит знакомую действительность, картины Периха полны странного очарования: так сорока восхищается бриллиантом, даже не зная его великой и особой ценности для людей. Ибо богатство его красок беспредельно, а с ним беспредельна и щедрость, всегда неожиданная, всегда радующая глаза и душу; видеть картину Периха – это всегда видеть новое, то, чего вы не видали никогда и нигде, даже у самого Периха.

Леонид Андреев. Держава Периха

Объясняя процесс художественного творчества, Мастер отдает приоритет духовной интуиции, полагая, что использование цвета лучше всего происходит по наитию. «Однажды Брюллов в шутку сказал, что искусство чрезвычайно просто: «Нужно только взять верную краску и положить ее на верное место». По сути, мастер, большой специалист, говорил верно. Именно, применяя цвет, необходимо сделать так как нужно, и нечто шепнет, где это «так как нужно»» [Перих Н., 1995в].

Но он не ограничивается цветом.

Николай Перих, опираясь на философию Живой Этики, говорил о культуре как о почитании Света, тем самым обозначая ее сакральную сущность. Философия божественного Света, насыщающего и питающего все живое, коррелирует с пониманием самосветимости высокого человеческого духа, которым обладали святые, герои и подвижники.

Проблематика осмысления духовного Света была актуальна среди русских философов-космистов первой половины XX в. В частности, отец Павел Флоренский пытался найти корреляцию божественного Света и физического, определяющую течение времени. Он «создал свой неповторимый образ Вселенной». Здесь дух является причиной возникновения света, а мысль летит по Вселенной быстрее всех скоростей. Границы же нашего земного мира

очерчивает радиус светового луча, пробегая свой путь за одну секунду. <...> Получается, что физически мы пребываем здесь в пределах скорости света, а мысленно проникаем во все измерения ми-роздания, свернулось в клубок наше земное время, вмещающая прошлое, будущее и настоящее. Это есть реальная вечность» [Кедров, 2001, с. 140].

По мнению Л.В. Шапошниковой, художник находится на границе «того» и небытийного Света и этого света, мирского, и приносит отблески нездешнего света в обыденный мир через искусство [Шапошникова, 2001].

Светоносность – главный герой многих сюжетных картин Н.К. Рериха, например, полотен «Христос», «Христос и голова великана», «Fiat Rex», «Чинтамани» и др. На них изображен духовный свет, причем не символически, как на христианских и буддийских иконах. Художник пытается сочетанием цветов передать ощущение световой волны. Этот духовный свет различен по цвету – светло-желтый, голубой, напряженный синий (кобальт синий), розово-золотой. А использованный художником прием сухой кисти придает этому свечению воспринимаемую буквально корпускулярность. Светятся также вершины гор на некоторых картинах, особенно это заметно в отсутствии верхнего освещения в музеиных залах. Позднее младший сын Николая Константиновича, художник и философ искусства С.Н. Рерих напишет о том, как на трехмерном пространстве полотна создается новое измерение – светоносность. «Качества сияния света можно достичь благодаря тому, что называют разложением цвета, или техникой раздельного мазка, а путем выстраивания ряда поверхностей разложенным на оттенки цветом можно создать иллюзию света. Наилучшим материалом для передачи света является темпера. <...> Желтый является самым ярким имеющимся у нас цветом для передачи света. Белый не обладает таким качеством светонасыщенности, хотя как цвет он светлее. При использовании белого и самых светлых из лимонно-желтых цветов, накладываемых друг на друга приемом разложенного на оттенки цвета, достигается эффект мерцающей поверхности» [Рерих С., 2004, с. 72–73]. Раскрывая секреты мастерства, свои и своего отца, С.Н. Рерих писал, что «почти что всякий оттенок может быть использован для изображения света и может рассматриваться как цвет света, но не все цвета обладают одинаковой ценностью с точки зрения передачи света» [там же].

В современных трудах о психологии восприятия цвета говорится о том, что «цвет имеет значение с точки зрения захвата

скрытого внимания эмоциональными стимулами, влияет на паттерны фиксации внимания, обсуждается роль цвета в пробуждении эмоциональных реакций» [Blue … , 2020, р. 36]. При этом безусловно важен сюжет живописных полотен, поскольку человек «реагирует на конгруэнтность цвета и содержания, а не на цвет сам по себе. Этот эффект дополнительно модулируется эмоциональным содержанием» [Ibid., р. 44].

Усиление психологического свойства цвета происходит благодаря его взаимодействию с соседними цветами, «пространственно цвета влияют друг на друга через процесс, называемый одновременным контрастом» [Hanson, 2012].

Падающий свет или фильтр меняют восприятие цвета [Mikellides, 2012, р. 18], в данном же случае мы видим, что некоторые цветовые сочетания в полусумраке обладают эффектом «самосветимости» – они не излучают свет в прямом смысле, но как бы концентрируют на себе слабые солнечные лучи. Николай Рерих пользовался обычной темперой фирмы Lefranc, но среди его сотрудников ходили легенды, что он добавлял в нее минералы, собранные в Гималаях, где он прожил последние годы своей жизни. Возможно, эти легенды – только лишь дань мастерству художника, так же как известная картина учителя Николая Рериха, русского художника Архипа Куинджи «Ночь на Днепре» (1880) вызывала пересуды о якобы спрятанной за ней специальной лампе, вызывающей эффект лунного сияния.

Говоря и о живописи, и о литературном творчестве Н.К. Рериха, следует вспомнить слова Святослава Николаевича: «Мы учимся думать на языке красок…» [Рерих С., 2004, с. 60]. Художник действительно не только видит больше обычных людей, но и думает иными категориями, в которых цвет представляет качественную характеристику всех проявлений материального и духовного миров. В их произведениях, несомненно, есть «чудотворность в расположении красок и линий», которую Н.К. Рерих противопоставлял «формальному заполнению холста» [Рерих Н., 1995а, с. 444]. То есть удачное сочетание цветов создает приращение смысла и меняет качество материи.

Философия цвета и света в Живой Этике подразумевает неразрывное их сущностное единство при многообразии проявлений. Цвет и свет характеризуют явления духовного мира, их качество и нюансы. Цвет и свет являются ДЕЙСТВИЕМ объектов материального мира, категорией мышления, пластической материей для создания Красоты в ее высшем, спасительном смысле.

Живопись Н.К. Периха, с одной стороны, это материя, проработанная духом (по определению о. Павла Флоренского в его учении о пневматосфере). С другой – это дух, воплощенный в материю, где цвет проявляет себя как претворенная душой художника и запечатленная на трехмерном пространстве холста любовь многомерной Вселенной.

Николай Перих был художником, творившим красоту не только кистью, но и словом. Его литературное наследие состоит из нескольких книг, куда вошли более тысячи очерков. Тематика их чрезвычайно разнообразна, но с неизменной повторяемостью там встречаются эссе о предназначении художника – его миссии творить Красоту и гармонию в обыденной жизни.

Н.К. Перих горячо ратовал за сохранение культурного наследия России и был знаком с ним не понаслышке, поскольку писал этюды во многих древнерусских городах, и много позже он вспоминал один из таких эпизодов: «В лабиринте церковных переходов в Ростове каждая из крошечных дверок поражает вас неожиданно красивым цветовым аккордом. Сквозь поразительно прозрачную бледность пепельно-серых стен просвечивают мягко очерченные образы. В некоторых местах вдруг ощущаешь горячий жар раскаленно-красных и коричневых тонов; в других веет покоем от синей прозелени; и вдруг, внезапно останавливаешься, как от строгого слова из Писания, натолкнувшись на призрачный образ цвета охры» [Перих Н., 1995в, с. 294]. Каждый из описанных цветов имеет эмоциональную окраску, ассоциацию, дополнительную образность.

Литературное наследие Николая Периха включает в себя и путевые дневники «Алтай–Гималаи», созданные на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции (1923–1928), и множество философских эссе, объединенных в разные книги. Мыслитель и художник практически не рассуждает в них о цвете, но цвет постоянно присутствует как неотъемлемая часть любого описания внешнего мира. «...Колорит – понятие географическое. Наше зрение, вкусы, восприятия формирует земля, натура, и художнику в первую очередь нужна натура» [Козар, 2004, с. 344]. Перих описывает цвет одежд, буддийских икон, элементов ландшафта. Стесненный условностью слов, он пытается передать оттенки, которые он легко мог бы изобразить, если бы в руках у него была кисть и краски. Например, лиловый в его книге может быть опалово-лиловым, лилово-серым и др. Он активно использует глагольные формы – лиловеть, синеть и т.п. «Вечером необыкновенно

прозрачно лиловеют горы и ало пылают под заходящим солнцем песчаные склоны» [Перих Н., 1995а, с. 289]. «Утром засияло красно солнышко, в буквальном смысле, а все бугры и горы забелели, зарозовели и засинели в нежданном снеговом уборе» [там же, с. 380]. То есть цвет становится действием, которое могут позволить себе цветы, горы, степь...

Космическая эссеистика

При ближайшей оказии перешло в Харбин последние записные листы. Там будет полезно еще раз прочесть о взаимном уважении и дружелюбии, словом, обо всем том, что на всем земном шаре лежит в основе дел.

Н.К. Перих. Дневник Маньчжурской экспедиции. 13.03.1935

...Обычно не обращают внимания на цементирование пространства. Скажут – к чему посыпать почти одинаковые мысли? Но в них Мы наполняем пространство. Мало иметь решение, нужно около него создать атмосферу, и такая пряжа требует долгого труда. Так, люди должны понять, что их намерения должны быть окутаны предохранительной тканью. Многое может облегчиться, если направить к этому постоянную спокойную и утвердительную мысль.

Учение Живой Этики. Надземное, §374

Н.К. Перих помимо того, что был мастером живописи, был и мастером слова. Очерки Периха публиковались в разных изданиях, начиная еще с дореволюционных российских газет. Сначала это была публицистика, самые ранние статьи были посвящены охоте и его натуралистическим наблюдениям. Чуть позже Перих-археолог публикует свои теоретические размышления и археологические открытия, в том числе и в научных изданиях [Материалы ..., 1899].

Публицистика Периха очень разнообразна по содержанию – от обсуждения новых выставок и произведений коллег по цеху до полемических воззваний на злободневные темы. И эти публикации вызывали живой отклик: «...Как-то непривычно среди всеобщего стенанья услыхать простой и здоровый голос, зовущий к радости труда, убеждающий отбросить, как ненужный балласт, всякое раздвоение... личности. Что-то стихийное слышится в этом зове – в нем древний смысл, оживленный современной интонацией, – писал известный критик С. Яремич об очерке “Подземная Русь” (газета «Речь», 4/17 янв. 1914 г.). – ...Редко кому удавалось выразить

с большей силой чувство красоты родной природы, при всей ее видимой скудости и однообразии, как это находим у Рериха... В более праздничном наряде никому не рисовался наш “Север-чародей”» [Николай Рерих ..., 2005, с. 196–197].

Он начинал с маленьких, но наполненных глубокими философскими смыслами, сказок и белых стихов. В 1910-х годах художник пишет сказки и притчи, которые были потом собраны и изданы в 1914 г. с другими его известными произведениями в «Собрании сочинений» [Рерих Н., 1914], а в 1916 г. – в его альбоме [Рерих Н., 1916]. Некоторые из этих сказок, например «Девассари Абунту», «Луахми Победительница», «Заповедь Гайатри», были вдохновлены индийской культурой, во многих прослеживалась связь с глубокой архаикой, которую Рерих знал не понаслышке, а глубоко изучал, будучи профессиональным археологом, имевшим открытый лист на раскопки.

Его книгу «Цветы Мории» (1921) [Рерих Н., 1921] справедливо считают своеобразным «поэтическим предисловием» к текстам учения Живой Этики, поскольку в этих точенных стихах уже были заложены зерна мыслей, которые потом будут развиваться в философском учении. Структура этого сборника включает в себя разделы «Священные знаки», «Благословенному», «Мальчику» и великолепную завораживающую мини-поэму «Наставление ловцу, входящему в лес». Рерих, начинавший писать как охотник, теперь, используя глубокий символизм образов охотника и добычи, говорит о духовном достижении:

*И перед
тобой расцветет вереск
счастья. Но он цветет
на высотах.
И будет лучший загон не
у подножья холма. Но твоя
добыча пойдет через хребет.
И пылая на небе, поднимаясь над
вершиной, она остановится.
И будет озираться. И ты не
медли тогда. Это твой час.
И ты и добыча будет на
высотах.*

С 1920-х годов начинают выходить его книги и эссе на английском языке. В частности, в Нью-Йорке, где был основан Музей Периха, связанный с этим музеем Международный центр искусств Corona Mundi издал новую книгу Мастера – «Адамант» [Roerich N., 1922]. Она собиралась одновременно с книгой «Пути Благословения» [Перих Н., 1924] на русском языке, и эти обе книги частично пересекаются. В это время Перих уже собирался уехать в Индию и как бы обобщал свой опыт культур-философского анализа за предыдущие годы – от наново переосмыслинной реальности каменного века, до наблюдений над западными реалиями и как бы мы сейчас сказали – культурными трендами.

Уйдя от суэтного мира на просторы Азии, на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Перих продолжил эту работу, записывая размышления на документальном материале, размышляя о пути, истории, культуре и Вечности. Эти очерки сложились в цельные книги – «Алтай–Гималаи» [Roerich N., 1929], «Сердце Азии» [Перих Н., 1929], «Шамбала» [Roerich N., 1930]. Последняя из перечисленных книг, кстати, была одной из первых, переведенных на русский язык в постсоветской России [Перих Н., 1994], и этот перевод был сделан со знанием дела ведущим периховедом и основателем Музея им. Н.К. Периха Л.В. Шапошниковой. Книгу открывает очерк «Шамбала Сияющая», который написан как разговор с Высоким Ламой, который приоткрывает завесу таинственности над этим священным для буддистов местом и понятием. «За легендами о Шамбале, Великих Мудрецах, Чудесном Камне стоит энергетическая реальность нашей Планеты, – пишет Л.В. Шапошникова, опираясь на записи Н.К. Периха и его картины. – Легенда о Заповедной Стране связана с особым местом на земле, где формируется общая энергетика, необходимая для эволюционного движения земного человечества. За преданиями о Великих Мудрецах стоят духовные учителя. Познавшие действие Великих Законов Космоса и владеющие искусством разумно пользоваться силами природы» [Шапошникова, 1994, с. 11–12].

И очерки Н.К. Периха, с одной стороны, устремлены в эту высокую Реальность, а с другой – несут в себе искры ее духовного огня, который зажигает сознание непредвзятого и заинтересованного читателя. В то же время в наблюдениях, сделанных на маршруте экспедиции, художник отмечает упадок, в который приходит буддийская культура в Тибете в 1920-е годы, где среди монашества развелось много «бездельников и лентяев».

«Держава Света» [Перих Н., 1931] и «Твердыня Пламенная» [Перих Н., 1932] – книги, собранные в 1930-е годы, в период деятельности подготовки Пакта Периха, и эссе, объединенные в них, – о разных качествах и назначении культуры, о значимости культурного наследия для будущего человечества.

Потом складываются и другие книги: «Священный Дозор» [Перих Н., 1934], «Врата в Будущее» [Перих Н., 1936а], «Нерушимое» [Перих Н., 1936б]. Но помимо собранных в книги было еще множество эссе, которые разрозненными публиковались в прессе на русском и английском языках.

«Очерки Н.К. Периха создавались в разное время, по разным поводам и в разных обстоятельствах. Многие из них были связаны с его культурной работой в разных странах, деятельностью художественных и образовательных учреждений, с продвижением идей Пакта Периха в мире. В них присутствует анализ происходящих событий, размышления о судьбах человечества в прошлом, настоящем и будущем. Перих писал о достижениях медицины, археологических раскопках, развитии науки и в то же время о еще не познанных явлениях, особенностях человеческой природы, искусстве и практически обо всем. И каких бы вопросов он ни касался, главной всегда оставалась тема духовного, нравственного совершенствования человека. Обладая глубокими знаниями и уникальной способностью к синтезу, Н.К. Перих, по сути, формировал в своих очерках единую систему познания, где органично присутствовали не только интересные для науки явления и факты, но и методы их постижения (логика мышления, сердечное чувствование, интуитивное прозрение, широта сознания и др.), а также методология исследования. Обращаясь к повседневным нуждам человека на земле, Перих соотносил его жизнь и деяния с космическими процессами. События, процессы, явления, судьбы людей, их чаяния, стремления были рассмотрены автором с точки зрения единой эволюции человека, планеты и космоса» [Дьяченко, 2013].

В литературном наследии Периха особенно выделяются «Листы дневника», или Записные листы, как он сам их называл, – труд, в котором представлен широкий спектр духовно-нравственных, философских и культурологических проблем с привлечением обширного исторического материала. Планируя в будущем собрать все очерки воедино, Н.К. Перих пишет: «От издательства при той книге можно включить также следующее: «Листы дневника появлялись в различных газетах и журналах Америки, Европы, Индии и Дальнего Востока. Некоторые из них являются как бы

развитием предыдущей мысли, но издательство сохраняет их под датою дня их написания, что тем более обрисовывает течение мысли автора". При издании книги такое замечание тем более пригодится, что кому-то, может быть, покажется, почему продолжение развития той же мысли, входит в разные дни, но сами события или известия прессы или размышления невольно заставляли углублять некоторые положения» [Рерих Н., 2015, с. 127]. Первый опыт объединения своих очерков в сборник с подзаголовком «Листы дневника» был сделан самим автором, и эта книга носила название «Химават» [Roerich N., 1946].

Этот проект осуществился уже в конце XX в. как «Листы дневника» [Рерих Н., 1995–1996], изданные в трех томах, и начинаются они с записей периода Маньчжурской экспедиции (1934–1935). В экспедиции они были его ежедневной работой, он их надиктовывал, их печатали на машинке, и они частично были переведены на английский язык и публиковались по отдельности. Эти тексты, собранные вместе, обретают характеристики метатекста, обладающего собственными внутренними закономерностями.

То есть Записные листы Николая Константиновича как метатекст, так же как и тексты Живой Этики в их целокупности, представляют собой энергетическую спираль, при каждом новом витке раскрывающую новые грани той или иной идеи. Эти очерки представляют собой «ту новую литературу, где ощущается дыхание будущей эволюционной эпохи, будущих новых средств выражения и будущей эстетики» [Шапошникова, 1995, с. 23]. Они выходят далеко за рамки обыденного мышления, раздвигают горизонты и открывают путь к постижению Высшего. Собранные вместе, они сверкают разными гранями познания, передавая всю полноту Мироздания.

Так же как и тексты Живой Этики, очерки насыщены символами и отсылками к широкому пласту мировой культуры и прецедентным текстам древности [Лавренова, 2022]. Прецедентным текстам свойственен семиотический способ их использования, «когда обращение к оригинальному текстудается намеком, отсылкой, признаком, и тем самым в процесс коммуникации включается либо весь текст, либо <...> отдельные его фрагменты. В этом случае весь текст или значительный его фрагмент выступают как целостная единица обозначения» [Караулов, 2010, с. 217]. И Живая Этика, так же как и многочисленные эссе Н.К. Рериха, не исключение в этом правиле – то или иное узнаваемое слово (термин, имя, топоним) используется как «знак, отсылающий к тексту-источнику,

представляющий его по принципу “часть вместо целого”» [Щибря, 2011, с. 57].

Как и Живая Этика, метатекст очерков Н.К. Рериха многоуровневый, многослойный. Он открывается по сознанию и по звунию, а также обладает свойством вневременности – несмотря на то что многие из этих эссе создавались как бы в качестве отклика на те или инфе события, они не теряют актуальности и к ним можно возвращаться вновь и вновь, находя новые смыслы.

Л.В. Шапошникова много писала о «законе двойственности», присущему изначальному мифу из-за его причастности небу и земле, об энергетическом процессе взаимодействия духа и материи, разворачивающемся в веках [Шапошникова, 1996]. И структура, и композиция каждого из очерков Мастера также чаще всего двойственные, соединяющие земное и Надземное – эссе обычно начинается с какого-то земного события, а далее мысль автора воспаряет к высшим аспектам Бытия, которые освещаются в том числе и в контексте философии космической реальности. Поэтому можно сказать, что метатекст литературных очерков Н.К. Рериха – это развитие идей Живой Этики от Высшего к повседневности, и наоборот – это указанный Рерихом путь, как подробности повседневной жизни при возвышенном настрое сознания могут слагаться в ступени, ведущие к Несказуемому.

Водитель Маньчжурской экспедиции Н.В. Грамматчиков вспоминает, как в походной палатке на его глазах рождалось очередное эссе. Источником вдохновения могла стать заглохшая машина, «потерявшая искру», и в очерке, надиктованном тем же вечером, Николай Константинович размышлял об искре духа, без которой не может совершаться ни одно важное дело. Каждое событие становилось отправным моментом для нетривиального ассоциативного ряда и размышлений, имеющих космический размах, выводящих сознание за рамки обыденности.

«Такие понятия, как синтез, культура, красота, и особенно искусство, Рерих считал основополагающими эволюционными вехами», – пишет Л.В. Шапошникова [Шапошникова, 1995, с. 23]. Николай Константинович «много писал о синтезе как одном из важнейших направлений современного эволюционного процесса. Он сумел воплотить этот синтез в своих литературных произведениях, где гармонично сочетаются Красота, Знание и Мысль» [там же, с. 32], воплотить в жизнь идеи Живой Этики о дисциплине и творчестве мышления – его Записные листы пример того, как из

грубого субстрата повседневности вырастает цветок огненной мысли, впитывающий лучи дальних миров и иных светил.

Н.К. Перих в своей эссеистике развивает многие темы философии Живой Этики. Один из наиболее возвышенных и поэтических очерков – «Он» – был написан на маршруте экспедиции, в степях Внутренней Монголии. В этом очерке как мнемоническая спираль ската мысль, проходящая через всю Живую Этику, о постоянном одухотворении реальности Высшими Веяниями:

«В полном безветрии затрепещет ли ветка на дереве, думаете: Он ли? На тихом лугу вдруг завьется, закружится травинка, а движения воздуха не слышно. – Он ли? Из далей протянемся зовущий звук, точно бы звучание рога или чей-то призыв. – Он ли? Со скалы покатился камешек. — Он ли? Конь прервал бег и одинокий в степи слушает что-то; поднята голова, ноздри напряжены, грива и хвост развеялись по ветру. – Он ли? Пес вдруг остановился; поднята морда, слегка машет хвостом, глаза устремлены. – Он ли? Зашуршал на скате песок. – Он ли? Человек вышел из юрты, что-то слушает, куда-то глядит. – Он ли? Ветер запел еще неслыханную мелодию, гремит и звенит, в нем слышится какое-то почти внятное слово. – Он ли? Загрохотал гром, молния блеснула, все встрепенулись, обернулись. – Он ли? Все замолкло, так напряглось в молчании и так наполнилось. – Он ли?

Присутствие, Великое Присутствие наполняет природу. С чего бы колыхаться травинке, почему трепетать ветке дерева, откуда хруст валежника, почему срывается песок с горы, почему и куда всматривается напряженно собака? Он идет. Он приближается. Если сосчитать удары сердца, то в их ускоренности, в их наполнении можно понять, насколько сущность знает приближение. Он неслышно идет. Он не испугает. Он обережет и, если даже дотронется в ведении, то и это прикосновение будет непередаваемо земным словом» [Перих Н., 1995а, с. 617].

В статье «Да процветут пустыни», может быть, впервые для общественного сознания был поднят вопрос антропогенного происхождения пустынь и их мелиорации. Переведенный на английский язык, этот очерк произвел чрезвычайно сильное впечатление на президента Рузвельта [Walker, 1934–1936]. В очерке «Сад будущего», написанном в Пекине, пройдя полупустыни и степи Маньчжурии в 1934 г. и готовясь к новому маршруту во Внутренней Монголии, Перих снова и снова возвращается к мысли о недопустимости небрежного отношения человека к родной планете:

«Конечно, легче не допустить первоначальное заболевание местности, нежели потом бороться с мертвенною стихией. <...> Конечно, не скроем от себя, что нечего только винить козлов и баранов, ибо сами двуногие жестоким и часто бессмысленным истреблением лесов действуют с еще большей вредоносностью. <...> Тем благороднее задача тех правителей, которые стараются предупредить это бедствие человечества и, насколько возможно, залечить раны, причиненные когда-то чьим-то неведением. Конечно, окраинные барханы монгольской Гоби являются наилучшей областью для наблюдения над засухостойкими растениями. Те породы трав и прочей растительности, которые удержались, несмотря на соседство страшных песков Такла-Макана, конечно, представляют из себя достойных пионеров для зарождения растительности в оголенных местах. В этом случае *чисто ботаническая задача является и делом гуманитарным в полном его значении* (выделено мной. – О. Л.)» [Перих Н., 1995а, с. 280].

«Несомненно, что условия Монголии на границе степи и барханной пустыни могут давать множество поучительных примеров. Когда из Гоби, из далекого Такла-Макана приносятся вихрями клубы песка и пыли, иногда можно опасаться, что местная, вообще поздно появляющаяся растительность не выдержит, но любопытно наблюдать, как, несмотря на всякие затруднения, трава все же начинает пробиваться» [там же, с. 504]. «Не так много разновидностей этих сухостойких трав и кустарников. Очевидно, в веках произошел отбор. В то время как в соседней Маньчжурии, где условия немногим сравнительно отличаются, имеется более восемьсот видов растений, тогда как в барханной Монголии, по-видимому, их не более трехсот» [там же].

Спектр тем, затронутых в этих очерках, чрезвычайно широк и злободневен. В них обсуждался и строительный потенциал Маньчжурии и Внутренней Монголии, и основные принципы концепции культуры как почитания Света и принципы приложения этих идей в жизни каждого дня, и ценность искусства, и соответственно, значение Пакта Периха в метаисторической и ближайшей исторической перспективе: «Сперва опознаем и сбережем Культуру, а затем и сами банкноты страны станут привлекательными» (пророческие слова, если вспомнить, сколько сейчас зарабатывают на культурном туризме некоторые страны) [там же, с. 137].

Героями очерков становились и институт Фан Мемориал, и его программа исследований, и «длинное ухо Азии» – информационная проницаемость, казалось бы, безлюдного пространства

пустынь, и наполненность этого пространства легендами и таинственными смыслами. В пустынях Азии, в лагере Тимур Хада во Внутренней Монголии, был написан и один из самых сакральных записных листов «Он» – о трепетном и торжественном ожидании и предчувствии прикосновения Высшего.

В этих очерках Николай Константинович размышляет также о первопричинах клеветы и злобы, находя ее прежде всего в невежестве, и показывает пути достойного отступления культуры в «Катакомбы» под натиском невежества, пришедшего к власти. Духовное творчество, уйдя под давлением обстоятельств в подполье, должно стать еще насыщеннее и напряженнее, выравнивая чаши мировых весов от исторических перекосов. Как показывают письма Н.К. Рериха, очерк «Катакомбы» был написан именно с учетом ситуации в Харбине.

Эссе, затрагивающие разные аспекты культуры, основаны на тонком понимании исторических процессов и перспектив развития, и все они выстроены в соответствии с единой концепцией культуры. Согласно этой концепции, культура – это проявление человеческого духа, и культурное наследие представляет собой созданную в веках лестницу к духовным восхождениям. Культура – не простая совокупность артефактов и текстов, но cult-Ur, «поклонение Свету».

Пакт Рериха, международный договор о защите художественных и научных учреждений и исторических памятников, подписанный в Вашингтоне 15 апреля 1935 г. двадцать одной страной Панамериканского союза, – отдельная тема в Записных листах. Этот договор был подписан благодаря широкому общественному движению, которое инициировали Рерих и его сотрудники. В 30-е годы XX в. по всему миру была развернута целая сеть культурных организаций, объединенных идеей Знамени Мира и друзей Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. Многие из них вели серьезную культурно-просветительскую работу, руководствуясь гуманистическим мировоззрением Н.К. Рериха, его проектом создания международного закона и общественного движения в защиту культурного наследия. И это движение постоянно подпитывалось статьями и письмами Мастера – о беспрецедентном и определяющем значении культуры в жизни общества, в формировании как национальной идентичности, так и «всечеловечности» любого народа. Николай Константинович активно направлял деятельность своих единомышленников, вдохновлял их, объясняя основные положе-

ния своей философии культуры и конкретные практические действия, необходимые для организации подписания Пакта.

Надо отметить, что до того, как вышел из печати первый том «Листов дневника», сотрудники Международного Центра Перихов в юбилейный для Пакта 1995 год собрали в один том многочисленные очерки, посвященные именно этой проблематике. Эта книга вышла под названием «Знамя Мира» [Знамя … , 1995], где и были наиболее полно представлены мысли Мастера, его возвзвания и письма.

Более поздние философские эссе, созданные после того, как Н.К. Перих вернулся в Индию, чтобы уже остаться там навсегда, еще больше расширяют тематический и географический спектр. Мысль Мастера устремляется в разные уголки земли, где формируется какое-либо строительное начинание или, напротив, где совершаются преступления против человечества и культуры. Мы видим энциклопедический охват проблем и событий, философско-личностное осмысление всего, что происходит в мире. И чем сильнее сгущаются тучи в преддверии Второй мировой войны, тем чаще в очерках сквозят тревога, боль и – стоицизм и надежда. На каждую боль мира Перих отвечает не только сопереживанием, но и твердой верой в грядущую победу гуманизма, который должен стать основополагающим качеством человечества. Привести к этому, опять же, могут только культура, красота и искусство. «Красота представляет собой вселенскую гармонию, порядок, само мироздание. Красота – это то, что возникает в результате борьбы Космоса с хаосом и победы первого над последним» [Шапошникова, 1995, с. 24].

В очерках великое множество имен, упоминаются современники Периха – художники, учёные, философы, композиторы, политические деятели. Со многими из них, даже с коронованными особами (например, королем Югославии Александром), художник и мыслитель имел переписку и творческий взаимообмен мыслями. Есть и другие имена – великих мыслителей прошлого, библейских персонажей и великих святых христианской, индуистской и буддийской традиций. Все они вовлечены в единую культурную историю, единую судьбу, сложившую современное человечество. Они – люди подвига. Если рассматривать национальную культуру в не-разрывной связи с историческими личностями, творившими ее, то, например, культура России в литературном наследии Периха представляется моноцентричным образованием. Центральная легендарно-историческая личность, на которой держится образ России, – Преподобный Сергий Радонежский.

Темой Записных листов становится и такая высокая и, казалось бы, анахроничная категория, как *подвиг* в контексте сущности бытия современников. На подвиге строятся основные вехи пути восхождения человечества. Эта тема проходит красной нитью в очерках периода Великой Отечественной войны, когда Рерихи из Индии с тревогой и надеждой следили за сводками с фронта.

Все темы, поднятые в Записных листах, не только не теряют актуальности со временем, но становятся все более злободневными, так как более полувека назад, когда Рерих писал эти эссе, он смог увидеть, описать, оценить зарождение основных проблем человечества и предугадать ход их развития и их трагическую и судьбоносную значимость для будущего народов.

Мозаика очерков создает картину волн истории, то возносящих человечество к высотам духа, то низводящих его в бездны невежества. Рерих «ощущал, как никто другой, единый и целостный процесс движения материи человеческой истории» [Шапошникова, 1995, с. 20]. Он уже тогда писал об Армагеддоне культуры – как о последней войне духа, в которой решается быть или не быть человечеству. Он размышлял о мученичестве культуры, страдающей от рук современных варваров, а сегодня помимо «тихих по-громов» и разрушений во время военных действий добавилась проблема тотальной «варваризации» общества, когда утрачивается сам язык культуры и молодое поколение в основной массе уже не может без специального толкового словаря читать произведения классиков. Более того, в прошлое уходят не только слова, но и многие высокие понятия, которые они обозначали. Культура выхолащивается и «выполаживается» как рельеф древних гор – ее вершины истираются в песок, который отлагается в долинах.

Еще один спектр актуальности Записных листов Рериха – усиление роли Азии в современном мире, которое было им предугадано более полувека назад. Рерих, конечно, учитывал прежде всего духовный аспект, из которого уже проис текают все остальные аспекты жизни. Художник писал о неотъемлемой устремленности западных культур к таинствам Духа, поиску заповедной страны или исконного города Духа в Азии, и о том, что в лучших достижениях западных культур, в том числе и русской, прослеживается их связь с Востоком, уходящая в глубь веков, во времена великого переселения народов и монгольского нашествия, докатившегося до границ Европы.

Еще в прошлом веке Рерих писал о наполненности пространства информацией в связи с развитием технических средств цивили-

зации – тогда он писал о радиоволнах, об их вездесущности, о том, что с их появлением пространство изменяется качественно. Сейчас информационная насыщенность околосземных сфер возросла в несколько порядков, даже безлюдные места пронизаны излучениями благодаря спутниковой связи. Это заботит ученых с точки зрения биологических мутаций под воздействием электромагнитных волн и полей, но практически никто не ставит вопрос в философском контексте. Обращение к философской эссеистике Периха позволяет взглянуть на эту проблему комплексно – как не меняя ничего вовне, информация искажает саму природу пространства, изначально пронизанного лишь солнечными и космическими лучами и потому живившегося. Пространство культуры насыщено духовными магнитами храмов и памятных мест, скреплено преданиями и легендами. Если этот информационный пласт ослабевает, культурное пространство распадается, музефицируется, становится разрозненным собранием артефактов прошлого, лишенных живой пульсирующей связи, придающей им смысл.

Перих много писал о русской эмиграции, которая после 1917 г., с одной стороны, обрела характер бедствия, «гуманитарной катастрофы», с другой – эта волна, выплеснувшись за пределы России, оплодотворила иные народы новыми духовными силами, породила великие художественные и философские произведения, еще больше раскрывшие творческий потенциал русского народа. Эмиграция рассматривалась им как расширение границ России, обретение русской культурой всемирного масштаба. Эмиграция сродни великому переселению народов, его причины Перих видел не в поиске новых пастищ, а в космических веяниях, о чем он не раз писал в своих очерках. Тот же самый процесс охватил Землю в начале XX в.: «С 1914 года человечество пришло в космическое беспокойство. <...> Все поднялось. Все поехало» [Перих Н., 1992г, с. 112]. Переселение народов – это прежде всего энергообмен, который происходит в глобальных масштабах, обусловливая неожиданные и плодотворные сочетания. Сегодня движение людских множеств по лицу Земли вновь начинает обретать характер гуманитарной и социальной катастрофы, и только осмысление ее с точки зрения взаимного обмена энергией культуры может помочь увидеть пути выхода из кризиса.

Очерки Николая Константиновича при всей своей космичности укоренены в русской культуре, им присущ особый интонационный строй с оттенками петербургской утонченной интеллигентности, питанной с детства. Написанные вдали от Родины, они

тем не менее возвращают читателя к историческим корням, лучшим традициям дореволюционной России, сейчас уже невозвратно потерянным, поскольку в прошлом веке ушли из жизни последние носители этой культуры.

И наконец, эссе написаны удивительно богатым и одновременно лаконичным языком, стилистически многообразны – от протокольного языка обращений к высоким собраниям до поэтических описаний и психологических этюдов. В них сконцентрирована, как сжатая пружина, напряженнейшая и тончайшая энергия слова, побуждающая к действию.

* * *

В изверившемся ХХ веке очерки Н.К. Рериха не были отвлеченной литературой, они звали к подвигу, давали понимание значения красоты и героизма в жизни каждого дня, указывали путь к духовному совершенствованию. Записные листы, как уже отмечалось, частично были опубликованы при жизни автора по всему миру – так происходило своеобразное напитывание мирового информационного поля энергией огненной мысли Мастера, то самое «цементирование пространства», о котором говорилось в философии Живой Этики. Публикации очерков по отдельности как искры становились импульсом, благодаря которому в разных странах возникали новые очаги культуры, в свою очередь как магнит притягивающие новых полезных сотрудников. Записные листы Н.К. Рериха «синтетичны в своей изначальной сути и соединяют в себе философию и науку, литературу и широчайший объем знаний духовно-исторических и культурных» [Шапошникова, 1995, с. 32].

Это действительно новая эстетика, которая предполагает взаимосвязь красоты мысли и красоты слова, емкую образность и пошаговую, спиральную проработку образов от одного очерка к другому для создания практически голограммического эффекта – наличия глубины. Эта новая литература, в которой словами создается настроение, передающее трепет невыразимо высоких истин – «светлый вздох о Нереченном» [Рерих Н., 1995а, с. 385], пробуждающий в сердце читателя тоску о беспредельности. Это та магия творчества, которая может «обратить материю в дух» [там же], условность слова – в путь к первообразу.

ОБРАЗЫ МИРА И ФИЛОСОФИЯ ГЕОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА¹

Задумайтесь над необъятностью мощи космических сил, нас окружающих! Именно, действуя лишь в полном согласии с космическими законами, человек становится творцом. Он – творец своей судьбы, и в своем коллективе – судьбы планеты. Все силы и энергии Космоса открываются человеку, но лишь при наличии в нем мощного накопления высших энергий, при условии его беспредельного восхождения.

Е.И. Рерих. Письмо от 14.05.1937

Живая Этика несла миру новое энергетическое мировоззрение, говорила о взаимодействии Земли и Вселенной, о множественности миров, о значении Красоты и Культуры в эволюции человечества и планеты. Основной нотой философии пространства в Живой Этике стала Красота. Этим ключом открывались двери в миры иных, более высоких измерений, этой силой в пространстве планеты создавались духовные магниты, влекущие к себе мечты, легенды и устремления, творилось пространство национальных культур и мировой Культуры.

С особой силой эта тема звучит в живописных полотнах Н.К. Рериха. Гимн Красоте Земли в их живописном творчестве становится дорогой в запредельные дали Вселенной, в иные миры, в сокровенные тайны древних легенд и в сужденные свершения грядущего.

«...Прекрасная Истина – в красоте. Космос утверждает на этой формуле эволюцию. Космос направляет мир к овладению красотою» [Учение... Беспрепреклонность, 1930, 178]. Космическая философия Живой Этики устремляет в Беспрепреклонность, но также обозначает закономерности бытия географического пространства

¹ Использованы статьи [Лавренова, 2002; Лавренова, 2016].

планеты. Философия географического пространства, осмысленного в контексте Культуры, получила наибольшее развитие в творчестве Н.К. Периха, художника, мыслителя и путешественника. С другой стороны, его размышления о национальной культуре и живописные полотна, посвященные ей, всегда географичны. Поэтому, говоря о философии географического пространства в наследии отца и сына Рерихов, необходимо учитывать неотделимость в их творчестве пространства планеты от Культуры и Красоты. Если использовать термин, применяемый современной наукой для обозначения этого единства, речь пойдет о философии геокультурного пространства.

Философия ландшафта: пересечение инобытийного и реального пространств

Волнуется океан гималайских туманов. Брезжут миражи. Неясные облики возникают из нагромождений Майи. Из хаоса воспоминаний встают вехи, конечно, они самые главные, иначе они и не показались бы. Прекрасны эти путевые знаки! Они за- слоняют все ужасное, оскорбительное, угрожавшее. Да, да, знак красоты победил. Из глубин сознания засиял именно этот знак победы и утверждения.

Н.К. Рерих. Победа радости

Земля щедро открывает свои тайны художнику, обращающемуся к жанру пейзажной живописи. Но пейзаж – это одномоментный портрет ландшафта, живого, целостного и многофункционального явления. Ландшафт неоднозначен и не исчерпывается пейзажным портретом, он включает в себя, помимо природной компоненты, и артефакты, созданные людьми, и энергоинформационные потоки культуры, генетически связанный с ним. Но именно чувство Красоты позволяет некоторым художникам очень точно подметить и отразить на полотне жизненно важные элементы ландшафта, его энергоинформационное средоточие.

Даже ранние пейзажи Н.К. Рериха, молодого художника, глубоко заинтересованного философией и историей культуры, изначально были серьезнее обычных «ландшафтных портретов». Н.К. Рериху было свойственно изображать узловые элементы культурного ландшафта – наиболее значимые архитектурные и исторические памятники, гармонично вписанные в природный ландшафт. Его пейзажи периода рубежа веков уже несли в себе

исчерпывающую информацию об истории и праистории изображаемого места, отражали сокровенные смысловые моменты сконцентрированной в ландшафте этнической культуры.

Н.К. Рерих был не только художником и мыслителем, но также путешественником. Россия, Европа, Северная Америка, Азия были ему знакомы не понаслышке. На маршруте самой значительной из экспедиций Н.К. Рериха, Центрально-Азиатской, пейзажи Мастера дополняются литературными зарисовками, необыкновенно точно описывающими не только характерные внешние черты ландшафтов, но и их внутреннюю суть. В его живописных произведениях, так же как и в чрезвычайно обширном литературном наследии, но особенно книгах «Алтай–Гималаи» и «Листы дневника», представлена удивительная по своей глубине философия пространства.

«Алтай–Гималаи» – литературная обработка автором путевого дневника Центрально-Азиатской экспедиции. В нем поднимаются вопросы единства корней культур Востока и Запада и единого фокуса их духовного тяготения, имеющего в разных традициях разные названия – Шамбала, Царство Пресвятого Иоанна, Беловодье. По существу, Н.К. Рерихом рассматривалась проблематика единого культурного пространства Евразии, но не умозрительно, а на конкретном историческом, этнографическом, фольклорном и событийном материале. В последней, Маньчжурской экспедиции 1935–1936 гг. Николай Константинович из Записных листов начал складывать единый текст, в котором представлен широкий спектр духовно-нравственных, философских и культурологических проблем с привлечением обширного исторического материала. В сотнях очерков, впоследствии опубликованных как «Листы дневника», последовательно создаются «культурологические портреты» России, Азии, Европы и Америки. Решаются жизненно важные проблемы современности и осмысливаются основные принципы существования этих обширных культурных пространств, дальнейшие пути их развития, их роль и место в формировании ноосферы планеты (если применить к размышлениям Н.К. Рериха принятый современной наукой термин В.И. Вернадского). И с новой силой и глубиной осмысления звучит тема притяжения национальных культур к Светлому Граду.

Сам Николай Константинович был со-творцом культурного пространства в его устремлении к заповедной стране духа. Это выражалось не только в мысли Мастера и его художественном творчестве, но также воплощалось в архитектурном и знаковом

преображении ландшафта. Знаки, которые были важны в геокультурном пространстве для пытливого взора путешественника, не только считывались и осмысливались, но также создавались на значимых местах. «Рисую план субургана на месте Шамбалы, где останавливался на ночлег Великий Держатель», – писал Н.К. Рерих в путевом дневнике [Рерих Н., 1992а, с. 298]. В Шарагольджи, на пути Центрально-Азиатской экспедиции из Монголии в Тибет, была построена памятная ступа по рисункам Н.К. Рериха. То есть место, указанное в легендах, Рерихи зафиксировали священным сооружением, которое было выстроено по всем правилам буддизма и освящено Ламами.

Живописным полотнам Н.К. Рериха также присуще изображение пространства в самой сокровенной его динамике – в устремленности к духовному фокусу планеты, в причастности Культуре и Красоте. Основной темой изображаемого великим художником ландшафта (на полотне или на писчей бумаге) становится его сакральность, насыщенность общечеловеческими духовными символами, его связь с заповедной страной духа.

С внутренней духовной сущностью ландшафта связана проявленная в нем национальная культура, особенности вписанной в пейзаж храмовой архитектуры и ее символики. В путевых дневниках Н.К. Рериха все это вписано в живое, красочное повествование о внешнем облике ландшафтов Азии, описание их характерной цветовой гаммы. Например: «Против Панамика, за рекою, на фоне красной скалы прилепился монастырь красной секты. На красном фоне гор даже не видно подхотов к монастырю. Точно спасаясь от врагов, монастырь взлетел и притаился на невидимом уступе» [там же, с. 115]. Особой темой экспедиционных заметок Н.К. Рериха является единство многообразных культур Азии с окружающей средой, взаимосвязь культурного наследия и природы, ярко выраженная в культурных ландшафтах азиатских просторов. И – динамичность культурного пространства Азии, в которой растворяется личность, почитаемая европейской цивилизацией за величайшую ценность. «Встречные караваны приветствуют друг друга. Всегда спросят: “Откуда?”. Никогда не спросят: “Кто вы?”. Личность уже тонет в движении» [там же, с. 94].

Интересно, что воспоминания о Европе, которые мы читаем в «Листах дневника», очень бедны подобными ландшафтными описаниями. Памятники культуры, культурное наследие довлеет над природной реальностью. Менее заметна в облике Европы и тема сакральных мест.

В литературном творчестве Н.К. Периха особенно примечательны описания относительно малонаселенных ландшафтов, где становится значительной природная компонента и отступают на задний план полные драматизма события. В книге «Алтай–Гималаи» такие очерки посвящены самым красивым участкам пути «Ле–Каракорум–Хотан» и «Алтай».

Цвет – действующее лицо в литературных произведениях Н.К. Периха. Очерченная лаконичными фразами пластика ландшафтных форм, ощущение открытости пространства, звуковой ландшафт – все это говорит о сопричастности Николая Константиновича тончайшим нюансам окружающей природы, о выражении в его литературных пейзажах неуловимого сочетания, обозначаемого современными учеными как «смысл места». Судя по удивительно прочувствованным описаниям, Н.К. Перих не был чужд умению Востока применять «экстериоризацию чувствительности не только к отдельным личностям, но <...> и как бы к отдельным местностям» [Перих Н., 1992а, с. 288].

Вот один из многочисленных блестательных пейзажей Мастера: «Бесконечные дали. Налево, далеко, белый пик Гудвина. Направо, на горизонте, громады Куэнь–Луня. Все так многообразно и щедро, и обширно. Синее небо граничит с чистым кобальтом, а далекие пики кажутся ярко–белыми конусами. Вереница каравана не нарушает безмолвия самой высокой дороги мира» [там же, с. 121].

Взгляд Н.К. Периха на ландшафт – взгляд глубоко высококультурного человека, замечающий сокровенные места ландшафта, созданные мыслью и рукою древних, взгляд художника, ловящий все переливы полутона. В отношении Н.К. Периха к ландшафту есть и вера в «гениев места», отраженная преимущественно на живописных полотнах – «Дух Гималаев», «Ледяной сфинкс», где перед зрителем предстают созданные природой и воображением художника величественные лики. Легенды и чаяния народов также воплощаются в картинах Мастера в величественные образы, предстающие как ставший видимым «смысл места». Таковы грандиозные фигуры из облаков, полные сокровенного значения, на картинах «Калки–Аватар», «Воин Света», «Небесный бой». В облике окружающей природы Н.К. Перихом подмечаются также нерукотворные храмы и символы, значимые в мировой культуре.

Лучше всего восприятие ландшафта Н.К. Перихом передается в следующем описании из книги «Алтай–Гималаи»: «Санджу – оазис. Мы простились с горами. Конечно, опять придем к горам. Конечно, другие горы, вероятно, не хуже этих. Но грустно спус-

титься с гор. Ведь не может дать пустыня того, что нашептали горы. На прощанье горы подарили нечто необыкновенное. На границе оазиса, именно на самой последней скале, показались те же рисунки, которые мы видели в Дардистане, по пути в Ладак. В книгах о Ладаке такие рисунки называют дардскими, хотя, очевидно, они восходят к неолиту. И здесь, в Китайском Туркестане, на глянцевито-коричневом массиве скалы опять светлыми силуэтами те же стрелки из лука, те же горные козлы с огромными крутыми рогами, те же ритуальные танцы, хороводы и шествия верениц людей. Это именно предвестники переселения народов. И был какой-то особый смысл в том, что эти начертания были оставлены на границе в горное царство. Прощайте, горы!» [Перих Н., 1992а, с. 129–130].

Здесь можно увидеть и особое отношение к горам – не только эстетическое их восприятие, но и восприятие некой информации, изначально хранящейся в горном ландшафте. Даже с точки зрения символического восприятия горный ландшафт необычайно информативен – устремление земли к небу. «Горы знаменательны как начало, выводящее из низших земных условий. На высотах можно ощущать выход из обычных требований земли» [Учение..., Агни Йога, §73]. «Несказуемой древностью дышит от этих гор. Песочная дымка точно возносит их в небо. И горы, вместо смысла ограничения и преграды, опять влекут ввысь» [Перих Н., 1992а, с. 127]. Информативен горный ландшафт и физически – метеоритная пыль, осаждающаяся на горных вершинах, несет в себе информацию о космических телах Солнечной системы, о дальних мирах. Есть особый смысл и в рукотворных знаках «на границе в горное царство». Николай Константинович не расшифровывает, какой именно, но, вероятно, именно следы великого переселения народов на границе гор и равнины значимы для художника и мыслителя. Естественные горные рубежи не были препятствием для перемещающихся в пространстве Евразии кочевников. Люди овладевали пространством, преодолеваемые пространства формировали людей, привнося в культуру кочевников новые легенды. В этом же описании присутствует и неизменный взгляд художника и археолога: цвет, фактура материала и доскональное описание археологического памятника.

Мысленному взору Н.К. Периха доступна история ландшафта, даже не запечатленная в артефактах. С историческим прошлым места, растворившимся в веках, сливаются его пластический облик. Если только что мы видели Н.К. Периха как археолога и живописца,

то в следующем описании он предстает нам как график и историк: «Холмы легли слабым неопределенным силуэтом. На горизонте дрожит воздух, точно сплетая какие-то новообразования. Развернулся полный узор песков. Это именно та необозримость, по которой двигались великие орды. Ведь и Чингис и Тамерлан проходили именно здесь. И так же как на волнах не остается следов от ладьи, так же на песках не осталось никакого намека на эти движения» [Рерих Н., 1992а, с. 132].

История мировой культуры, ее духовные вехи, были всегда значимы для Н.К.Рериха в его размышлениях о путях человечества. Проникновенный взгляд мыслителя и художника связует воедино места, расположенные за тысячи километров друг от друга, творя единое геокультурное пространство планеты. Например, на высокогорном участке пути Каракаш – Хотан Николай Константинович записывает следующее: «Живописная группа на лиловом фоне песчанниковых полутонных гор. На крошечном сером ослике женщина в ярко-красном кафтане и высоком головном уборе. На руках у нее ребенок в светло-сером покрывале. Рядом с ней мужчина в зеленом кафтане и красной конической шапке. Над ними тускло-лиловое небо. Кто хотел бы писать бегство в Египет?» [там же, с. 126].

Многим живописным полотнам Н.К. Рериха присуще отсутствие линии горизонта – она оказывается скрытой либо горными хребтами, либо светящейся дымкой, скрывающей непреложность границы между землей и небом. Его литературным произведениям также свойственно отсутствие горизонта. Это ощущение безграничности пространства проходит красной нитью через все творчество Николая Константиновича, от восхищения царевича из его сказки: «Не вижу границ!», до путевых заметок с маршрутов его азиатских экспедиций. Путевым дневникам Н.К. Рериха свойственен взгляд за горизонт: «И киргиз указывает на дымчатый, розоватый северо-восток – там великая Такла-Макан! Там захороненные города. Там Куча – столица бывших тохаров. <...> Дальше, там, на склонах гор, Карапшар – древнее место. Там долго до сокрытия находилась, по свидетельству китайских историков, чаша Будды, перенесенная в Карапшар из Пешавара, А еще дальше – отроги небесных гор и полунезависимые калмыки, помнящие свою историю, свои горы, пастбища и священные горы. А еще дальше – великий Алтай, куда доходил благословленный Будда» [там же, с. 132]. В этом лаконичном и красивом описании рефреном звучит слово «дальше», устремляя взгляд читателя-зрителя поверх гори-

зонта, призывая его обратиться к распределенным в пространстве историко-культурным и духовным вехам. «А за Белухой покажется милый сердцу хребет Куэнь-Луния, а за ним – “Гора божественной владычицы”, и “Пять сокровищ снегов”, и сама “Владычица белых снегов”, и все сказанное и несказанное» [Рерих Н., 1992а, с. 291]. В творчестве Н.К. Рериха очень важно это «несказанное» и несказуемое, присутствующее незримо в живописных полотнах и звучащее в наполненной сокровенным смыслом незавершенности фраз. Но не менее важно и то, что это несказуемое пронизывает географическое пространство, наполняет его значимыми и многозначными местами, в которых происходит соединение земли и неба, истории и легенды.

Это пересечение географического и инобытийного пространств занимает особое место в ландшафтных описаниях Н.К. Рериха. Природный ландшафт, насыщенный преданиями, является как бы знаком, иконой, вовлекающей мысль в иное пространство. Но этот процесс проникновения в запредельное через ворота природного пейзажа доступен лишь искушенному и знающему путь. И опять мыслью Н.К.Рериха строится мост через пространство, от Оби до легендарного Шамбатиона, упоминавшегося в Ветхом Завете.

«Во все небо стояла радуга. И не одна, но две. И в радужные ворота стремилась широкая Обь. Великая Обь – родина жены и змия.

Шамбатион-река стремительно катит по порогам и камням. Кто не постращится, перейдет ее. А на другой стороне живут люди М. М – самая священная буква алфавита, она скрывает имя грядущего. Каббала помнит Шамбатион. Катит камни – катунь настоящая. И не построен еще город на месте новом» [там же, с. 279].

Для Н.К.Рериха открыта не только связь пространств культуры Азии и России с иным, духовным, пространством, но и связь его легендарного прошлого с великим будущим, происходящая через свершения настоящего. Реальность жизни Алтая, увиденная Николаем Константиновичем в 1926 г., предания о дивном подземном народе и Беловодье – извечная устремленность к духовному средоточию, вплетающая отдельный народ в глобальные сдвиги культурного пространства Евразии, все это концентрируется в емкий образ пылающих горных вершин…

«С юга и севера, с востока и с запада мыслят о том же. И тот же эволюционный процесс запечатлевается в лучших образах. Центр между четырех океанов существует. Сознание нового мира – существует. Время схода событий – уложено, соблазн собственности – преображен, неравенство людей – превзойдено, ценность

труда – возвещена. Не вернется ли чудь подземная? Не седлают ли коней агарты, подземный народ? Не звонят ли колокола Беловодья? По Ергору не едет ли всадник? На хребтах – на Дальнем и Студеном – пылают вершины» [Перих Н., 1992а, с. 281].

Сокровенные Гималаи

Кто бы ни созерцал Гималаи, вспоминает великое значение горы Меру. Благословенный Будда путешествовал в Гималаях в поисках Света. Там, около легендарной святой Ступы, в присутствии всех Богов, Благословенный получил свое Озарение. Воистину, все, что связано с Гималаями, несет великий символ горы Меру, стоящей в Центре Мира.

Н.К. Перих. Шамбала

Над всем пространством Азии возвышаются Гималаи, где земля встречается с небом не только путем преданий, но и особыми условиями высокогорий... «Наш путь шел от Гималаев и обратно к ним. Величествен Каракорум и ледяное царство Сассера. Прекрасен Куэнь-Лунь. Фантастичен Тянь-Шань – Небесные горы. Широк кругозор Алтая. Декоративен Наньшань. Суров Ангар-Дакчин. Но все это только пролог перед невыразимым величием Гималаев.

В Гималаях кристаллизовалась великая Веданта. В Гималаях Будда вознесся духом. Самый воздух Гималаев пропитан духовным напряжением – истинная Майтрея Сангха» [Перих Н., 1992а, с. 316].

Гималаи, горная гряда, которая является средоточием культуры Индии. Физически это растущие горы. Если большинство горных систем на планете Земля уже пережили свой этап становления, то Гималаи, которые находятся на стыке двух платформ, продолжают свое движение к небу и каждый год прибавляют примерно по 0,5–1 см, потому что Индийская плита продолжает двигаться на север, сминая горные породы и выдавливая их наверх. И это объективное движение ввысь тоже является одним из элементов смыслового наполнения символа.

Перихи почти двадцать лет прожили в одной из долин Западных Гималаев – долине Кулу, «Серебряной долине», «долине 360 богов», чрезвычайно богатой духовным и культурным (в том числе и археологическим) наследием. Здесь, по преданию, жил Риши Вьяса, легендарный автор индийского эпоса «Махабхараты»,

и многие другие святые и подвижники. Рерихи не только наблюдали Гималаи из предгорий. В Гималаях началась и закончилась Центрально-Азиатская экспедиция – они дважды пересекли их и, кроме того, совершили небольшие радиальные поездки из Кулу на высокогорье. Художник запечатлел снежные вершины величайшей горной гряды в начале Центрально-Азиатской экспедиции, которая выдвинулась в горы на север из Кашмира, и на последнем ее этапе, когда экспедиция подошла к Гималаям со стороны Тибета, пересекла их и вышла в Дарджилинг, полвека назад лирически запечатленном на картинах В.В. Верещагина. Соответственно, панорама Гималаев, написанная Рерихом в разные годы, отличается своей географической широтой, разноспектностью точек зрения и – поэтичностью.

В творчестве Николая Константиновича значение Гималаев отчетливо отражено в космическом сочетании цветов его полотен. Особые энергетические условия высокогорья, а также метеоритную пыль, которая оседает в ледниках и тем самым физически соединяет Небо и Землю, предполагалось изучать в организованном Рерихами Институте гималайских исследований «Уруsvati». Имелся в виду дальний Космос, энергетика которого попадает в виде метеоритов и космической пыли на нашу планету.

Легенды. «Гималаи» в переводе на русский язык означает «царство снегов». Эта горная система мира поднимается на границе между Центральной и Южной Азией и отделяет Тибетское нагорье от долин Инда и Ганга. Для художника это символ и квинтэссенция всей Индии, большая часть территории которой равнинная, но душа ее народов почитает Гималаи как обитель богов. И в свою очередь, культура Индии настолько разнообразна и всевмещающа, что ее пространство как бы концентрирует в себе наиболее сокровенные понятия мировой культуры. «Во всей Индии, от опаленного юга до вознесенных Гималаев, живут знаки, о которых вы вспомните во всякой стране» [Рерих Н., 1992а, с. 337]. «...Культура имеет, во-первых, коммуникационную, и, во-вторых, символическую природу», – писал классик российской семиотики и культурологии Ю.М. Лотман [Лотман, 1994, с. 6]. Соответственно, память о духовных импульсах, которые представляют собой коммуникацию в высшем ее смысле, преображаются в знаковую систему, которую нужно уметь прочесть.

Для Н.К. Рериха был особенно важен историко-культурный ландшафт Гималаев, его насыщенность духовными накоплениями. Многие индийские Риши уходили в горы, когда приходила пора

духовного подвига. Николай Константинович посвятил очень много очерков и живописных полотен именно Гималаям. Легендарная и загадочная страна Шамбала, о которой писал Н.К. Рерих [Рерих Н., 2000], была для него одновременно и духовной, и географической реальностью. «Безусловно, для Николая Константиновича общение с Риши, Учителями и Мудрецами было самым важным в индийском периоде его творчества, и научного, и художественного. Это общение определило культурно-историческую позицию Рериха, сделало ее ясной и действенной» [Шапошникова, 2006а, с. 69].

В картинах Н.К. Рериха выражаются информационные импульсы, исходящие из священной страны духа и связующие пространство Азии, живущее ожиданием вести, воедино. Одно из полотен называется «Приказ Учителя», где к отшельнику подлетает горный орел, несущий весть. С этим сюжетом перекликаются строки из философского учения Живая Этика:

*Когда капля дождя стучится в окно –
это Мой знак!
Когда птица трепещет –
это Мой знак!
Когда листья несутся вихрем –
это Мой знак!
Когда лед растопляет солнце –
это Мой знак!
Когда волны смывают душевную скорбь –
это Мой знак!
Когда крыло озарения коснется смятенной души –
это Мой знак!
Считайте ступени, когда идете ко Храму, ибо каждая седьмая
ступень несет Мой знак!
Когда явите новое понимание Моему знаку, увидите сверкание
зарницы Миров.
Дверь вам открыл, но войти можете только сами.
[Учение... Листы Сада Мории, Ч. 1, V, §2].*

Л.В. Шапошникова, идя по маршруту экспедиции Н.К. Рериха, размышляла о том, что Гималаи и согласно легендам связанная с ними заповедная страна Шамбала – это особое пространство, но тем не менее связанное с реальным географическим пространством, и что Ашрамы великих Риши имеют свои координаты в горных отрогах великой гряды. По ее мнению, гималайские

Ашрамы непосредственно связаны с индийской культурой. Метаистория – это особое течение времени, тем не менее связанное с историческим временем. Метаистория организуется духовными импульсами, дающими новое направление истории, приходят в мир Вестники, которые являются сотворцами исторического процесса. Это символически отражено в североиндийских легендах о нагах – мудрых людях-змеях, которые приносят знание людям. В частности, прославленный Нагарджуна – великий буддийский философ, изображен на одном из полотен Н.К. Рериха: «...В <...> красных отблесках заката Великий наг поднял свой капюшон из глубин священного озера, на берегу которого сидел Нагарджуна. Так на картине Рериха изображен таинственный момент передачи знания» [Шапошникова, 2000, с. 84].

Богатство смыслов, которые художник вкладывает в горные пейзажи, мы можем понять, обратившись к его литературным произведениям. Один из самых важных символических смыслов – то, что по легендам и преданиям, которые звучали для Рериха непреложной истиной, среди этих вершин расположились ашрамы великих Мудрецов. Легендарная страна Шамбала из географической легенды в творчестве Н.К. Рериха превращается в реальность духовного пространства Азии. Несколько работ художника, согласно своим названиям, посвящены этой сакральной стране. Например, «Путь в Шамбалу», «Песнь о Шамбала». Во втором случае, кстати сказать, изображен не гималайский пейзаж, а хребет Тангла, расположенный на Тибетском нагорье.

В Гималаях на скалах выбиты знаки грядущего Будды Майтрейи, тем самым их пространство приуготовливается к великому приходу. Это великое имя тоже связано с легендарной страной, так как, по одному из преданий, будущий Будда ныне воплощен как царь Шамбалы. В Гималаях – Царство Пресвитера Иоанна и рай средневековой Европы – на некоторых картах он располагался именно в Индии [Miller, 1895–1896]. В Гималаях, по преданиям, располагалось Беловодье русских староверов, Шамбала азиатских буддистов – все это разные названия одного и того же понятия, священного места, воплощающего живую связь Земли с Небом и, по преданиям, затерянного на гималайских высокогорьях. Здесь – духовное средоточие планеты – Рерихами было создано духовно-философское учение «Живая Этика», где на понятии Шамбалы и вере во всеведение ее Мудрецов строится целостная этическая система. «В торжественном величии Гималаев сокрыт источник, давший драгоценное учение всем народам. В каждой

стране по-своему говорят о нем, как о Священной Земле, или Обители Мудрости. И Индия, родина Благословенного, знает о древних Риши, укреплявших свой дух среди этих удивительных мест» [Перих Н., 1996, с. 71].

Находясь в любой точке мира, Перихи стремились сердцем к этому магниту. В Пекине, в своей последней экспедиции, Н.К. Перих пишет пронзительные по своей красоте строки: «Из-за Си-Шаня сверкает великолепная Венера. Знаем, что на нее же любуетесь Вы в Гималаях. Знаем, откуда и через какую долину, и поверх каких снежных вершин смотрите Вы в часы вечера. Глядим на звезду, а слышим шум деодаров и все предночные голоса и звуки горные. Сколько золов и знаний создано одною звездою» [Перих Н., 1995а, с. 203]. Гимн красоте Земли на полотнах кисти Николая Периха становится дорогой в запредельные дали Вселенной, в иные миры, в сокровенные тайны древних легенд и в сужденные свершения грядущего. «Все Учителя совершили путешествие в горы. Самое высокое знание, самые вдохновенные песни, самые прекрасные звуки и цвета создаются на горных вершинах. На самой высокой горе находится Высшее. Высокие горы стоят как свидетели Великой Реальности. Дух древнего человека уже радовался и понимал величие гор» [Перих Н., 1996, с. 13]. Картины Н.К. Периха иллюстрируют слова из Учения Живой Этики: «Горы знаменательны как начало, выводящее из низших земных условий. На высотах можно ощущать выход из обычных требований земли» [Учение... Агни Йога, §73]. Восхищение и восторг перед Гималаями сквозили в каждой строчке, написанной Перихом о них; трепет крыльев Надземногоibriровал в каждом этюде: «Разве это не космическое зрелище, которое наполняет вас пониманием великой силы творческого проявления? <...> Ни с чем не сравнима радость того мгновения, когда солнце восходит над Гималаями; когда синева ярче сапфиров; когда издали ледники сверкают, как несравненные драгоценные камни. Все религии, все учения синтезируются в Гималаях. <...> Все великие символы, все герои кажутся привнесенными в Гималаи, как к высочайшему алтарю, где человеческий дух вплотную приближается к божественному. Разве не ближе сияющие звезды, когда вы находитесь в Гималаях? Разве не открываются сокровища земли в Гималаях?» [Перих Н., 1996, с. 15–16].

Для Мастера Гималаи «были символом духовного восхождения самого человека, его тысячелетних связей с этим магическим пространством планеты» [Шапошникова, 1998а, с. 496].

В гималайских пейзажах Мастер художественными средствами изображает их сакральное значение, их историю, культуру, универсальную духовную символику цвета и формы. Краски гималайских пейзажей звонкие и чистые, их цветовая гамма, иногда сочетающая несочетаемое, выводит зрителя за пределы обыденности, показывая высокогорья как совершенно особый мир, представляющий собой призму для преломления абсолютно белого божественного света во все цвета радуги, доступные глазу. Глубина синих теней светится изнутри оттенками кобальта, контрастируя с вершинами и облаками, расцвеченными лучами солнца во все оттенки теплых цветов. В результате весь пейзаж сияет изнутри, в нем нет «глухих» мест. Это абсолютная красота Земли, символизирующая иномирную Красоту. Рерих «увидел в горах всю красоту земного мира, одухотворенную соприкосновением с большими высотами. И это соприкосновение придавало его горному миру глубину космичности. Казалось, что горы соединяли мир Земли и мир Космоса. <...> Горы жили и дышали. В них смешивалось дыхание Земли и Вселенной. В их сверкающих снежных вершинах, в смелых изломах скал, неустойчивой голубизне склонов была своя удивительная утонченность» [Шапошникова, 1998а, с. 495].

Еще одна легенда: «Каждый созерцавший Гималаи знает великое значение горы Меру. В поисках просветления Благословенный Будда путешествовал по Гималаям. Там, рядом с легендарной священной ступой, в присутствии всех богов, Благословенный получил озарение. Поистине, все, связанное с Гималаями, раскрывает великий символ горы Меру, стоящей в центре мира» [Рерих Н., 1996, с. 13–14]. Николай Константинович называл эти горы Сокровищем Мира, священным знаком восхождения [там же, с. 7], мировой Сокровищницей Духа [Рерих Н., 1992б, с. 99]. «Если бы кто-нибудь задался целью исторически просмотреть всемирное устремление к Гималаям, то получилось бы необыкновенно знаменательное исследование. Действительно, если от нескольких тысяч лет тому назад просмотреть всю притягательную силу этих высот, то действительно можно понять, почему Гималаи имеют прозвище “несравненных”. Сколько незапамятных Божественных Знаков соединено с этой горной страной» [Рерих Н., 1999, с. 144].

Археология и философия культуры. В долину Кулу вместе с Рерихами переехал и основанный ими в Дарджилинге Институт гималайских исследований «Урусвати». В 1931 и 1932 гг. Институтом «Урусвати», одним из учредителей которого был Н.К. Рерих, были предприняты экспедиции в Западный Тибет,

этнографическое и лингвистическое изучение Лахуля (Северо-Западные Гималаи).

«В Лахуле Николай Константинович и Юрий Николаевич изучали мегалитические погребения и менгiry. Никто опять не знал, кому они принадлежали, кто поклонялся древним святышам. На скалах Лахуля были те же горные козлы и лучники, которых они видели в Ладакхе, в Монголии, на Алтае. Николай Константинович старался, как и прежде, вникнуть в смысл древних рисунков и вновь приходил к выводу, что рисунки на скалах связаны с каким-то уже исчезнувшим солнечным культом. Возможно, этот культ был древен, как и сама Земля, как эти неприступные горы» [Шапошникова, 1998, с. 490].

Результатом экспедиции стали и новые картины Н.К. Рериха, некоторые из них помимо несомненных художественных достоинств были точными научными свидетельствами сделанных экспедицией археологических открытий. Профессор Рерих преподнес Археологическому институту в Америке полотна «Три меча» (изображающие наскальные рисунки, обнаруженные во время экспедиции в Лахуль) и «Менгиры Гималаев».

Гималаи питали творческую мысль Рериха-художника и Рериха-ученого. Он высказывал предположения, что «именно нагорья Гималаев и Трансгималаев были одним из главных пунктов переселения народов, объединяя этим лучшие стили Запада, выдвигая скифику, напоминая о романском стиле и прочих незабываемых культурных сокровищах» [Рерих, 1992б, с. 98]. Пути переселения народов, духовное сродство культур, запечатленное в самых сокровенных, идущих из древности знаках, продолжали быть темой исследований Мастера, сюжетами его картин. В Кулу и Лахуле он пишет картины, посвященные этим знакам. «...Больше всего Николая Константиновича привлекают мечи. «Меч Гесэра», «Граница меча», «Три меча» – все они написаны почти в одно и то же время. Мечи отмечали какие-то границы, в них заключался таинственный, возможно, ритуальный смысл. Казалось, эти изображения обладали неведомой магической силой, хранившей древние заповедные пути и знаки на этих путях» [Шапошникова, 1998а, с. 495]. Еще знаки – круторогие козлы – солярные символы древних народов, которые выбивались на значимых местах, перевалах, и обычно поверхность петроглифа была ориентирована на Солнце.

Буддийские молитвы на камне вечно считывают солнце, звезды и ветер – Рерих запечатлел их в картине «Путь на Кайлас»,

засвидетельствовав неиссякаемое притяжение священной горы, влекущее к себе паломников. Во время Центрально-Азиатской экспедиции Мастер встречал их в долине Брахмапутры в Трансгималаях, в 1930-х он видел их, бредущих путем через Кулу и Лахуль. В этом неиссякаемом потоке была непреложность сродни велениям Космического Магнита, о которых учили книги Живой Этики. Устремлением к святыням питалась национальная культура – история не раз показывала, что, если этот поток иссякал, засыхала и душа народа.

География. Во всех этюдах художник кроме особого духа Гималаев подробно передал и географический характер местности, хотя в названиях этих произведений редко встречаются наименования конкретных вершин и пиков. Этюды отражают великолепие священных пиков Эвереста, Канченджанги с окружающими ее вершинами Кабру и Пандимом, которые предстают перед зрителем и на восходе солнца, и в夜里, открытыe взору или спрятанные в облаках, но неизменно величественные и загадочные; высоты Ладака – исторического района Гималаев, называемого Малым Тибетом и расположенного на высоте выше 4000 м над уровнем моря с близкими снежными вершинами, острыми скалами, гремящими горными потоками и осыпями; особый дух и красочный колорит двух высокогорных соседствующих друг с другом гималайских долин – Лахуля и Кулу (или Кулуты). Горы, склоны которых покрыты гималайским кедром – деодаром, далекие снежные вершины, пробирающиеся среди утесов реки, и памятные сооружения – ступы.

Всего гималайских этюдов было создано более тысячи [Лавренова, Цветкова, 2009а, с. 181]. В серии «Гималаи», больше чем в других работах, видна идея «гениев места» – запечатление причудливой формы облаков, которые выстраиваются в смыслосодержащий рисунок – воина на коне, небесный храм и др. Еще один прием для изображения «гениев места» и «смысла места» – когда причудливые склоны гор приобретают антропоморфные черты, например, в картинах «Дозорный (Ледяной сфинкс)» и «Великан», гора открывает наблюдателю свой грозный и строгий лик.

Интересны сочетания лаконичной живописной манеры Мастера и весьма узнаваемых географических явлений и ландшафтов. Например, «Льды Гималаев» (1938) (в 1990–2005 гг. картина бытовала под названием «Лунный пейзаж»). На картине изображены так называемые кающиеся льды, характерные для высокогорных ледников в субтропических и тропических широтах. Это остроко-

нечные образования на поверхности фирна (уплотненного снега, являющегося переходной стадией между снегом и льдом) и льда, наклоненные в направлении на полуденное положение солнца и образовавшиеся вследствие неравномерного таяния льда из-за его разной плотности. Они напоминают коленопреклоненные фигуры молящихся и поэтому получили название «кающиеся». В интерпретации Рериха это пронзительно бирюзовые ледяные скульптуры, фантастичные в сочетании природных форм, подчеркнуто стилизованных, и светящихся красок.

В серии «Гималаи» много работ, посвященных конкретным местам и горным вершинам. «Шекар-Дзонг» (1933) – изображен населенный пункт и монастырь в Трансгималаях, севернее Эвереста. Николай Рерих писал о нем: «Когда тибетцы были смелыми орлами, они не боялись взлетать на отвесные скалы и лепить на кручах свои защищенные святыни. Целая декорация башен, переходов и храмов. Но теперь тибетцы спустились в долину. Начальники уже не живут в замке, а ютятся внизу, обирая народ произвольными, жестокими поборами. Только издали привлекательны старые дзонги Тибета» [Рерих Н., 1992а, с. 314]. На картине изображен вид Шекара из долины в тонких переливах коричневой и фиолетовой гаммы.

Высочайшая вершина мира – Эверест, Джомолунгма (8848 м). Ее Рерихи видели и со стороны Трансгималаев, направляясь в Индию из Китая, и со стороны Сиккима. В переводе с тибетского ее название означает «Божественная (јомо) Мать (ма) жизненной энергии (lung)». Рерих называл ее горой Матери Мира. Одна из его работ – Эверест под ночным небом, в которой эта гора не выглядит самодовлеющей над окружающим пространством, но сама подчинена звездным знакам. Еще одно знаковое место – Канченджанга (тибетск.). Канг-чен-дзо-нга – «Пять сокровищниц больших снегов» – пятивершинная гора (8585 м) в Гималаях в северном индийском штате Сикким. Согласно мифологии народа лепча (тибето-бирманская группа), священная Канченджанга – место, откуда расселились все народы Гималаев. Из ее ледников бог Ташетинг создал первого мужчину Фуронгтхинга и первую женщину Назонгнью. Рерихи наблюдали Канченджангу из Сиккима, где началась и закончилась Центрально-Азиатская экспедиция. Мастер писал в своей книге «Сердце Азии»: «Канченджанга одинаково обращала внимание, как тибетцев, так и индусов. Здесь складывались вдохновляющие мифы творчества Шивы, выпившего яд мира для спасения человечества. Здесь из облачного бурления воздымалась

блестящая Лакшми для счастья мира» [Рерих Н., 1992в, с. 163]. По преданию, вблизи Канченджанги находится один из входов в Обитель Белого Братства – Шамбалу. На одной из картин Мастера (1944) пятиглавая вершина, расцвеченная розовыми лучами солнца, парит над миром, отделенная от него синеватой дымкой. Пейзаж создан таким образом, что ощущается надмирная сущность легендарной горы – ее «парение» свидетельствует о принадлежности скорее Небу, чем земле. В Кашмире гора Нанга Парбат (8125 м), на санскрите ее название Диамир – «Гора богов» – тоже стала героем картин Н.К. Рериха. Интересна работа «Священная гора» (1946). По местным легендам, Кайлас (6714 м) – местопребывание богов и святых отшельников, путевой знак в Шамбалу, одна из обителей которой находится к северу от этой вершины. Со склонов Кайласа берут начало четыре великие реки индийского субконтинента: на южном склоне начинается Карнали, один из основных притоков Ганга, Инд – на северном, Сатледж – на западном, Брахмапутра (Ярлунг Цангпо) – на восточном. Как пишет Н.К. Рерих [Рерих Н., 1992в, с. 250], Кайлас, начиная с древнейших времен, был оплотом эзотерического буддизма. По одной из легенд, на этой горе буддийский подвижник Джюцен Миларепа победил бонского мага Наропу. Интересно, что Центрально-Азиатская экспедиция проходила вдали от Кайласа, нет письменных свидетельств, что Рерихи видели эту гору, но тем не менее, уже завершившая свой земной путь, Н.К. Рерих написал эту работу, тем самым отдав дань почтения священной горе.

Сюжеты. Гималаи – участники многих сюжетных работ Н.К. Рериха. Большую их часть составляют картины, на которых изображены легенды и символы, непосредственно связанные с этими горами. Например, серия «Его Страна», написанная в Сиккиме, в предгорьях Канченджанги, посвящена теме духовного руководства, столь важной для Востока и для Рерихов.

Отдельно следует упомянуть сюжетные картины, в которых гималайские вершины стали символом вершин духа, пути восхождения человека. Прежде всего это картина «Христос в пустыне» (1933), где фигура Господа на пути его земных испытаний изображена не среди палестинских расположенных и выветренных гор, а на фоне вознесшихся вверх пиков, сходных с молодой альпийской складчатостью Гималаев. Горы обрамляют фигуру Христа зеленоватым светом, играя роль медиатора – связи, так же как Христос связал Небо и землю.

Герои русских былин также изображаются Перихом в горном ландшафте, своей высотой буквально сравниваясь с вершинами – например, «Святогор» (1938). По мысли некоторых исследователей, пейзаж этой картины напоминает вид алтайской горы Белухи с южной стороны, но сходство очень приблизительное. Скорее это опять же горы-символы запредельности.

Интересны также картины «Сергий строитель» (1925) и «Партизаны» (1943), в которых русский святой и подвижник, совершивший свой духовный подвиг в лесах Восточно-Европейской равнины, и герои Великой Отечественной войны, сражавшиеся там же, помещаются в пейзажи предгорий.

* * *

Последнее десятилетие своей жизни Николай Перих жил и творил в Серебряной долине, над которой царили в небе величественные вершины Гималаев, где встреча земли с Небом – не только тема поэтических преданий, но и особая реальность, связанная с условиями высокогорья. Для Николая Периха Гималаи были больше чем горы. Став всемирно известным «гением места» Гималаев, он принес их символику и колорит в русскую культуру, с одной стороны, соединяя русские сюжеты с горным величием, с другой – множество картин этой серии попали в русские музеи и по сей день привлекают зрителей, формируя образ страны, овеянной легендами, в русской ментальности.

Его сын Святослав написал много портретов отца, один из самых впечатляющих – Николай Константинович на фоне пылающих гор рядом с «хранителем долины» – каменным изваянием Гугу чохана. Фигура художника графически вписана в силуэт гор, как будто это он – хранитель долины, часть величия и огненности этих гор. Еще один вариант этой работы – рядом с Н.К. Перихом выбитое на камне изображение Чинтамани, Сокровище мира, которое несет в мир белый конь. Сын писал об отце: «Ни один художник не писал горы так, как мой отец. Его Гималаи излучают на нас все свое несравненное богатство света, красочности, невыразимое величие, высокие мысли, которые символизирует само слово «Гималаи». Он действительно заслужил звание «Мастера гор» [Перих С., 1993, с. 75]. Святослав Перих был замечательным портретистом, пейзажистом, мастером жанровой, эпической и символической живописи. Философия пространства в его наследии выражена языком светоносных радужных красок, композиционного построения картин и их сюжетным содержанием. И для Свято-

слава Николаевича Рериха Гималаи были цитаделью вдохновения. Они присутствуют во всем своем великолепии на очень многих его полотнах, не только пейзажных. На этом портрете фактически изображен один из символов «Genius Loci» (дух, характер местности) Гималаев. Фигура Мастера такжеозвучна высящейся горной гряде, в ней ощущается духовная сопричастность великого художника и мыслителя величественным Гималаям. Это полотно как нельзя лучше отражает понимание процессов формирования геокультурного пространства с участием творцов культуры.

Образы мира

От малейшего цветка, от крыла бабочки, от сверкания кристалла продвигаясь все дальше и выше через прекрасные человеческие формы, через таинственное касание Надземного человека хочет утвердиться на незыблемо прекрасном. Если существуют на Земле прекрасные творения рук человеческих – к ним придет путник, успокоится под их сводами в сиянии фресок и витражей. Если путник очарован миражами далеких горизонтов, он устремится к ним. И если он узнает, что где-то сверкают вершины наивысшие, то притягнется к ним и от одного этого стремления уже станет сильнее, чище и вдохновится на подвиги во имя добра, красоты и восхождения.

Н.К. Рерих. Химават

Особая тема в литературном творчестве Н.К. Рериха – культурные ландшафты стран и регионов. В современной науке «культурный ландшафт» обозначается как «целостная и территориально локализованная совокупность общества, энергии и информации, сформировавшаяся в результате спонтанных природных процессов, преобразовательной и интеллектуально-созидающей деятельности людей» [Веденин, 1990, с. 6].

Образы культурных ландшафтов стран и регионов в творчестве Н.К. Рериха латентны, сведения о них разбросаны по крупицам в разных текстах. Но если собрать их воедино, перед читателем предстанут величественные мозаичные портреты Азии, России, европейского мира. Эти культурологические портреты сосредоточены преимущественно в «Листах дневника» Н.К. Рериха. Они пространственны по своей сути, ибо одна из особенностей их описания – акцентирование внимания на взаимодействии культур, расположенных зачастую на разных сторонах земного шара. Вековая взаимосвязь представляется одной из наиболее существенных

черт всех национальных культур, рассматриваемых Н.К. Рерихом в его литературном наследии. Взаимодействие – необходимое условие и, возможно, сокровенный смысл бытия национальных культур, ибо мост культур строится на самых лучших достижениях национального духа, религии, искусства, науки.

«Когда однажды меня спросили, какая разница между Востоком и Западом, я сказал: «Лучшие розы Востока и Запада одинаково благоухают» [Рерих Н., 1995а, с. 286]. Но тем не менее у литературных портретов разных частей света и стран, созданных Н.К. Рерихом, есть свои неповторимые особенности.

В «Листах дневника» Н.К. Рериха образ **Западного мира** строится на описании грандиозного культурного наследия Европы и достижений Америки. Каждому европейскому городу, упоминаемому в тексте, сопутствует определенный исторический, событийный и культурный «ореол». Интересно, что города и страны Запада описываются в контексте канвы духовно-нравственных проблем современности, в этой связи очень часто поднимаются и вопросы охранения культурных ценностей. Н.К. Рерих достаточно остро ставит вопрос так называемой массовой культуры, противопоставляя ей ценности истинной Культуры и духовной традиции Востока.

С восточных окраин Азии Н.К. Рерих утверждал, что европейская культура имеет свои духовные магниты, которые поверхностному взгляду кажутся незначительными. Но эти магниты были тонко восчувствованы русским художником. Если в пространстве России таинственным маяком из иного, духовного пространства горит образ Града Китежа, видимый только взыскиющим его, то в европейской истории загадочным духовным центром предстает замок Монсальват, в котором, по преданию, хранилась Чаша Граала. «Монсальват – уготован. Произнесен на всех языках. В постоянном развитии не коснемся конечного, оконченного. Не ошибемся, приняв телесное за исход и венчание. Лишь духу сужден венец» [там же, с. 342]. Связан с Европой и мощный магнит средоточия мудрости Востока – «Царство пресвитера Иоанна». «Так же были естественны грамоты пресвитера Иоанна к императорам, владельцам Европы» [там же, с. 124].

Н.К. Рерих рассматривает западную культуру и в контексте накопленного в веках потенциала ее развития. «В Италии, в Ориенте, мне рассказывали знаменательную легенду о захороненных художественных сокровищах» [там же, с. 305]. И по Европе прошел когда-то таинственный Камень, ибо было время легенд и в

ныне прагматичной Европе. «И опять мне вспомнились рассказы о тайных магнитах, заложенных учениками великого путника Аполлония Тианского. Говорили, что в определенных местах, где суждено строиться новым государствам или созидаться городам великим, или там, где должны состояться большие открытия и откровения – всюду заложены части великого метеора, посла дальних светил» [Перих Н., 1995а, с. 307].

Н.К. Перих вспоминает также и о легендарных героях Франции, Германии, Италии, Скандинавии, опять же, проводя линию к событиям современности. На страницах его дневника появляются Король Артур, Роланд и не менее легендарные Леонардо да Винчи, Вазари и другие создатели европейской культуры.

На фоне этих размышлений русского художника о Европе наиболее героичен образ Франции и ...женственен. Жанна д'Арк и Святая Женевьеве – вот духовные опоры французской культуры. Духовное величие Франции, сердце Франции – в соборе Нотр Дам. «Святая Женевьеве спасла Париж от огня и нашествий. Под знаком великого заступничества Нотр Дам тоже наслонились многие великие события Франции. Этот светоч всегда останется сиять, как прибежище. Приходя в Париж, тем самым придет под своды Нотр Дам. В этом сиянии найдете примирение и решение будущего» [там же, с. 405].

Один из важных нюансов в размышлениях Н.К. Периха о судьбах Европы и Америки – проблема охраны культурных ценностей и поддержка идеи Пакта Периха различными общественными деятелями. Например, «во Фландрии в старом городе Брюгге проходило назначение особого дома как музея, связанного с Пактом. Кардинал – примат Бельгии и все губернаторы бельгийских провинций, а также несколько лидеров Бельгийского правительства вошли в комитет Пакта» [там же, с. 116].

Образ **Азии** в творчестве Н.К. Периха сакрален, в нем раскрывается тема духовного знания и неограниченных возможностей человека. Описания Азии насыщены сказаниями и притчами, вे�ковой мудростью Востока. Если горы Азии величественны в своей духовной мощи, то пустыня – пространство, по-своему перекраивающее человеческое сознание, обостряющее внимание и восприятие необычного. Политические бури, проносящиеся над азиатскими пустынями, не способны были изменить их таинственной сути, ее причастности Божественному Откровению.

«Белая пустынная кость, которая сверкает издалека, и пустынный орел, и где-то такой же пустынный дикий конь, а может

быть, вовсе и не дикий, а отбившийся. Вся пустыня именно пустынностью своею собирает внимание даже на малейшем кустике тамариска. А если увидите в пустыне голубя, то какие необыкновенные образы свяжутся с этим неожиданным проявлением. Некоторые слова должны звучать в горах, другие требуют ковыльно-шелковую степь, третьи нуждаются в зеленом лесном шуме. Так есть и слова, которые рождаются лишь в пустыне. К тому же Богу, к тому же средоточию воззовут слова из песков. Если сердце приветливо знает слова пещерные и нагорные, если оно бережет в себе подводные и надоблачные грады, оно ласково улыбнется и словам пустынь. Не в буране и вихре, и смерче, но в закатном рдении барханов сердце улыбнется тому одинокому путнику, который прервал путь, оставил земные дела, не поторопился к кишлаку, но возвзвал к Высочайшему» [Рерих Н., 1995а, с. 160–161].

На сокровенных путях Азии притягивает внимание таинственная и видоизмененная новым режимом Монголия, воины которой идут в бой с песней о Шамбале. Внутренняя Монголия, где Н.К. Рерих был уже в последней своей экспедиции, национальная окраина рушащейся Китайской империи, предстает в его очерках воинственной и грандиозной. В историю Евразии именно эта страна вписала наибольшее количество военных страниц. Монгольские полчища выплескивались далеко за пределы Азии, сея ужас, смерть и ... обновление. «Монгольское нашествие, которое, пронесясь по всей Азии, достигло преддверья Европы, оказалось настолько подавляющим, что правители последней начали оживленно советоваться друг с другом о том, какие меры им следует предпринять против грозящей опасности» [там же, с. 224]. Завоеватели связывали воедино весь великий материк, привнося в Европу дары Азии, в Азию – трофеи европейской цивилизации. «Разве не широкоохранно, что монголы купали коней своих в Адриатике? Бывали монголы в Париже, в Лионе, в Валенсии» [там же, с. 447].

Для азиатской культуры привычны дальние странствия, Николай Константинович точно подмечает основное отличие ментальности кочевников от европейской ментальности. «И посейчас можно, казалось бы, в просвещенных городах Европы узнавать о людях, никогда в течение жизни своей не выходивших за пределы своего родного города и с гордостью признававшихся в такой неподвижности. <...> И в то же время из далеких пустынь Азии выходили многозначительные вести о том, как путешествие признавалось необходимой частью образования» [там же, с. 57]. Это отличие – устремленность к покорению пространства, а стало

быть, к овладению Тайной Бытия, ибо пространство Азии насыщено великою Тайной. В нем – реальность сокровенных мест Шамбалы, недоступных для простого путника, своею недостижимостью формирующих иную карту местности, где географические объекты обозначают особые качества духа, где высокая духовность служит пропуском в заповедные районы.

«За Ангар-Дакчином – Кокуши, те самые Кокуши, которые знают староверы на Алтае, эти искатели Беловодья. Тут уже недалеко заповедные границы» [Перих Н., 1992а, с. 302].

«Если бы кто-нибудь задался целью исторически просмотреть всемирное устремление к Гималаям, то получилось бы необыкновенно знаменательное исследование. Действительно, если от нескольких тысяч лет тому назад просмотреть всю притягательную силу этих высот, то действительно можно понять, почему Гималаи имеют прозвище “несравненных”. Сколько незапамятных божественных знаков соединено с этой горной страной. Даже в самые темные времена средневековья, даже удаленные страны мыслили о прекрасной Индии, которая кульминировалась в народных воображениях, конечно, сокровенно таинственными снеговыми великанами» [Перих Н., 1995а, с. 142].

Индия как любовь. Индия была одним из главных духовных ориентиров Н.К. Периха. «Во всей Индии, от опаленного юга до вознесенных Гималаев, живут знаки, о которых вы вспомните во всякой стране. Во всех них вы по справедливости воздадите почтение тонкости и возвышенности мысли», – писал Н.К. Перих [Перих, 1991, с. 178]. Индия манила Перихов задолго до их приезда туда. Ориентализм был очень распространенным направлением в русском искусстве и философии рубежа XIX–XX вв., этому способствовали переведенная на русский язык Бхагавад-Гита (первый перевод был опубликован еще в 1788 г.), доступные в России переводы на английский трудов Рамакришны и Вивекананды, перевод Иваном Буниным на русский стихов Рабиндраната Тагора (1914) и опубликованное Нотовичем апокрифическое Тибетское Евангелие [Notovich … , 1894; Неизвестная … , 1910]. Н.К. Перих посвящал индийским сюжетам некоторые свои литературные и художественные работы, еще находясь в России. Путь в Индию был непрямой – через Европу и США, и только в 1923 г. Перихи приехали в страну своих мечтаний, сразу же начав свое путешествие по ее священным и историческим местам. А потом они направились по маршруту грандиозной Центрально-Азиатской экспеди-

ции (1924–1928), которая прошла по Китаю, России, Монголии, Тибету и вернулась в Индию.

Современная Индия – это не только быстро развивающаяся перспективная страна, какой она стала в конце XX в., но также клубок противоречий, где высшие взлеты человеческого духа соседствуют с крайними проявлениями невежества, обусловленными религиозной рознью, бедностью и пережитками. Но Рерих смог за современностью начала XX в. увидеть вневременное. Поэтому можно сказать метафорически, что, путешествуя не только в пространстве, но и во времени, он смог прикоснуться к Несказуемому – духовным вершинам индийской культуры. И Николай Константинович смог деликатно и доходчиво писать о сокровенном так, чтобы человек смог бы почувствовать трепет его незримых крыльев, заглянуть за те границы познания, за которые смогли заглянуть они сами.

Л.В. Шапошникова, спустя полвека прошедшая по пути Рериха, отмечала непреходящую связь времен в геокультурном пространстве этой страны: «В Индии же память обо всех, кто когда-то прошел по древним дорогам, бьется горячей кровью в тех, кто живет теперь. Древнейшая культура Мохенджо-Даро и Хараппы, захороненная в покрытых скучной растительностью холмах долины Инда, продолжается в душах и обычаях тех, кто населяет современные города Индии. <...> Различные философские системы Индии возникали на многовековом дереве духовной традиции, подобно свежим побегам, питавшимся теми же корнями, которые взрастили их предшественников» [Шапошникова, 2006а, с. 62–63].

Выражая образно структуру мира, можно сформулировать мысль, что Индия в мировом геокультурном пространстве – это сконцентрированный сгусток духовной энергии древнейшей культуры, это развертка категорийного ноумenalного мира в географическом и историческом пространстве и времени.

И Россия на эту особенность Индии особенно отозвучала в судьбоносные периоды своей истории, которые случались с завидной периодичностью. В апокалиптические времена человеку и человечеству свойственно искать выход из кризисов в обращении к духовным ценностям. И в такие моменты была Индия для русской культуры местом, где соединяются Земля с Небом. «И я от многих бед пошел в Индию» – эти строки принадлежат тверскому купцу Афанасию Никитину, в XV в. совершившему «Хожение за три моря». Интересно, что личное высказывание тверитянина незаметно трансформировалось в культуре в обобщающий слоган «От всех

бед уйдем в Индию», который, в частности, цитировался Н.К. Рерихом в его литературных эссе [Рерих, 1996, с. 607].

В начале XX в. в этом отношении знаковыми были строки Н.А. Гумилева из стихотворения «Заблудившийся трамвай» (1919):

*Где я? Так томно и так тревожно
Сердце мое стучит в ответ:
Видишь вокзал, на котором можно
В Индию Духа купить билет?*

Удивительно, но, учитывая многочисленные упоминания, аллюзии, образы в литературе и искусстве, отдаленная страна на протяжении более чем столетия выступает в роли символомотивации русской культуры. «Символы-мотивации – это, как правило, ландшафтные знаки этнической целостности, воспринятой в виде судьбы этноса. Таковы для русских река Волга, Куликово поле, Бородино, сыра мать-земля, по которой ходили Богоматерь и Андрей Первозванный» [Чеснов, 1998, с. 77]. Индия именно как прародина индоевропейских народов и как внешняя «Страна Духа» входит в этот ряд, актуализируя архаические и религиозномифологические пласти национального сознания.

1920-е послереволюционные годы были тем периодом, когда людям необходимо было выйти за границы собственного пространства, находящегося в руинах. Это была общая интенция для русской культуры и в то время, когда творил Николай Константинович. Он старался сложить ступени прекрасного будущего и, может быть, именно поэтому ему легко удавалось проникать мыслью за пределы исторической реальности, осознавая метаисторию – узлы и первопричины исторических событий, коренящиеся в духовном мире.

Индия Духа – это не просто символ, который связан с далекой страной, которая чем дальше и неизведанней, тем лучезарнее. В данном случае можно сказать, что в символе есть еще некая объективация духовной реальности. Н.К. Рерих оставляет намеки и знаки в своих произведениях. В его намеках проглядывает целостная концепция метаистории (которую впоследствии реконструирует Л.В. Шапошникова), где Индия играет одну из основополагающих ролей – как духовный локус, радиирующий особые свойства пространства-времени в реальность. Через этот локус напитывается смыслами геокультурное пространство планеты, оставаясь запечатленным в символах.

Сердце Азии. Так называлась одна из книг Н.К. Периха, созданная как результат осмысления Центрально-Азиатской экспедиции и опубликованная в 1929 г. Эта красавая метафора показывает глубинные основы геокультурного пространства – ритм, центробежность и центростремительность культурных импульсов и интенций, что сродни потокам животворной крови, наполняющим сердце. Поэтому для Периха были важны эти просторы, которые за внешней безжизненностью скрывали мощный потенциал.

Гималаи были отправной точкой путешествий Периха по Азии и местом его упокоения. Но во время Центрально-Азиатской экспедиции и внутренние области Азии были осмыслены в контексте его философии культуры. И само это путешествие имело совершенно особую семантику. Передвижения людей по земной поверхности всегда наполнены смыслом и в зависимости от назначения их можно представить разными метафорическими моделями: вектор на плоскости, движение по кругу, вектор восхождения и др. [Лавренова, 2009].

Центрально-Азиатская и более поздняя Маньчжурская (1934–1935) экспедиции Периха выделялись тем, что с ними были связаны идеи его общественно-культурных проектов, которые, будучи осуществленными, кардинально преобразили бы эти земли.

Путевой дневник Н.К. Периха, написанный по маршруту экспедиции, был опубликован под названием «Алтай–Гималаи» [Перих Н., 1992а]. Как одна из важнейших вех этого пути обозначен Алтай, геокультурный регион, который привлекал своими возможностями и историческими традициями. На Алтае издавна селились староверы, ушедшие в глухие леса от преследований во времена реформы патриарха Никона. Многие русские мыслители рассматривали старообрядчество не как раскольничество и ересь, а как религиозно-культурную практику, сохранившую основы русской духовности и основных свойств русского народа [Лосский, 1990, с. 98], Л.Н. Гумилев определил их общность как особый «субэтнос» [Гумилев, 1994, с. 329]. И именно в староверческом селе Верхний Уймон остановились на постай Перихи.

Для Николая Константиновича были важны традиции и легенды староверов, одну из которых – о загадочной стране Беловодье – он связывал с сакральным средоточием буддийской Центральной Азии – Шамбалой.

По мысли Периха, Алтай был интересен также как один из узловых регионов в великом переселении народов, в ландшафте которого остались священные знаки прошедших здесь культур.

Они остались в легендах о «чуди», ушедшей под землю, и Рерих видит в подземных ручьях и устьях пещер семантику скрытых входов в подземные коридоры, ведущие чуть ли не до Гималаев, в то самое Беловодье.

Л.В. Шапошникова, идя по маршруту Мастера в 1970-х годах, посетила и Алтай, результатом стала книга-фотоальбом «От Алтая до Гималаев», где также отмечает, что «через Алтай проходила одна из важнейших артерий движения различных племен и народов, сыгравших большую роль в этногенезе Евразии» [Шапошникова, 1998, с. 34]. Движение «сквозь», своеобразный «исторический транзит», становится первом, по которому передаются инновационные и эволюционные импульсы вместе с движущимися народами.

Пустыни Срединной Азии, которые Рерихи прошли тогда, были пространствами, уводящими в бесконечность, пески скрывали руины древних поселений и открывали новые пути. В Монголии была опубликована та самая книга «Община», в которой говорилось о перспективах человеческого общиножития, построенного не на принуждении, а на добровольной и осознанной кооперации.

Помимо монгольских и китайских пустынь Рерихи прошли через Тибет, где экспедиция чуть не погибла, задержанная на долгие зимние месяцы местным правительством. Здесь Еленой Ивановой Рерих в этих тяжелейших условиях была создана книга «Знаки Агни Йоги», в которой были собраны главные положения всего философского учения Живой Этики.

Маршрут исследовательницы творчества Рериха пролегал по Дарджилингу, Ладаку и Монголии, а китайская часть пути рериховской экспедиции оказалась тогда недоступной из-за политического напряжения между СССР и Китаем. Л.В. Шапошникова отмечала, что по прошествии 50 лет Рерихов помнили везде, где они проходили, они остались в памяти не только непосредственных свидетелей, но и в памяти их потомков – как легенда. Рерих, собиратель легенд, сам стал легендою этих мест, его *Genius Loci*... В Улан-Баторе она встретилась с академиком Ринчином, которому был 21 год, когда в Ургу приехали Рерихи. Он вспомнил о картине «Великий Всадник», подаренной Рерихом монгольскому правительству и до сих пор составляющей гордость Музея изобразительных искусств Монголии: «Удивительно, что он так сумел его написать. Людям с Запада редко удается проникнуть в суть буддийской символики. Рерих обладал таким даром. Этим он привлек многих из нас» [Шапошникова, 1999, с. 98]. В разговоре с Ринчи-

ном было затронуто и сокровенное духовное пространство Азии, с которым невидимыми нитями смыслов была связана экспедиция. Академик, крупнейший историк Монголии, тогда произнес: «Мы не произносим слово “Шамбала” всуе. <...> За ним стоит Великая реальность. Ученым пора исследовать его и очистить от наслоений времени и религиозных предрассудков. Рерих сделал в этом отношении первый шаг» [Шапошникова, 1999, с. 101].

* * *

Философия ландшафта и геокультурного пространства в творчестве Н.К. Рериха рождается из пересечения географического пространства и пространства Духа. Культурный ландшафт страны или региона в творчестве Н.К.Рериха тоже представляется необходимым условием преобразования социального пространства в духовное.

От устремленности культурного ландшафта к духовному (и географическому) фокусу Светлого Града, возможно, зависит степень его жизнеспособности в качественно меняющемся пространстве планеты. По этой устремленности различаются описания Азии, России, Европы и Америки в литературном наследии Н.К. Рериха. В Азии заповедная страна духа – непреложная реальность. Россия – вся поиск и устремление к ней. Европа – история и легенды о ней, Америка – отзвуки и отголоски заповедей этой великой реальности в новом культурном строительстве, прежде всего в продвижении идей Пакта защиты культурных ценностей. Красота Земли и национальная культура в самых, казалось бы, обыденных ее проявлениях становится ступенью к Высшему Неизреченному.

Философия Культуры как единственного агента, способного созидательно преобразовывать пространство, – путь выхода из тупика глобальных кризисов, порожденных безответственностью человека в его взаимоотношениях с планетой. Богатство национальных культур и мировая Культура важны именно при подготовлением сознания человечества к принятию высоких истин, способных примирить возросшие возможности со способами и целями их использования. Только в таком случае человечество сможет не только не разрушить среду своего обитания, но и продолжить преобразование пространства планеты в пространство Культуры.

ОБРАЗ РОССИИ¹

*Поверх всей Российской есть одна незабываемая Россия.
Поверх всякой любви есть одна общечеловеческая любовь.
Поверх всяких красот есть одна красота, ведущая
к познанию Космоса.*

Н.К. Рерих. Цветы Мории

Понимание Культуры как «Почитания света» в полной мере воплотилось в особой теме литературного творчества Н.К. Рериха – теме России, которая была важна и для большинства его современников, мыслителей Серебряного века. Например, евразийцы Н.Н. Алексеев, Г.В. Вернадский, П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой [Алексеев, 1998; Вернадский Г., 1997; Савицкий, 1997; Трубецкой, 1999; Исход … , 2008; Русский узел … , 1997], размышляя над свойствами России, приходили к выводу, что основа основ духовного строя русской культуры – особое «ощущение континента», которое противостоит «западноевропейскому ощущению моря» [Савицкий, 2008] и культурно-ландшафтной фрагментарности Европы. Россия – не Европа и не Азия, а Евразия, особая географическая сущность и особый культурный мир, которому присваивается название целого континента, «завершенный материк в себе» [Савицкий, 1927, с. 57]. Россия – особый субконтинент, судьбу и миссию которого определяет мировое равновесие. Даже «в силу своего географического положения Россия, лежащая на границе двух миров – восточного и западного, – исторически и geopolитически выполняет роль некоего культурного синтеза, объединяющего эти два начала» [Очирова, 1994, с. 191].

«Россия – бытийственный факт, через который все мы пребываем в человечестве, – писал современник Рериха Н.А. Бердяев. –

¹ Использована статья [Лавренова, 2010].

И Россия должна быть возведена до общечеловеческого значения. Россия – творческая задача, поставленная перед всечеловечеством, ценность, обогащающая мировую жизнь. Человечество и мир ждут луча света от России, ее слова, неповторимого дела» [Бердяев, 1990, с. 98].

Творческой задачей и путеводной звездой Россия была и для Рериха, который был современником и участником уникального исторического явления – совпадения во времени и пространстве Духовной и социальной революций, по определению Л.В. Шапошниковой: «Совпадение, случившееся впервые в истории человечества, несло в себе таинственный смысл закономерностей Космической эволюции. <...> Совпадение во времени и пространстве обеих революций определило многие духовные и социальные процессы России и сделало ее пространство уникальным в энергетическом, духовном и материальном смысле этого слова» [Шапошникова, 1998, с. 8]. По ее мнению, «энергетический импульс, который шел от Рериха как творческой личности, созидающей Красоту и возбуждающей мысль, был одним из формообразующих факторов Духовной революции, которая началась в России на заре XX в. Осознавая роль России в этом меняющемся мире и тонко чувствуя энергетику наступающего времени, Николай Константинович нес через свое искусство, через свои мысли то, что станет потом фундаментом нового мышления, – Культуру и красоту. Он как бы заново перечитывал историю России, выбирая в ней те моменты, которые имели непреходящее значение, – труд, созидательное устремление, подвиг, героизм» [там же, с. 32–33].

«...Сколько прекраснейших и глубочайших образов дает Россия. Сказанное и несказанное, писанное и неписанное, как в стаинных синодиках, остаются неизреченными образы величественные. В этой еще несказанности и заключается та скрытия народная, та чаша неотпитая, о которой и Вы так сердечно чуете», – пишет Рерих [Н.К. Рерих ..., 2017, с. 287]. Неисчерпаема Россия, и Николай Константинович приблизился к тому, чтобы наиболее достоверно описать эту неисчерпаемость словами и красками.

Образ России в творчестве Рериха имеет три основные смысловые компоненты: духовный облик России, выраженный в ее святых, творцах и мыслителях; историю ее культуры и искусства; ее современное художнику обличье.

Светочи

Воеводы духа, строители жизни, истинные оплоты проповедования всегда живы.

Н.К. Перих. Светочи

Наиболее яркие и проникновенные очерки о России посвящены ее духовным светочам, и прежде всего – Преподобному Сергию Радонежскому. В творчестве Николая Константиновича и облик, и дух Преподобного занимали особое место. Наиболее почитаемый русский святой представляется краеугольным камнем величественного строения русской духовности и русской культуры. Облик Преподобного дается не беспристрастным тоном историка, но жизненно, как неотъемлемо причастный русской культуре во все ее эпохи и смутные времена. Сергий Радонежский – «Данный России Воевода», объединитель духовных сил России не только XIV, но и XX столетия. Строитель и созидатель, Преподобный Сергий Радонежский был одним из самых почитаемых святых в семье Перихов. «Он творил характер народа», – так писала о нем Е.И. Перих.

«У Периха как русского художника и мыслителя существовала особая связь с иноком, жившим века тому назад, – пишет Л.В. Шапошникова. – Эта связь была конкретным, я бы сказала, персонифицированным духовным воздействием Сергея на Николая Константиновича. Возможно, в этом выражалось то длительное влияние Сергея, которое энергетически испытывала культура России в целом» [Шапошникова, 1998, с. 19].

Один из очерков о Сергии, «Свет неугасимый», Н.К. Перих начинает с пророчества: «Дано Преподобному Сергию трижды спасти землю русскую. Первое при князе Дмитрии, второе – при Минине, третье – теперь» [Перих Н., 1995а, с. 87]. Художник и мыслитель, писавший эти строки, относился к тем людям, для которых проявления Святого Духа, зафиксированные в «Житиях» святых, были не отвлеченной символикой, но иной, более высокой реальностью. Поэтому, возвращаясь к пророчеству, Николай Константинович поясняет: «Уже есть указания на то, что Преподобный Сергий начал новое служение своему народу. Уже идет по Москве и всем весям нашей Родины народная молва о все чаще и чаще повторяющихся явлениях Преподобного Сергия разным русским лицам. Эта молва уже гудит по России, ее отзвуки появляются в виде сообщений в русских газетах и за рубежом» [там же, с. 90].

В очерке «Спас» Перих пишет о непреложных законах проявления высшего через святых и подвижников: «Все русские люди помнят о скромных деревянных церквях Преподобного Сергия Радонежского, которые явились потом непобедимым оплотом Руси. Сказано, что Преподобному сослужил Пламенный. На изображении Св. Алипия Печерского, первого русского художника, за иконописателем изображен светлый руководящий Ангел. В этих неугасаемых символах указывается путь наитвердейший и наиблизайший. Священное изображение собирает в себе Благодать и эта Неизречимая Благодать наполняет как дворец, так и хижину» [Н.К. Перих … , 2017, с. 150].

Николай Константинович подчеркивает всемирное и даже пространственное значение облика Сергия Радонежского, неотделимого при этом от земли русской, ее истории и культуры, ее прошлого и будущего. Русский художник, объехавший почти полмира, находясь в Пекине, на маршруте Маньчжурской экспедиции, вспоминает то трепетное отношение к Сергию, которому он был свидетелем в разных точках земного шара. «Перед Вами стоит образ Преподобного подвижника земли Русской Святого Сергия. Отовсюду мне пишут, насколько это ведущее, незабываемое для каждого русского сердца имя сейчас возносится в разных частях света» [Перих Н., 1995а, с. 488].

Имя Сергия – объединитель мирового духовного пространства: «Имел счастье произносить Имя Преподобного и буддистам, и мусульманам, и евреям, и индусам, огнепоклонникам и почитателям Великого Духа. Было ли при этом хоть одно отрицание или отстранение? Не было, ибо всепрощающая и всевозносящая духовная культура заложена в каждом человеческом сердце. И не мечом, но сотрапезою духовною открывается этот светоносный сосуд благодати» [Н.К. Перих … , 2017, с. 139].

Яркий Светильник русского духа – образ Преподобного и его заветы – горит в сердцах рассеянных по миру русских людей, он же освещает деятельность многочисленных культурно-просветительских организаций, созданных Н.К. Перихом по всему свету. «Итак, пошлем всем содружествам мысли о преуспевании и еще раз порадуемся, что само пространство, насыщенное радиоволнами, звенит во благо Имени Преподобного Сергия» [Перих Н., 1995а, с. 92].

Эти слова великого мыслителя, прозвучавшие в 1935 г., перекликаются с современными концепциями, описывающими бытие культуры в пространстве, в частности, с ноосферной концепцией Вернадского, расширенной научными трудами второй

половины века. Согласно им, разнородность действующих в географическом пространстве планеты интеллектуальных и духовных сил создает внутреннюю неоднородность ноосферы. Одни территории более богаты многовековыми накоплениями, культурным наследием, другие – современными событиями, изменяющими энергоинформационное пространство планеты в целом или же какого-то региона. Так или иначе, ноосфера имеет сложную, «узловатую», структуру. В таких «узлах» наиболее напряжено взаимодействие всех видов пространства – от духовного до физического. Духовая культура народа создается святыми, подвижниками, героями – теми, кто вбирает в себя все лучшие черты народа и отдает их ему в новых прозрениях и творениях, созидая энергетическое поле культуры.

Образ духовной России расширяется пониманием духовного подвига. «Даны народу русскому и герои во всех веках. Народные богатыри от Микулы, от Святогора уже складывали твердыни. За славу народа русского боролись Александр Невский, Сергий Радонежский, Минин, Пожарский, Суворов, Кутузов, Пушкин, Менделеев, Мусоргский, Римский-Корсаков, Репин, Толстой, Павлов – и не перечесть! И народ русский воздает поклон своим героям» [Перих Н., 1995а, с. 315].

Один из столпов русской культуры – А.С. Пушкин, о котором Перих пишет: «Никто до и после Пушкина не обогатил русскую культуру настолько, насколько это сделал величайший поэт своего отечества. Он был истинным создателем русского литературного языка. <...> Он напитал русскую литературу народным духом, он обогатил язык бесчисленными словами, взятыми из самых глубин фольклорной сокровищницы. Он познакомил нас с настоящими поэтическими жемчужинами народных бардов» [Перих Н., 1995в].

За пределами своей Родины Перих пишет очерки, посвященные Льву Толстому, Блоку и Брубелю, Леониду Андрееву, Грабарю, Бенуа, Горькому, Юону и Петрову-Водкину, Мусоргскому и другим. В каждом из очерков Н.К. Перих создает объемные портреты известных деятелей, изображая как индивидуальные особенности, так и значимость творчества каждого из них для русской культуры. Так складывается многоцветная мозаика – образ России в лицах творцов ее культуры.

Перих повествует о простых русских людях, встреченных им в путешествиях по России. В их лицах и стати он видит героев минувших эпох, на подвиге которых строилась русская земля. Дюжая

новгородская девушка, легким движением сдвинувшая с берега лодку с гребцами и проводившая ее на глубину, – «сущая Марфа Посадница». Такие встречи становятся значимыми вехами. И Николай Константинович пишет о них: «Такой народ еще живет по озерам. Редко бывает в городе. Так же, как земля, умеет он хранить слова о старине» [Н.К. Рерих … , 2017, с. 129]. Стариной, ее преданиями и свершениями, героями и подвижниками, богата русская душа.

Русская духовная культура вне Родины, определяющая строй сознания и образ мыслей ее деятелей и проявленная в их действиях, также создает особые энергоинформационные поля.

Отдельная тема – распространение русских людей и русской культуры по всему миру – как в древние времена, так и в XX в. Определение «в рассеянии сущие» свидетельствует о пространственности русской культуры. «Анна Ярославна была супругой французского короля. Другая Ярославна была за скандинавом, за конунгом Гаральдом. Сын Андрея Боголюбского был женат на знаменитой грузинской царице Тамаре. Влиятельная и любимая жена султана Сулеймана Великолепного была русская из Подолья, “Хуррем султан”, как ее называли, Роксолана. Князь Долгорукий был высокопочитаемым лицом при дворе Великих Монголов» [Рерих Н., 1995а, с. 500]. «Теперь мы опять видим не только в рассеянии сущих, но множество русских имен, навсегда связанных с честью и преуспеянием великих государств. Франция гордится Мечниковым, в Англии – сэр Виноградов, Ковалевская – в Швеции, Блаватская – в Индии, Ростовский и Сикорский – в Америке. Барк является главою огромного финансового дела в Великобритании. В Парагвае войсками командует Беляев. Во Франции, в Югославии, в Китае, в Персии, в Сиаме, в Абиссинии – всюду можно найти на самых доверительно-ответственных местах русских деятелей» [там же, с. 501].

Русские в Харбине, о которых пишет Н.К. Рерих, – тоже в рассеянии сущие. Основы русской духовности, сохраняемые за пределами родной земли, находят свое воплощение в харбинском «Доме милосердия», которому посвящен отдельный очерк [Н.К. Рерих … , 2017, с. 153–154], в Институте Святого Владимира.

Заповедная страна

Золотое сердце русское, бьющееся в миллионах, населяющих Русь, никогда не помышляло о чем-то узконациональном, шовинистическом, захватническом. Нет, оно всегда томилось неосознанными устремлениями всемирности и мечтою о храме всеобъемлющем, о граде Китеже, Новом Иерусалиме.

Н.К. Перих. Во славу

В «портрете» духовной России Н.К. Периха очень важен образ Беловодья, земли обетованной русских староверов, передвигавшейся по мере освоения просторов страны все дальше и дальше на Восток. В литературном творчестве Н.К. Периха легенда о Беловодье обретает реальные черты. «В 1926 году мы на Алтае записали несколько сведений о странствиях в “страну чудную”. Видели и письмо, написанное с пути в Беловодье. Живут сказания! Искры действительности и пленительный вымысел в них переплетены щедро и вдохновенно. Азиатские просторы в неисчислении изобилии овеяли странников, взыскивающих светлого града.

Смутитель не преуспеет. И монголы и сарты, каждые в своих словах, поддержат путника. Бережно и сердечно отзовутся на его поиски.

Шабистан. Шамбала. Беловодье» [Перих Н., 1995б, с. 29].

«...Беловодье искали старообрядцы в разных местах Сибири, куда из Европейской России их тянули простор и глушь еще не тронутых, не заселенных мест» [там же, с. 24].

Другое, не менее значимое в образе России понятие, – Град Китеж. В творчество Н.К. Периха этот чудесный град также пришел из народных сказаний. Николай Константинович, будучи еще студентом Петербургского университета и Императорской академии художеств, серьезно изучал русский фольклор и мифологические ключи его текстов. Годы исследований и путешествий позволили ему обоснованно считать язык сказок и сказаний интернациональным. «Скажите о Граде Китеже, и бретонский пастух закивает в ответ, прочтите “Песнь о Полку Игореве” в скандинавских странах, или расскажите в далеком Ассаме об оборотнях, или об Антее в Греции, и всюду вам приложат свои понимания и дополнения» [Перих Н., 1995а, с. 176]. Сказания о Граде Китеже и о Беловодье в размышлениях Н.К. Периха раскрываются в философском ключе. В них звучит тема Небесного Града, являющейся архетипом для абсолютного большинства мировых культур. Город запредельной реальности и страна обетованная – модель идеального человечества, вдохновляли философов и странни-

ков. Принадлежащие иному, духовному пространству, они все же имеют связь с пространством географическим. Как духовные магниты, они определяют устремленность русской культуры, направление ее движения в сферу духа, а значит, высокий потенциал развития.

Но и Россия в некоторых своих качествах открывалась Перих и многим его современникам как Заповедная, или Заповеданная, страна, в которой сочетались высоты человеческого духа и широта русских просторов. Простор – одна из ключевых идей русской картины мира, тесно связанная с духовными категориями. «В русской картине мира *простор* – одна из главных ценностей. <...> Без простора нет покоя, без простора – душевная теснота. Только на просторе человек может быть самим собой» [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005, с. 68].

По мысли Н. Бердяева, «необъятность русской земли, отсутствие границ и пределов выразились в строении русской души. Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли, та же безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, широта. На Западе тесно, все ограничено, все оформлено и распределено по категориям, все благоприятствует образованию и развитию цивилизации – и строение земли, и строение души. Можно было бы сказать, что русский народ «пал жертвой» необъятности своей земли, своей природной стихийности» [Бердяев, 1990а, с. 8].

В русской культуре уже несколько веков существует жанр философских размышлений о пространстве страны, которое именно из-за своих размеров не может быть пространством «просто так», но обязательно должно обладать неким сверхсмыслом. «Что пророчит сей необыкновенный простор? Здесь ли, в тебе ли, не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройти ему?» – пишет Н.В. Гоголь [Гоголь, 1959, с. 355]. Перих цитирует Гоголя: «Народ чтит Гоголя, и нет такого угла в русских просторах, где бы молодое сердце ни внимало заветам любимого мыслителя. Слушаем: “Для русского теперь открывается путь, и этот путь – есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России...”» [Перих Н., 1995а, с. 253].

Николай Перих, побывавший в Азии, широту пространства ассоциирует не столько с Россией, сколько с «азийскими просторами», с пустыней Гоби, монгольской степью. Тем не менее Перих цитирует слова писателя Всеволода Иванова – одного из своих корреспондентов, – как близкие его сердцу: «Запад утонул в своих каменных домах, в римском праве и прочем. Лишь в России звучат

небывалые просторы в пространстве и во времени» [Перих Н., 1995а, с. 557]. Перих пишет «о неисчислимых сокровищах русских просторов» [Перих Н., 1995б, с. 130]. И сокровища эти – прежде всего сокровища духа.

«Русский простор» как ключевой образ-символ оказывает не-посредственное, во многом определяющее воздействие на картину мира русского человека. Для России в ее современных границах не-отъемлема идея освоения пространства Сибири и Дальнего Востока – сначала экспансионного (поход Ермака и переселенцы, включение этих территорий в состав Российской империи), затем интенсивного.

Перих же пишет о мощной волне более ранней колонизации с Востока, которая стала неотъемлемой частью русской культуры: «Вы знаете, что великая равнина России и Сибири после доисторических эпох явилась ареной для шествий всех переселяющихся народов. Изучая памятники переселений, вы понимаете величие этих истинно космических переселений. Из глубин Азии по русским равнинам прошло несметное количество племен и кланов. И пробившись до океана, эти странники, завершая свой путь через века, снова обернулись к России. И снова принесли ей обновленные формы своей жизни» [Перих Н., 2004, с. 38].

И о традиционном русском костюме Перих пишет как о результате дрейфа стилей и символов в процессе переселения народов – как об одеянии духа, рожденном из этого движения во времени и пространстве, из-за своей бескрайности кажущегося бесконечным, выводящим за пределы обыденного, дальнего мира.

Заветы культуры и православные святыни

Прекрасны старинные Патриаршие напевы. Вспоминаются встречи с Иерархами. Вот Флавиан Киевский говорит, посетив нашу иконную мастерскую: «Истинный терем изографов». Антоний Волынский (тогда он широко мыслил) восклицает, смотря на мой «Ростов Великий»: «Молитва земли Небу». <...> Из давних детских воспоминаний встает посещение Троице-Сергиевой Лавры. Потом Иоанн Кронштадтский: «Не болей. Придется много для Родины потрудиться». Потом неисчисление храмы, монастыри во время наших паломничеств с Еленой Ивановной. Новгород! Наконец, Валаам со схимниками.

Н.К. Перих. Памятка

Художник начинал свое осмысление России через археологию и архаику. Его ранние работы были посвящены языческой

разноплеменной Руси, где природа и человек едины и люди только начинают осваивать эти ландшафты, строя города и святыни. «Начав с “археологических” картин – “ученой живописи”, как можно ее определить, – он шел к “доисторическим фантазиям”. К легендарным сюжетам. Спускаясь по векам все глубже. Родное, охранять которое он призывал, не означало для него замыкания узконациональными рамками, напротив, оно тем и более ценно, что давало выход просторному вселенскому чувству» [Гунн, 2004, с. 6].

Но также Н.К. Перих был одним из первых, кто обратился к художественно-архитектурному наследию русского православия, кто утверждал в светской культуре высокую духовно-художественную ценность древнерусской иконописи и возрождал ее каноны в руководимой им иконописной мастерской при школе Императорского общества поощрения художеств. Об этой мастерской Николай Константинович вспоминал в одном из своих очерков: «А иконы нашей иконописной мастерской, писанные как учащимся школы, так и инвалидами Великой войны, широко расходились по Руси и за границей, внося в жизнь истовые изображения Святых Ликов. Видимо мне, что из учащихся иконописной мастерской некоторые, проникнутые религиозными основами, приняли монашеский чин и подвизаются ныне в монастырях» [Перих Н., 1992а, с. 45]. Православные святыни глубоко и трепетно чтились Перихами, были живоносным источником творческого вдохновения, драгоценным зерном многих великолепных полотен Николая Константиновича. Раз за разом в своих очерках Николай Константинович возвращается к теме бережения старины, необходимости обращения к корням русской культуры.

Основы русской культуры запечатлены в иконописном изводе. Икона – это Священное Писание в красках, где многомерность мира Высшего выражена емким символом. «Спас – Милостивый, Спас – Кроткий, Спас – Всеведущий, Спас – Всемогущий, Спас – Грозный, Спас – Всеисцеляющий, все тот же Великий Лик, полный бездонной мудрости, к которому извечно приходят люди со всеми радостями, горями, болестями и причитаниями. <...> В изучении основ иконописания люди опять поймут разницу между иконой и картиной, – пишет Перих. – Икона в своем древнем, необычайно четком и проникновенном символе остается нерушимой» [Н.К. Перих ..., 2017, с. 148].

Сходны мысли Н.К. Периха о русских исторических городах и храмовом зодчестве. Даже находясь в далеких странствиях, Н.К. Перих мысленно возвращался к самым прекрасным Обликам,

созданным древними мастерами. Богородица Нерушимая Стена, один из изначальных образов православия на Руси, и многие богочестивые храмы с глубоким сердечным чувством вспоминаются русским художником и мыслителем в пустынях Азии. «Нерушимая Стена Киево-Софийская стоит и будет стоять. Все-таки нерушима! «Богородица – Нерушимая Стена!» В произнесении такого народного названия, этого клика веры, вспоминаются и другие такие же храмы и изображения, неотъемлемые от смысла Руси» [Рерих Н., 1995а, с. 463]. За каждым из храмов, о котором пишет Рерих, – святое предание, легенда, история, собранные им бережно и любовно. Храмы концентрируют в себе сокровенный смысл России и сами наполняют пространство русской культуры высокой духовностью. «Множество храмов Богочестивых, множество часовен, множество киотов Владычицы небесной “на столбах при путях” стали по всему лицу земли Русской» [там же, с. 471].

Распространение русской культуры, ее всемирное признание и внедрение в ткань мировой культуры – эта тема очерка «Русская слава». Если национальное искусство в России собирает пространство культуры воедино, то русское искусство за рубежом играет роль моста между культурами. Вспоминая Русские сезоны в Париже и осевших в этом многоликом городе русских художников, Н.К. Рерих говорит о том, что через живописные полотна лучших мастеров русская культура познается иноземным сознанием. «Не в том дело, что они [художники] мыслили и расцвечивали понятие великой Руси каждый по-своему. Драгоценno именно то, что составляли в истории русской живописи прекрасное ожерелье, который запоминает каждый иноземец, желающий познавать истинную Россию» [там же, с. 211].

В 1903–1904 гг. Николай Константинович и Елена Ивановна совершили «большое паломничество» по древним русским городам «для ознакомления с фресками старых соборов и с чудесною иконописью» [Рерих Н., 1990, с. 57]. Чрезвычайно обширна панорама исторических городов России, представленных в очерках Рериха – это и его экспедиция «По старине», и отдельные «портреты» городов – Великий Новгород, Псков. В эти портреты входят как глубинные пласти русской истории, так и бытовые сценки, тонко подмеченные глазом мудреца и художника. В каждой из этих черточек – свой колорит, создающий неповторимый «дух места», его ауру. Результатом этого путешествия стали более ста картин и этюдов, запечатлевших молитвенное предстояние Земли Небу в лучших памятниках храмовой архитектуры. Некоторые из

этих храмов были разрушены после революции, но их образ остался навсегда на полотнах великого художника.

В 1907 г. Н.К. Рерихом был создан иконостас для церкви иконы Казанской Божьей матери Успенского женского монастыря г. Перми. Иконы были сделаны в традициях древнерусской иконографии, но написаны не темперой, как того требовала традиция, а маслом. В конце XIX в. и на рубеже веков для авторской иконы это применялось достаточно широко. «Иконы написаны под старину темными оттенками коричневого, зеленого, красного и напоминают торжественные изображения древних храмов. Складывается впечатление, будто живопись создана давно и верхний слой олифы со временем потемнел. Поля же покрыли басмой – все, как на почитаемых старинных образах. Кроме того, на иконы накладывались дополнительные рамы, также с узорной металлической фольгой, так что получилось подобие двойного ковчега – тоже известного признака древности. В целом Пермский иконостас представляет собой невысокую, но величественную алтарную преграду, на которой среди золотого узорочья басмы ясно выделяются несколько темноватые силуэты святых» [Маточкин, Скоморовская, 2003, с. 24].

Когда в государевом имении в Польше в Скерневицах было задумано строительство православного храма, посвященного Св. Алексию, митрополиту Московскому, был объявлен конкурс на проект церкви, который курировала императрица Александра Фёдоровна. Относительно общего вида храма она дала указание придать его «пропорциям и фасадам характер православной церкви в типе древнейших Псковских церквей со звонницами, а не с колокольнями» [Маточкин, 2005, с. 84]. «Эскиз храма церкви в Скерневицах» (1909), представленный Н.К. Рерихом на конкурс, отвечал этим требованиям и удостоился «полного Милостивого одобрения Её Величества» [там же]. 5 октября 1910 г. состоялась закладка храма, и в 1912 г. храм был возведен¹.

По эскизам Н.К. Рериха были созданы росписи и мозаики в церкви Покрова Пресвятой Богородицы в селе Пархомовка, Троицком соборе Почаевской лавры в Тернопольской области, храма Святого Духа в Талашкине Смоленской области. Кисти великого русского художника принадлежат эскизы росписей церкви Святого Духа во Фленове, часовни Святой Анастасии во Пскове, для

¹ В 1920–1930-х годах церковь была разрушена. Сейчас на ее месте находится оранжерея сельскохозяйственного института.

моленной комнаты виллы Л.С. Лившица в Ницце, эскизы мозаик Троицкой церкви Почаевской лавры, церкви в селе Пархомовка Киевской области, церкви Петра и Павла «на пороховых заводах» в Шлиссельбурге.

Некоторым эскизам храмовых росписей уже не суждено было украсить своды храмов, так как наступало смутное революционное время, а некоторые осуществленные росписи были утрачены. Но Образ Храма и Святые земли Русской присутствовали в художественном и литературном творчестве Николая Константиновича до самых последних дней его жизни.

Церковная роспись кисти Н.К. Рериха была неканонической, но проникающей в глубь веков, во времена Сергия Радонежского, собирателя Земли Русской, в те духовные основы, на которых зиждилось православие в самых лучших его традициях. «Временами казалось, что Рерих как бы продолжает идеи Сергия, развивает их, вскрывает их жизненность. Его, как и Сергия Радонежского, отличала широта исторического мышления. Оба они, инок и художник, считали, что культурное, нравственное строительство является главным в любом строительстве, что оно основа всему. Тот настрой, который был присущ Сергию, нередко одухотворял рериховские полотна» [Шапошникова, 1998, с. 19].

В жизни Рерихов было много светлых встреч с просвещенными православными иерархами того времени, было и духовное водительство со стороны «славных служителей Христовых». Среди них – замечательный подвижник и прозорливец конца XIX в. святой отец Иоанн Кронштадтский, который был духовником семьи Н.К. Рериха и матери Е.И. Шапошниковой (Рерих), и митрополит киевский Флавиан, и митрополит Антоний, совместно с которым велась «работа по украшению Почаевской лавры» [Рерих, 1990, с. 57], и митрополит Платон, иерарх Американской православной церкви, и отец Георгий Спасский, бывший духовником Н.К. Рериха в Париже.

1930-е годы. Из России долетают тревожные вести о разрушении памятников культуры новым политическим режимом. «Вспоминаем горестные кощунственные разрушения Симонова монастыря, Спаса на Бору, Храма Христа Спасителя. Куда же дальше идти?» [Рерих Н., 1995а, с. 219]. В 1935 г. в США был подписан Пакт Рериха о защите культурных ценностей, и в тексте «Листов дневника» Н.К. Рерих приводит выдержки из обращенного к нему письма Объединенного комитета русских национальных организаций в Калифорнии: «Быть может, Ваш Пакт может рас-

пространить свою деятельность и на Россию. Быть может, Вы сумеете обратить внимание Северо-Американских Соединенных штатов на творимое злое дело разрушения и насилия в пределах нашей общей Родины и защитить то, что еще уцелело» [Перих Н., 1995а, с. 151]. Это было невозможно в то время...

Зная, что в Советской России творится беззаконие по отношению к православным святыням, Николай Константинович доступными ему средствами – обращением к мировой общественности – пытался остановить беспрецедентный вандализм советских властей по отношению к православным храмам. Неоднократно на конференциях и в печати он возвышал свой голос в защиту православных святынь, привлекая к творимому беззаконию внимание мировой общественности. Но и в те времена проблемы культурных и духовных ценностей не волновали политиков...

Великая Отечественная война

Истинная несломимая оборона Родины и ее культурных сокровищ есть залог мощного движения Культуры. Там, где яро живет такое светлое устремление, там и препоны становятся возможностями.

Н.К. Перих. К будущему

«Опять война» – этот очерк был написан в 1939 г., по горячим следам после грозных событий в Европе. Перих, помнивший Первую мировую, с горечью и болью констатирует, что спустя четверть века после первого безумия началось второе.

Один из наиболее известных его очерков, написанных в 1940 г. в предчувствии того, что война придет и на Родину, – «Не замай!» Там он пророчески писал: «Всякий, кто ополчится на народ русский, почувствует это на хребте своем. Не угроза, но сказала так тысячелетняя история народов. Отскакивали разные вредители и поработители, а народ русский в своей целине необозримой, выоривал новые сокровища. Так положено. История хранит доказательства высшей справедливости, которая много раз уже грозно сказала – “Не замай!”» [Перих Н., 2004, с. 64]. В 40-х годах Н.К. Перих также записывает: «Народ русский незлоблив, но не затроньте его достоинство! Он ищет правду. Всякое лицемерие ему несвойственно. Надменное отношение наш народ почути и отстранит в сердце своем. Сограждане сотрудничают, ибо все равны в

своих правах, и пути им открыты. Ни классовые, ни расовые различия не беспокоят ум трудящихся» [Перих Н., 1995б, с. 410].

Грянул 1941 год. И когда фашистские войска перешли границу Советского Союза, подминая под себя город за городом, Николай Константинович сравнил происходящее с легендарной битвой между добром и злом «на поле Куру» в Бхагавад-Гите – Курукшетрой.

Героизм русского народа, о котором и раньше писал Перих, теперь тема почти каждого его очерка. «В грозе и молнии кует народ русский славную судьбу свою» [Перих Н., 1995а, с. 430]. Великий художник утверждает всемирность подвига русского народа. «Русский воин зычно на весь мир кликнул: «Огонь – на меня!» Принял герой все стрелы в свой щит, в свое сердце! И спас Родину. Какая славная былина: «Огонь – на меня!»» [Перих Н., 1996, с. 154].

Он скорбит о разрушениях, происходящих на родной земле, – усадьбу «Ясная Поляна», памятник Чехову и другие сокровища русской культуры оскверняют, как он говорит, «правнуки Шиллера и Гёте»! Разрушения происходят по всей оккупированной Восточной Европе. Идея Знамени Мира и Пакта Рериха, предложенного за пять лет до войны, могла бы стать панацеей от этих потерь, если бы признана воюющими сторонами. Но, как известно, к истории не применимо сослагательное наклонение...

Николай Рерих использует все возможности, чтобы помочь Родине, даже находясь вдали от нее. Не только значительные денежные пожертвования, но и неустанная работа на «информационном фронте» – статьи в газетах, выступления по радио в поддержку советского народа. В письмах Рерихов к сыну Святославу, который в 1941–1942 гг. находился в разъездах по Индии, договариваясь о выступлениях, организуя продажу книг и картин в пользу Советского Красного Креста, постоянно упоминаются сводки с фронта. Рерихи не оплакивают судьбу Родины в трудную годину, в самый тяжелый период войны, когда Советская армия сдавала Германии рубеж за рубежом, Николай Константинович и Елена Ивановна пишут своему младшему сыну: «По-прежнему не унываем сведениями с фронта, ибо знаем, что Хитлер не восторжествует» [Перих Е., 2007, с. 116]. Все подробности, сообщенные по радио, вызывали живой отклик и новые надежды: «Очень радовались, что Шапошников[иков] назначен начальником штаба, – уже чувствуются его мероприятия. Но, конечно, когда ему будет дана полная власть, то дела станут еще лучше» [там же, с. 113].

Еще в 1941 г., когда до реальных успехов на фронте было далеко, Рерих записывает: «Радуемся событиям в России, и так разгром Хитлера начался. <...> Как ни грустно то, что случилось с Американским флотом, но будем надеяться, что и Япония встретит свой час. Мое чувство говорило, что ни Петроград, ни Москва не будут взяты немцами, так и теперь я знаю, что японцы на континенте Индии не будут. Грозный час Японии наступит» [Рерих Е., 2007, с. 123].

* * *

В 1943 г. художник и философ записывает про себя и свою семью: «Ныне исполнилось четверть века наших странствий. Каждый из нас четырех в своей области накопил немало знаний и опыта. Но для кого же мы все трудились? Неужели для чужих? Конечно, для своего, для русского народа мы переводили и радости, и трудности, и опасности. Много, где нам удалось внести истинное понимание русских исканий и достижений. Ни на миг мы не отклонялись от русских путей. Именно русские могут идти по нашим азиатским тропам. <...> Для народа русского мы трудились. Ему несем знания и достижения» [Рерих Н., 2004, с. 83].

За несколько месяцев для Победы Николай Константинович вспоминает известные слова Гоголя о «птице-тройке»: «Русь, куда же несешься ты?»... Рерих завершает эти размышления классика одной фразой. «И через сто лет дала Русь ответ: «Вперед, вперед, вперед! Во благо человечеству!» [там же, с. 89].

После войны Н.К. Рерих с новой силой призывает к культурному строительству. Вести с Родины обнадеживали, и Россия представляла в ореоле новых позитивных преобразований. «В дальних снежных Гималаях радуемся, что именно великая Русь победоносна и прежде всего мыслит о торжестве науки, о творчестве, – о связи общечеловеческой. Велико светлое будущее!» [Рерих Н., 1996, с. 303].

Список литературы

- Алексеев Н. Русский народ и государство. – Москва, 1998. – 635 с.
- Беликов П.Ф. Последняя научно-исследовательская экспедиция Н.К. Рериха // Рериховские чтения 1976 г. – Новосибирск, 1976. – С. 94–97.
- Беликов П.Ф., Князева В.П. Николай Константинович Рерих. – Самара : Агни, 1996. – 199 с.
- Беликов П.Ф., Князева В.П. Рерих. – Москва : Молодая гвардия, 1973. – 256 с.
- Беликов П.Ф., Шапошникова Л.В. Институт Уруsvati // Духовное созерцание. – 1998. – № 1/2. – С. 23–35.
- Бенефельд А.С. Мынцзян (Внутренняя Монголия). Кн. 1. – Чита, 1944. – 93 с.
- Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – Москва : Наука, 1990а. – 224 с.
- Бердяев Н.А. Судьба России. – Москва : Советский писатель, 1990б. – 346 с.
- Богомолов Л.А., Судакова С.С. Общее землеведение. – Москва : Недра, 1971. – 232 с.
- Борисов Л. Н.К. Рерих – автор антихристианских книг // Харбинское время. – 1934. – № 315. – 21.11.
- Бугаева Л.В. Горячее сердце героя. – URL: <http://rossasia.sibro.ru/voshod/article/46371> (дата обращения: 18.11.2023).
- Веденин Ю.А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Известия АН СССР. Сер. Географическая. – 1990. – № 1. – С. 5–17.
- Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. – Москва : Наука, 1991. – 271 с.
- Вернадский Г.В. История России. Монголы и Русь. – Тверь : Леан ; Москва : Аграф, 1997. – 479 с.
- Глазами тех, кто знал его: [Высказывания Дж. Неру, Р. Тагора, А. Эйнштейна, Л. Леонова, В. Севастьянова, И. Грабаря о творчестве Н.К. Рериха] // Доброе утро. – 1994. – № 36 (124). – 23–25 сент.
- Гоголь Н.В. Собрание художественных произведений : в 5 т. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – Т. 5. – 567 с.
- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Москва : ДИ-ДИК, 1994. – 638 с.
- Гунн Г. Николай Рерих о России // Рерих Н.К. Россия. – Москва : МЦР, 2004. – С. 3–12.

- Декроа Н. Тибетские странствия полковника Кордашевского. (С экспедицией Н.К. Рериха по Центральной Азии). – Санкт-Петербург : Аюр Веда пресс, 2000. – 360 с.
- Дильтей В. Предпосылки или условия сознания либо научного познания // Вопросы философии. – 2001. – № 9. – С. 121–125.
- Дубаев М. Харбинская тайна Рериха. – Москва : Сфера, 2001. – 566 с.
- Дьяченко И.Ю. Литературные очерки Н.К. Рериха 1920–1940 гг. как источник познания космической реальности // Живая этика и наука. – 2013. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnye-ocherki-n-k-teriha-1920-1940-gg-kak-istochnik-poznaniya-kosmicheskoy-realnosti> (дата обращения: 02.03.2024).
- Есть всюду свет... Человек в тоталитарном обществе. – Москва : Возвращение, 2000. – 480 с.
- Ефремов Ю.К. Н.К. Рерих и география. (К 85-летию со дня рождения) // Вопросы географии. – Москва, 1960. – № 50. – С. 253–256.
- Жалсабон В.Д. Японская агрессия против Китая и автономистское движение во Внутренней Монголии // Вестник Московского Университета. – 1972. – № 2. – С. 22–31.
- Зайцев И.В., Лавренова О.А. Притяжение Югославии. Переписка Н.К. Рериха и А.А. Олесницкого (1932–1933) // Восточный архив. – 2017. – № 36. – С. 42–52.
- Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев И.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира : сб. ст. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – 540 с.
- Знамя Мира : сборник статей. – Москва : МЦР, 1995. – 383 с.
- Иванов Вяч. Вс. Наука о человеке. Введение в современную антропологию. – Москва : РГГУ, 2004. – 196 с.
- Иванова Л.С. Текст как универсальная форма существования культуры и как объект семиотических исследований // Научные труды. – 2008. – № 6. – С. 71–78.
- Избранные письма Н.К. Рериха ученым, общественным и культурным деятелям (1930-е гг.) // Культура и время. – 2010. – № 2. – С. 46–65.
- Иоанн Лествиничник. Лествица. – Москва : Отчий дом, 2020. – 496 с.
- Исход к Востоку. Философия Евразийства. – Москва : Добросвет : Издательство «КДУ», 2008. – 196 с.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
- Кедров К. Параллельные миры. – Москва : Аиф-Принт, 2001. – 457 с.
- Книжник Т.О. Личный вклад Е.И. Рерих в движение Знамени Мира // 70 лет Пакту Рериха : материалы Международной научно-общественной конференции. 2005. – Москва : МЦР, 2006. – С. 175–192.
- Козар В.А. Динамика Света и цвета в творчестве Святослава Рериха // 100 лет со дня рождения С.Н. Рериха : материалы Международной научно-общественной конференции. 2004. – Москва : МЦР, 2005. – С. 336–359.
- Козлов В.П. Жизнь и деятельность Петра Кузьмича Козлова – путешественника, исследователя Центральной Азии // Козлов П.К. Монголия и Кам. – Москва : ОГИЗ, Гос. изд-во географической литературы, 1947. – С. 9–32.
- Козлов П.К. Личные воспоминания о Н.М. Пржевальском // Известия Русского геогр. об-ва. – 1929. – Т. 61, вып. 2. – С. 379–394.
- Козлов П.К. Монголия и Кам. – Москва : ОГИЗ, Гос. изд-во географической литературы, 1947. – 438 с.

- Козлов П.К. Тибет и Далай-Лама. – Москва : Товарищество науч. изд. КМК, 2004. – 137 с.
- Кун Т. Структура научных революций : пер. с англ. – Москва : АСТ, 2001. – 365 с.
- Куцарова М.П. Пакт Рериха – основа международной правовой системы защиты ценностей культуры и ее будущее // 70 лет Пакту Рериха : материалы Международной научно-общественной конференции. 2005. – Москва : МЦР, 2006. – С. 241–260.
- Лабецкий П.П., Лазаревич О.В., Молодин В.И. Рерих – археолог. – Новосибирск, 2002. – 115 с.
- Лавренова О.А. «В строительстве и неисчерпаемости преодолеем». Маньчжурская экспедиция Н.К. Рериха (1934–1935) // Рерих Н.К. Дневник Маньчжурской экспедиции (1934–1935) / публикация, примечания и перевод О.А. Лавреновой. – Москва : МЦР, 2015. – С. 7–80.
- Лавренова О.А. «Все силы культуры должны объединиться». Избранные письма Н.К. Рериха ученым, общественным и культурным деятелям (1930-е гг.) // Культура и время. – 2010. – № 2. – С. 47–53.
- Лавренова О.А. «Записные листы» Николая Рериха – космическая эссеистика // Studia Litteraria Universitatis Jagellonicae Cracoviensis. – 2017. – Tom 12, Zeszyt 4. – S. 269–277.
- Лавренова О.А. «Памятки народу русскому». Николай Рерих о России // Россия и наследие Рерихов : сб. ст. – Москва : МЦР : Мастер Банк, 2010. – Том 1 / сост. Т.О. Книжник, Н.Г. Михайлова. – С. 6–19.
- Лавренова О.А. Горний путь. Центрально-Азиатская экспедиция и книга Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии» // Рерих Ю.Н. По тропам Срединной Азии. – Москва : МЦР : Мастер-Банк, 2012. – С. 731–744.
- Лавренова О.А. Идея Общины в Живой Этике и общественных проектах Н.К. Рериха // Учение Живой Этики и его актуальность в современном мире : материалы Междунар. науч.-обществ. конф. 2018. – Москва : МЦР, 2021. – С. 131–143.
- Лавренова О.А. Институт гималайских исследований «Урувати»: вехи науки будущего // Культура и время. – 2007. – № 3. – С. 26–39.
- Лавренова О.А. Конференции Пакта Рериха в Брюгге и Вашингтоне 1931–1934 гг. // 70 лет Пакту Рериха : материалы Международной научно-общественной конференции. 2005. – Москва : МЦР, 2006. – С. 193–211.
- Лавренова О.А. Концепция культуры Рериха в контексте идей русского космизма // Русский космизм: история и современность : сборник трудов по материалам III Всероссийской научно-практической конференции. 16 ноября 2017. – Москва : RuScience, 2018. – С. 112–119.
- Лавренова О.А. Мастер гор: Гималаи в творчестве Н.К. Рериха // «Гений места» в русском искусстве XX века : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 135-летию И.И. Машкова. 10–11 ноября 2016 г. – Волгоград, 2016. – С. 118–124.
- Лавренова О.А. Прецедентные тексты в философской системе Живой Этики: культурологический подход // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2022. – Выпуск 860, № 5. – С. 140–146. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_140

- Лавренова О.А. Философия ландшафта и геокультурного пространства в творчестве Н.К. Рериха и С.Н. Рериха // География искусства. – Москва, 2002. – Вып. 3. – С. 50–82.
- Лавренова О.А. Философское наследие Рерихов и новые горизонты научного познания // Восьмой Российской философский конгресс – «Философия в полиглоссии» – Круглые столы. – Москва : Логос, 2020. – С. 1146–1148.
- Лавренова О.А. Философско-этическое учение Живая Этика: текст в культуре // Вестник культурологии. – 2020. – № 3. – С. 150–164. DOI: 10.31249/hoc/2020.03.10
- Лавренова О.А. Цветкова О.Е. Горный путь. Гималаи // [Центр-Музей имени Н.К. Рериха]. Каталог. Живопись и рисунок. Николай Рерих. Святослав Рерих. Елена Рерих : в 2 т. – Москва : МЦР : Мастер-Банк, 2009а. – Т. 1. – с. 178–183.
- Лавренова О.А. Центрально-Азиатская экспедиция Н.К. Рериха : философия и семантика путешествия // 80 лет Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха : материалы Международной научно-общественной конференции. 2008. – Москва : МЦР : Мастер-Банк, 2009б. – С. 224–238.
- Лавренова О.А. Концепция культуры Н.К. Рериха и ноосферная реальность // Культурное наследие: философские, исторические и юридические аспекты : материалы Международной научно-практической конференции. Минск, 17 февраля 2012 г. – Минск : Международный университет «МИТСО», 2012. – С. 27–40.
- Лавренова О.А., Куцарова М.П. Осмысление и развитие Живой Этики в трудах Л.В. Шапошниковой // Живая Этика и наука : материалы Международной научно-общественной конференции. 2007. – Москва : МЦР : Мастер-Банк, 2008. – С. 592–618.
- Лавренова О.А., Ульянкина Т.И. Наука будущего. Переписка Н.К. Рериха и С.И. Метальникова // Культура и время. – 2003. – № 2. – С. 72–85.
- Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабецкий П.П. Н.К. Рерих – археолог. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – 116 с.
- Ларичев В. Романтическая археология (беглые заметки редактора на заданную тему) // Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабецкий П.П. Н.К. Рерих – археолог. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – С. 5–8.
- Ларюэль М. Идеология русского евразийства или мысли о величии империи. – Москва : Наталис, 2004. – 287 с.
- Лидин Н. Как Рерих разработал план «Захвата Сибири» // Новое Русское Слово. – 1934. – 29.12.
- Лосский Н.О. История русской философии. – URL: https://www.eusi.ru/lib/losskij_istorija_russkoj_filosofii/21.shtml?ysclid=ltc60i9bn5229751091 (дата обращения: 18.01.2024).
- Лосский Н.О. Характер русского народа : в 2 кн. – Москва, 1990. – Кн 2. – 98 с.
- Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции дворянства (XVIII – нач. XIX в.). – Санкт-Петербург : Искусство-СПб., 1994. – 412 с.
- Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. – Таллин : Александра, 1992. – Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. – 479 с.
- Лотман Ю.М. Культура и взрыв // Лотман Ю.М. Семиосфера. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб., 2000а. – С. 12–149.
- Лотман Ю.М. Семиосфера. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб., 2000б. – 704 с.

- Лотман Ю.М., Минц З.Г. Литература и мифология // История и типология русской культуры. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб., 2002. – С. 727–743.
- Лукин Ю.Н. Испытывайте духов // Русское слово. – 1934. – 23 сентября.
- Маньчжоуго обвиняет Рериха в шпионаже // Новое русское слово. – 1936. – 31 января.
- Материалы по доисторической археологии России: Раскопки худож. Н.К. Рериха в Петербургской губ. В 1895–1898 гг. // Записки Русского археологического о-ва. – Санкт-Петербург, 1899. – Т. 11, вып. 1/2. – С. 323–330.
- Маточкин Е.П. Николай Рерих: мозаики, иконы, росписи, проекты церквей. – Самара, 2005. – 198 с.
- Маточкин Е.П., Скоморовская Н.В. Пермский иконостас Николая Рериха : собрание Пермской художественной галереи. – Самара : Агни, 2003. – 144 с.
- Матусовский З. Географическое обозрение Китайской империи. – Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук, 1888. – 87 с.
- Метальников С.И. Иммунитет как защитная реакция у беспозвоночных животных // Известия Естественнонаучного института им. П.-Ф. Лесгафта. – 1927. – Т. 13, № 1. – С. 109–138.
- Монголия и Маньчжурия // Возрождение. – 1935. – 16 марта.
- Муравых А.И. Философия экологической безопасности. – Москва : Изд-во Рос. Акад. Госслужбы, 1997. – 178 с.
- Мурзаев Э.М. Николай Михайлович Пржевальский // Творцы отечественной науки. Географы. – Москва, 1996. – С. 217–218.
- Н.К. Рерих и духовно-историческое наследие России : сб. очерков Н.К. Рериха и документов. – Москва : МЦР, 2017. – 397 с.
- Назаров А.Г. Душа природы. С.Н. Рерих – естествоиспытатель-космист // Культура и время. – 2005. – № 1. – С. 44–61.
- Напутствие Вождю // Рерих Е.И. Община и Вождь в Эпоху Огня. – Симферополь : Таврия, 1994. – С. 67–119.
- Наука будущего. Переписка Н.К. Рериха и С.И. Метальникова / вступ. статья О.А. Лавреновой, Т.И. Ульяниной // Культура и время. – 2003. – № 2. – С. 73–85.
- Неизвестная жизнь Иисуса Христа (Тибетское сказание) / Нотович Н. – Санкт-Петербург, 1910. – 31 с.
- Непрерывное восхождение : сборник, посвященный 90-летию со дня рождения П.Ф. Беликова : в 2 т. – Москва : МЦР, 2003. – Т. 2, Ч. 1 : 1934–1975. – 620 с.
- Николай Рерих в русской периодике. 1891–1918. – Санкт-Петербург : ИПК Бионт, 2005. – Вып. 2. – 556 с.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – Москва : Азъ, 1992. – 960 с.
- Очирова Т.Н. Евразийская модель культуры // Цивилизации и культуры. Москва : ИВ РАН, 1994. – Вып. 1 : Россия и Восток: цивилизационные отношения. – С. 197–207.
- Памятники литературы Древней Руси: XII век. – Москва : Художественная литература, 1980. – 704 с.
- По лицу Земли: Географические карты и атласы XVI–XX веков в Музее-институте семьи Рерихов. Каталог выставки. – Санкт-Петербург : Рериховский центр Санкт-Петербургского гос. ун-та ; Вышний Волочёк, Тверская обл. : Ирида-прос, 2007. – 89 с.

Послесловие научного редактора к статье Г. Станишич-Ристович «*Axis Mundi* в символических пейзажах Николая Константиновича Периха (по поводу семи картин из Национального музея в Белграде)» // Международная научно-практическая конференция «Периховское наследие» : сборник. – Санкт-Петербург, 2012. – Т. 9 : Наследие семьи Перихов в музеях и собраниях мира. – С. 343–345.

- Перих Е.И. Письма в Америку : в 4 т. – Москва : Сфера, 1999а. – Т. 4. – 488 с.
- Перих Е.И. Письма : в 9 т. – Москва : МЦР, 1999б. – Т. 1. – 432 с.
- Перих Е.И. Письма : в 9 т. – Москва : МЦР, 2000. – Т. 2. – 576 с.
- Перих Е.И. Письма : в 9 т. – Москва : МЦР, 2001. – Т. 3. – 768 с.
- Перих Е.И. Письма : в 9 т. – Москва : МЦР, 2002. – Т. 4. – 512 с.
- Перих Е.И. Письма : в 9 т. – Москва : МЦР, 2003. – Т. 5. – 384 с.
- Перих Е.И. Письма : в 9 т. – Москва : МЦР, 2007. – Т. 7. – 472 с.
- Перих Е.И. У порога Нового Мира. – Москва : МЦР, 2000б. – 464 с.
- Перих Н.К. Алтай – Гималаи. – Рига : Виеда, 1992а. – 336 с.
- Перих Н.К. Врата в Будущее. – Рига : Угунс, 1936а. – 326 с.
- Перих Н.К. Гималаи – обитель Света. Адамант. – Самара : Агни, 1996. – 248 с.
- Перих Н.К. Глаз добрый. – Москва : Художественная литература, 1991. – 222 с.
- Перих Н.К. Держава Света. – Southbury : Аллатас, 1931. – 285 с.
- Перих Н.К. Держава Света. Священный Дозор. – Рига : Виеда, 1992б. – 285 с.
- Перих Н.К. Дневник Маньчжурской экспедиции. – Москва : МЦР, 2015. – 520 с.
- Перих Н.К. Зажигайте сердца. – Москва : Мол. гвардия, 1990. – 190 с.
- Перих Н.К. Из литературного наследия. – Москва : Изобраз. искусство, 1974. – 533 с.
- Перих Н.К. Избранное. – Москва : Сов. Россия, 1979. – 382 с.
- Перих Н.К. Листы дневника : в 3 т. – Москва : МЦР, 1995а. – Т. 1. – 672 с.
- Перих Н.К. Листы дневника : в 3 т. – Москва : МЦР, 1995б. – Т. 2. – 512 с.
- Перих Н.К. Листы дневника : в 3 т. – Москва : МЦР, 1996. – Т. 3. – 688 с.
- Перих Н.К. Нерушимое. – Рига : Угунс, 1936б. – 349 с.
- Перих Н.К. Письма в Америку. 1923–1947. – Москва : Сфера, 1998. – 736 с.
- Перих Н.К. Письма. – Москва : МЦР, 2018. – Т. 1. – 648 с.
- Перих Н.К. Письма. – Москва : МЦР, 2020. – Т. 2. – 352 с.
- Перих Н.К. Письма. – Москва : МЦР, 2022. – Т. 3. – 600 с.
- Перих Н.К. Пути Благословения : филос. эссе. – New York ; Paris ; Riga ; Harbin : Аллатас, 1924. – 157 с.
- Перих Н.К. Россия. – Москва : МЦР, 2004. – 92 с.
- Перих Н.К. Священный Дозор. – Харбин, 1934. – 156 с.
- Перих Н.К. Сердце Азии. – Southbury (Conn.) : Alatas, 1929. – 139 с.
- Перих Н.К. Сердце Азии. – Рига : Виеда, 1992б. – 138 с.
- Перих Н.К. Сказки и притчи // Перих [Альбом]. – Петербург : Свободное искусство, 1916. – С. 153–199.
- Перих Н.К. Собрание сочинений. – Москва : Изд-во И.Д. Сытина, 1914. – Кн.1. – 335 с.
- Перих Н.К. Держава Света. Священный Дозор. – Рига : Виеда, 1992в. – 285 с.
- Перих Н.К. Твердыня Пламенная. – Париж : Всемир. Лига культуры, [1932]. – 383 с.
- Перих Н.К. Урувати. – Москва : МЦР, 1993. – 104 с.
- Перих Н.К. Химават. – Самара : Агни, 1995в. – 294 с.
- Перих Н.К. Цветы Мории. Пути Благословения. Сердце Азии. – Рига : Виеда, 1992г. – 261 с.

- Перих Н.К. Цветы Мории : сб. стихотворений. – Берлин : Слово, 1921. – 128 с.
- Перих Н.К. Шамбала сияющая. – Москва : МЦР, 2000. – 310 с.
- Перих Н.К. Шамбала. – Москва : МЦР, 1994. – 208 с.
- Перих С.Н. Искусство и жизнь. – Москва : МЦР, 2004. – 327 с.
- Перих С.Н. Письма : в 2 т. – Москва, 2005. – Т. 2. – 456 с.
- Перих С.Н. Стремиться к Прекрасному. – Москва : МЦР, 1993. – 119 с.
- Перих Ю. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями / АН СССР, Ин-т востоковедения. – Москва : Наука, 1983–1993. – Вып. 1–11 / Ред. Ю. Парфинович и В. Дылыкова.
- Перих Ю.Н. Дневник Маньчжурской экспедиции (1934–1935) // Перих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия. – Москва : Рассанта, 2012а. – Т. 2. – С. 165–192.
- Перих Ю.Н. Новый аванпост науки // Духовное созерцание. – 1998. – Вып. 1–2. – С. 70–77.
- Перих Ю.Н. Письма : в 2 т. – Москва : МЦР, 2002а. – Т. 1. – 352 с.
- Перих Ю.Н. Письма : в 2 т. – Москва : МЦР, 2002б. – Т. 2. – 400 с.
- Перих Ю.Н. По тропам Срединной Азии. Пять лет полевых исследований с Центрально-Азиатской экспедицией Периха. – Москва : МЦР, 2012б. – 780 с.
- Перих Ю.Н. Экспедиция академика Н.К. Периха в Центральную Азию (1925–1928) // Вопросы географии. – 1960. – № 50. – С. 257–262.
- Русские люди! Следите за полемикой Вершинин – Перих. Ответ брата Н.К. Периха Ав. Вершинину // Наш путь. – 1934. – № 297(391). – 16 ноября.
- Русский узел евразийства. Восток в Русской мысли : сб. трудов евразийцев. – Москва : Беловодье, 1997. – 525 с.
- Савицкий П. Контinent Евразия. – Москва : Аграф, 1997. – 461 с.
- Савицкий П. Континент-океан (Россия и мировой рынок) // Исход к Востоку. Философия евразийства. – Москва : Добросвет : Издательство «КДУ», 2008. – С. 166–193.
- Савицкий П.Н. Россия – особый географический мир. – Париж : Евразийское книгоиздательство, 1927. – 68 с.
- Семенов-Тан-Шанский П.П. Предисловие // Риттер К. Землеведение Азии. Ч. 1. – Санкт-Петербург, 1856. – С. 7–8.
- Смирнов Г.С. Философские и культурологические проблемы становления ноосферного сознания : дисс. ... докт. философских наук. – Москва, 2000. – 349 с.
- Соколов В.Г. Живая Этика и новая парадигма культуры // Культура и время. – 2008. – № 1. – С. 4–17.
- Соловьев В. Собрание сочинений : в 9 т. – Санкт-Петербург : Общественная польза, [1902].
- Тейлор Э.Б. Первобытная культура // История мировой культуры : курс лекций. – Москва : Политиздат, 1989. – 572 с.
- Тейяр де Шарден П. Божественная среда. – Москва : Ренессанс СП : ИВО-СиД, 1992. – 311 с.
- Толстиков А.В., Кошелева О.В. Homo viator // Homo viator. Путешествие как историко-культурный феномен. – Москва : ИВИ РАН, 2010. – С. 5–10.
- Топоров В.Н. Крест // Мифы народов мира. – Москва, 1988. – Т.2. – С. 12–13.
- Торосян В.Г., Дробязко Н.Е. Кризис науки или наука в кризисном социуме? // Наука и современность. – 2014. – № 4. – С. 186–190.
- Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. – Москва : Аграф, 1999. – 554 с.

- Учение Живой Этики. Агни Йога, 1929. С текстологическим комментарием и словарем. – 2-е издание, – Москва : МЦР, 2015. – 600 с.
- Учение Живой Этики. АУМ. 1936.– Москва : МЦР : Фирма БИСАН-ОАЗИС : Мастер-Банк, 1996. – 304 с.
- Учение Живой Этики. Беспределность, 1930. Ч. 1. С текстологическим комментарием и словарем. – Москва : МЦР, 2009. – 496 с.
- Учение Живой Этики. Беспределность, 1930. Ч. 2. С текстологическим комментарием и словарем. – Москва : МЦР, 2010. – 328 с.
- Учение Живой Этики. Братство. Ч. 1. 1937. – Москва : МЦР : Фирма БИСАН-ОАЗИС : Мастер-Банк, 1996. – 284 с.
- Учение Живой Этики. Братство. Ч. 2. Надземное: Внутренняя жизнь. 1938. – Москва : МЦР : Фирма БИСАН-ОАЗИС : Мастер-Банк, 1996. – 432 с.
- Учение Живой Этики. Братство. Ч. 2. Надземное: Внутренняя жизнь (продолжение). 1938.– Москва : МЦР : Фирма БИСАН-ОАЗИС : Мастер-Банк, 1996. – 431 с.
- Учение Живой Этики. Братство. Ч. 2. Надземное: Внутренняя жизнь (окончание). 1938.– Москва : МЦР : Фирма БИСАН-ОАЗИС : Мастер-Банк, 1997. – 432 с.
- Учение Живой Этики. Знаки Агни Йоги. – Москва : МЦР, 1994. – 413 с.
- Учение Живой Этики. Иерархия, 1931. С текстологическим комментарием и словарем. – Москва : МЦР, 2011. – 384 с.
- Учение Живой Этики. Листы Сада Мории. Кн. 1. Зов. Текстологический комментарий / Вступительная статья Л.В. Шапошниковой. – 2-е издание. – Москва : МЦР, 2015. – 400 с.
- Учение Живой Этики. Листы Сада Мории. Кн. 2. Озарение. – Москва : МЦР, 2003. – 326 с.
- Учение Живой Этики. Мир Огненный. Ч. 1. 1932–1933. – Москва : МЦР : Фирма БИСАН-ОАЗИС : Мастер-Банк, 1995. – 366 с.
- Учение Живой Этики. Мир Огненный. Ч. 2. 1933–1934. – Москва : МЦР : Фирма БИСАН-ОАЗИС : Мастер-Банк, 1995. – 306 с.
- Учение Живой Этики. Мир Огненный. Ч. 3. 1934–1935. – Москва : МЦР : Фирма БИСАН-ОАЗИС : Мастер-Банк, 1996. – 372 с.
- Учение Живой Этики. Община (Рига), 1926. – 2-е издание. – Москва : МЦР, 2004. – 328 с.
- Учение Живой Этики. Община (Урга), 1927. – Москва : МЦР, 2004. – 304 с.
- Учение Живой Этики. Сердце, 1932. С текстологическим комментарием и словарем. – 2-е издание. – Москва : МЦР, 2015. – 384 с.
- Флоренский П.А. Об имени Божием // *Studia Slavica Hung.* – 1988. – Vol. 1/4. – С. 40–75.
- Хейдок А. Радуга чудес. – Рига : Виеда, 1994. – 440 с.
- Цыбикдоржиев Доржи. Генерал-майор гоминьдана Ринчин-Доржи Очиров // ARD. – 2013. – 5 июня. – URL: <http://asiarussia.ru/articles/299/> (дата обращения: 25.01.2015).
- Чандра Л. Пакт Периха // 70 лет Пакту Периха. – Москва : МЦР, 2006. – С. 57–59.
- Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии. – Москва : Гардарика, 1998. – 400 с.
- Чирятьев М.Н. Естественнонаучные исследования С.Н. Периха // Культура и время. – 2005. – № 2. – С. 10–37.
- Шапошникова Л.В. Австралоиды живут в Индии. – Москва : МЦР, 2017. – 252 с.
- Шапошникова Л.В. Веления Космоса. – Москва : МЦР, 1996. – 144 с.

- Шапошникова Л.В. Великое путешествие : в 3 кн. Кн. 1. Мастер. – Москва : МЦР : Мастер-Банк, 1998а. – 624 с.
- Шапошникова Л.В. Великое путешествие : в 3 кн. Кн. 2. По маршруту Мастера. Т. 1. – Москва : МЦР, 1999. – 400 с.
- Шапошникова Л.В. Великое путешествие : в 3 кн. Кн. 2. По маршруту Мастера. Т. 2. –Москва : МЦР, 2000. – 544 с.
- Шапошникова Л.В. Великое путешествие : в 3 кн. Кн. 3. Вселенная Мастера. – Москва : МЦР, 2005. – 1088 с.
- Шапошникова Л.В. Врата в будущее // Рерих Н.К. Листы дневника : в 3 т. – Москва : МЦР, 1995. – Т. 1. – С. 5–32.
- Шапошникова Л.В. Град Светлый. – Москва : МЦР, 1998б. – 192 с.
- Шапошникова Л.В. Дороги джунглей. – Москва : МЦР, 2016. – 368 с.
- Шапошникова Л.В. Земное творчество космической эволюции. – Москва : МЦР : Мастер-Банк, 2011. – 952 с.
- Шапошникова Л.В. Исторические и культурные особенности нового космического мышления // Объединенный научный центр проблем космического мышления. – Москва, 2005. – С. 5–41.
- Шапошникова Л.В. Книга-предупреждение // Учение Живой Этики. Община. – Москва, 1997. – С. 7–45.
- Шапошникова Л.В. Метаисторическая живопись Н.К. Рериха. – Москва : МЦР, 2013. – 448 с.
- Шапошникова Л.В. Николай Рерих. – Москва : Молодая гвардия, 2024. – 384 с.
- Шапошникова Л.В. Огненное творчество космической эволюции // Рерих Е.И. У порога Нового Мира. – Москва, 2000. – С. 5–40.
- Шапошникова Л.В. От Алтая до Гималаев: По маршруту Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха : фотоальбом. – Москва : МЦР, 1998в. – 336 с.
- Шапошникова Л.В. Послание грядущей эволюции // Рерих Н.К. Шамбала. – Москва : МЦР, 1994. – С. 5–24.
- Шапошникова Л.В. Сожжение тьмы. – Москва : МЦР, 2014. – 296 с.
- Шапошникова Л.В. Тернистый путь Красоты. – Москва : МЦР : Мастер-Банк, 2001. – 416 с.
- Шапошникова Л.В. Ученый, мыслитель, художник. – Москва : МЦР, 2006а. – 192 с.
- Шапошникова Л.В. Философия космической реальности // Листы Сада Мории. Книга первая. Зов. – Москва : МЦР : Мастер-Банк, 2003. – С. 5–165.
- Шапошникова Л.В. Этическая философия космической эволюции // Держава Рерихов: статьи и выступления : в 2 т. Т. 1. – Москва : МЦР : Мастер-Банк, 2006б. – С. 222–241.
- Шарден Тейяр де. Божественная среда. – Москва : Ренессанс СП, ИВО-СиД, 1992. – 311 с.
- Шишин М.Ю. Ноосфера, культура, культурный ландшафт. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2003. – 233 с.
- Шор Ю.М. Культура как переживание. – Санкт-Петербург : С.-Петербург. гуманитар.ун-т профсоюзов, 2003. – 218 с.
- Щибри О.Ю. Прецедентный текст как уникальная единица концептосферы текста // Культурная жизнь Юга России. – 2011. – № 37(41). – С. 56–58.
- Яковleva E.C. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – Москва, 1994. – 343 с.

- Японцы вытеснили американскую экспедицию // Рассвет. – 1935. – 20 июня.
- Blue blood, red blood. How does the color of an emotional scene affect visual attention and pupil size? / Pilarczyk J., Kuniecki M., Wołoszyn K., Sterna R. // Vision Research 171. – 2020. – P. 36–45.
- Ceng Yi Li. New Grasses from Peling Miao, Sujuan Province, China // Journal of the Washington Academy of Sciences. – 1938. – N 28. – P. 307.
- Colour Design. Theories and Applications / ed. Janet Best. – Woodhead Publishing, 2012. – 672 p.
- Gallarte Israel Muñoz. The colors of the souls // Plutarch in the religious and philosophical discourse of late antiquity / edited by Lautaro Roig Lanzillotta, Israel Muñoz Gallarte. Papers from the XI Congress of the International Plutarch Society held June 2010. – Danver, 2012. – P. 235–247. – (Ancient Mediterranean and medieval texts and contexts ; volume 14).
- Griber Y.A., Mylonas D., Paramei G.V. Objects as culture-specific referents of color terms in Russian // Color Research & Application. – 2018. – N 43 (6). – P. 958–975. – URL: <https://doi.org/10.1002/col.22280> (дата обращения: 15.05.2023).
- Hanson A.R. What is color? // Colour Design. Theories and Applications / ed. Janet Best. – Woodhead Publishing, 2012. – P. 3–21. – URL: <http://dx.doi.org/10.1016/B978-0-08-101270-3.00001-1> (дата обращения: 20.06.2023).
- Hartberg Yasha M., Wilson D.S. Sacred text as cultural genome: an inheritance mechanism and method for studying cultural evolution // Religion, Brain & Behavior. – 2017. – N 7. Vol. 3. – P. 178–190. DOI: 10.1080/2153599X.2016.1195766
- Journal of Urusvati Himalayan research Institute. Vol. 1–3. – 1931–1933.
- Kilner W.J. The Human Atmosphere (the Aura). – London : Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd. ; New York : E.P. Dutton & Co., 1920. – 330 p.
- Mikellides B. Colour psychology: The emotional effects of colour perception // Colour Design. – 2012. – P. 3–21. – URL: <http://dx.doi.org/10.1016/B978-0-08-101270-3.00001-1> (дата обращения: 24.05.2023).
- Miller K. Mappae mundi. Die ältesten Weltkarten. – Stuttgart, 1895–1896.
- Museum Bestows Honor of Manchukuo Emperor // The New York Times. – 1934. – 27th June.
- Notovich N. La vie inconnue de Jésus Christ. – Paris : Paul Ollendorff, 1894. – 336 c.
- Roerich G. Animal stile among the nomad tribes of Northern Tibet. – Prague : Seminarium Kondakovianum, 1930. – 41 p.
- Roerich G. Studies in the Kalacakra // J. of Urusvati Himalayan Res.Inst. – 1932. – Vol. 2. – P. 11–22.
- Roerich G. Tibetan painting. – Paris : Geuthner, 1925. – 95 p.
- Roerich G. Trails to Inmost Asia: Five years of exploration with Roerich Central Asian Expedition / Preface L. Marin. – New Haven : University Press, 1931. – 504 p.
- Roerich N. Adamant. – New York : Corona Mundi, 1922. – 122 p.
- Roerich N. Altai–Himalaya: A Travel Diary. – New York : F.A. Stokes Co., 1929. – 407 p.
- Roerich N. Himavat: Diary Leaves. – Allahabad : Kitabistan, 1946. – 349 p.
- Roerich N. Shambala. – New York : Stokes, 1930. – 316 p.
- Roerich N. The new Banner of Peace // The Rosicrucian Digest. – November.

Sutton T.M., Altarriba, J. Color associations to emotion and emotion-laden words: A collection of norms for stimulus construction and selection // Behavior Research Methods. – 2016. – N 48(2). – P. 686–728. – URL: <https://doi.org/10.3758/s13428-015-0598-8> (дата обращения: 26.05.2023).

Unifying research on colour and emotion: Time for a cross-cultural survey on emotion associations with colour terms / Mohr C., Jonauskaite D., Dan-Glauser E.S., Uuskula M., Dael N. // Progress in colour studies: Cognition, language, and beyond / L.W. Mac-Donald, C.P. Biggam, & G.V. Paramei (Eds.) – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2018. – P. 209–222. – URL: <https://doi.org/10.1075/z.217.11moh> (дата обращения: 25.05.2023).

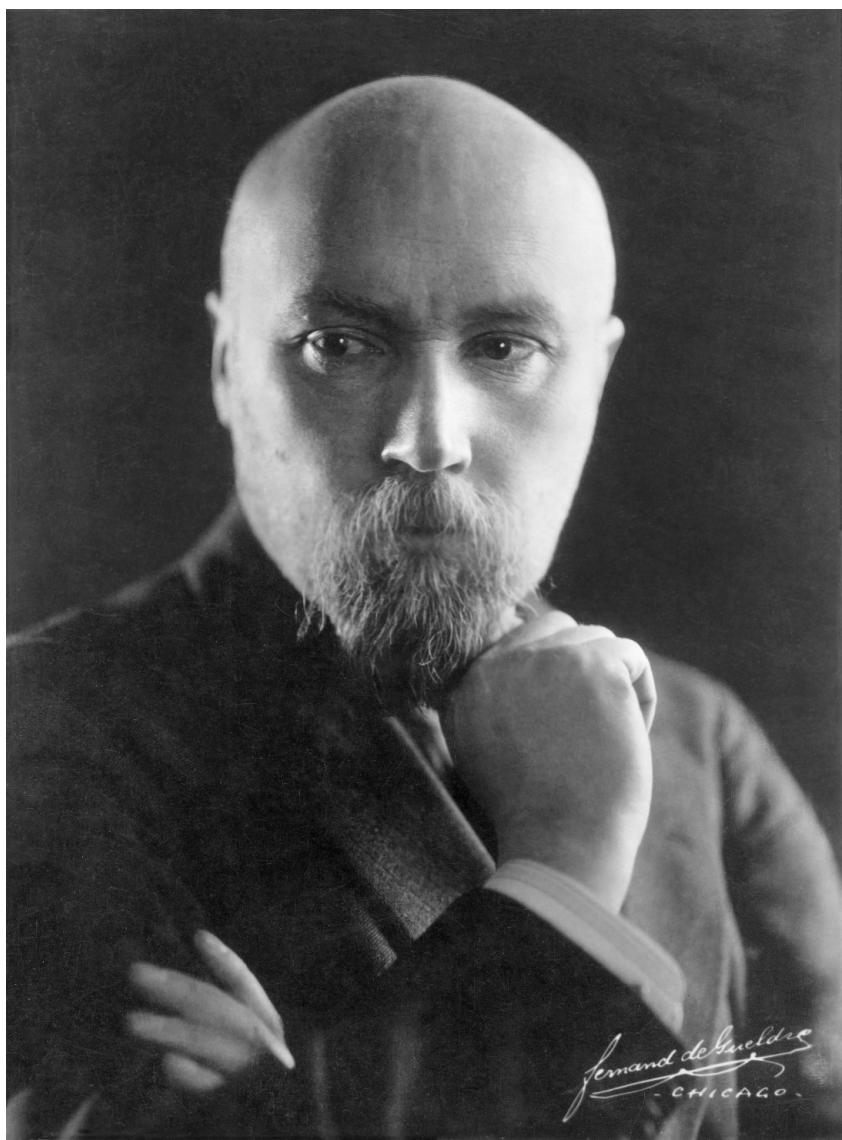
What color do you feel? Color choices are driven by mood / Jonauskaite D., Althaus B., Dael N., Dan-Glauser E., Mohr C. // Color Research & Application. – 2019. – N 44(2). – P. 272–284. URL: <https://doi.org/10.1002/col.22327> (дата обращения: 23.04.2023).

Архивные материалы

- Александр I – Н.К. Рериху. Письмо от 30.09.1930 // Отдел рукописей (ОР) МЦР. Ф.1. Оп. 5-1. № 212. Л.2.
- Александр I – Н.К. Рериху. Телеграмма от 25.04.1932 // ОР МЦР. Ф.1. Оп. 5-1. № 212. Л.5.
- Вырезка из японской газеты. [Май 1934] / Amherst Centre for Russian Culture. Roerich collection. Box 3, folder 70. Пер. с яп. Ю. Минаковой.
- Грамматчиков Н.В. О Н.К. // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 2. Д. № 190.
- Грант Ф. Письма Е.И. Рерих // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 5-2. Д. № 209.
- Грант Ф. Письма Н.К. Рериху // ОР МЦР. Ф. 1 Оп. 5-1. Д. № 296.
- Лихтман (Фосдик) З.Г. Дневник // Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.
- Лихтман (Фосдик) З.Г. Письма Е.И. и Н.К. Рерихам // ОР МЦР. № 2227.
- Лихтман (Фосдик) З.Г. Письма Н.К. Рериху. 1934–1935 гг. // Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.
- Лихтман Э. Письмо Ф.Д. Рузвельту от 04.03.1943. Копии из архива Рузвельта // Frances R. Grant Papers. Special Collections and University Archives, Rutgers University Libraries. Box 15, folder 25.
- Лихтман Э. Письмо Ф.Д. Рузвельту от 29.04.1942. Копии из архива Рузвельта // Frances R. Grant Papers. Special Collections and University Archives, Rutgers University Libraries. Box 15, folder 25.
- Маггофин Р. Письма Н.К. Рериху // ОР МЦР. №5257. Л.3.
- Макмиллан К. Письмо Н.А. Райерсону от 17.08.1934 // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 7. Д. № 277.
- Макмиллан Х.К. Письмо Н.А. Райерсону от 20.07.1934 // ОР МЦР. Ф.1. Оп. 4. Д. № 448.
- Материалы Третьей конференции Пакта Рериха // ОР МЦР. № 8753.
- Москов Е.А. Письмо Е.И. Рерих // ОР МЦР. №1498. Л. 1.
- Отчет Специального комитета Совета Пан-Американского союза о Пакте Рериха / Материалы Третьей конференции Пакта Рериха // ОР МЦР. № 8753.
- Официальное письмо Госдепартамента США от 5 июля 1934 г. // ОР МЦР, Ф. 1. Оп. 4. Д. № 384.
- Очиров Р. Расписки от 13.12.1934, 26.01.35, 26.01.1935 // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 4. Д. №411. Л. 6, 8, 9.
- Переписка Г. Уоллеса и К. Холла // Отдел рукописей МЦР. Ф. 1. Оп. 4. № 10986.
- Райерсон Н.А. Письмо генеральному консулу США в Токио от 5.05.1934 // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 4. Д. № 450.

- Результаты Третьей Международной Конвенции Пакта и Знамени Мира Рериха // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 4. № 3535.
- Рерих В.К. Письмо неизвестному лицу от 27.01.1935 // ОР МЦР. Ф.1. Оп. 4. Д. № 485. Л. 1.
- Рерих Е.И. Письмо американским сотрудникам от 02.01.1935 // Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. В экземпляре письма, хранящемся в ОР МЦР, окончание фразы вычеркнуто и потому не опубликовано.
- Рерих Н.К. [Основные события Маньчжурской экспедиции] // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 4. Д. № 525. Л. 1.
- Рерих Н.К. Письма американским сотрудникам // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 5-1. Д. № 190.
- Рерих Н.К. Письма американским сотрудникам // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 5-1. Д. № 161.
- Рерих Н.К. Письмо американским сотрудникам от 26.11.1934 // Архив Музея Рериха в Нью-Йорке.
- Рерих Н.К. Письмо в Департамент сельского хозяйства США от 28.08.35 // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 4. Д. № 483.
- Рерих Н.К. Письмо Комитету «Утверждения» от 27.08.1935 // Архив Музея Рериха в Нью-Йорке.
- Таубе М.А. Письма Н.К. Рериху // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 4. № 8075.
- Телеграмма Л. Хорша Е.И. Рерих от 9.06.1935 // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 5-2. Д. № 412.
- Уоллес Г. Письма // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 4. Д. № 377.
- Экспедиция Н.К. Рериха в 1934–1935 годах. По воспоминаниям участника экспедиции Н.В. Грамматчикова. Запись беседы А. Анненко // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 4. Д. № 72.
- Эйнштейн А. Письмо от 30.10.1933 // Отдел рукописей МЦР. Ф.1. Оп. 4. № 7183. Л. 5.
- Amherst Centre for Russian Culture (ACRC). Roerich collection. Box 3, Box 4.
- Beluha Corporation [business project]. 1924 // Amherst Centre for Russian Culture. Roerich collection. Box 4.
- Bressman Earl Norman. Letter to K. Bennett // NARA in Washington, DC. Records Relating to the Roerich Expedition, compiled 1934–1937. ARC Identifier 1616665 / MLR Number PI66 18. Series from Record Group 54: Records of the Bureau of Plant Industry, Soils, and Agricultural Engineering, 1853 – 1977. Box 2.
- Faymonville Philip Ries. Letter 20.08.1935 // National Archive in Washington, DC. Records Relating to the Roerich Expedition, compiled 1934–1937. ARC Identifier 1616665 / MLR Number PI66 18. Series from Record Group 54: Records of the Bureau of Plant Industry, Soils, and Agricultural Engineering, 1853–1977. Box 2.
- Frances R. Grant Papers // Special Collections and University Archives, Rutgers University Libraries. Box. 14. Fail 74.
- Frances R. Grant Papers // Special Collections and University Archives, Rutgers University Libraries. Box 15. Fail 56.
- Frances R. Grant Papers // Special Collections and University Archives, Rutgers University Libraries. Box. 14. Fail 82.
- Frances R. Grant Papers // Special Collections and University Archives, Rutgers University Libraries. Box 14. Fail 78.

- [Horch L.] Special Memo // Amherst Centre for Russian Culture. Roerich collection. Box 3, folder 1.
- Hull Cordell. Telegramm. 05.02.1936 // NARA in Washington, DC. Records Relating to the Roerich Expedition, compiled 1934–1937. ARC Identifier 1616665 / MLR Number PI66 18. Series from Record Group 54: Records of the Bureau of Plant Industry, Soils, and Agricultural Engineering, 1853–1977. Box 2. File «Correspondence 16.03.1934–15.08.1935».
- Memorandum for General Watson. 23.08.1940. Копии из архива Рузвельта // Frances R. Grant Papers. Special Collections and University Archives, Rutgers University Libraries. Box 15, folder 21.
- Phillips. Telegramm. 01.06.1934 // NARA in Washington, DC. Records Relating to the Roerich Expedition, compiled 1934–1937. ARC Identifier 1616665 / MLR Number PI66 18. Series from Record Group 54: Records of the Bureau of Plant Industry, Soils, and Agricultural Engineering, 1853–1977. Box 2.
- [Roerich G.] Activity report for the period May-June 1934 // NARA in Washington, DC. Records Relating to the Roerich Expedition, compiled 1934–1937. ARC Identifier 1616665 / MLR Number PI66 18. Series from Record Group 54: Records of the Bureau of Plant Industry, Soils, and Agricultural Engineering, 1853–1977. Box 2. File «Correspondence 16.02.1934–15.08.1935».
- Roerich N. Letter to H. Wallas 1.10.1934 // NARA in Washington, DC. Records Relating to the Roerich Expedition, compiled 1934–1937. ARC Identifier 1616665 / MLR Number PI66 18. Series from Record Group 54: Records of the Bureau of Plant Industry, Soils, and Agricultural Engineering, 1853–1977. Box 3.
- Two-year grass exploration ended; government now testing hundred of plants (Press release). 27.09.1935 // NARA in Washington, DC. Records Relating to the Roerich Expedition, compiled 1934–1937. ARC Identifier 1616665 / MLR Number PI66 18. Series from Record Group 54: Records of the Bureau of Plant Industry, Soils, and Agricultural Engineering, 1853–1977. Box 1. Folder 1.
- Walker S. The New Deal, The Guru, and Grass: The Roerich Expedition to Asia, 1934–1936 // OP МЦР. Ф. 1. Оп. 4. Д. № 528. Л. 14.

Н.К. Перих. Чикаго. 1921

Елена Ивановна и Николай Константинович Перихи. 1903–1904

Е.И. Рерих. 1930-е

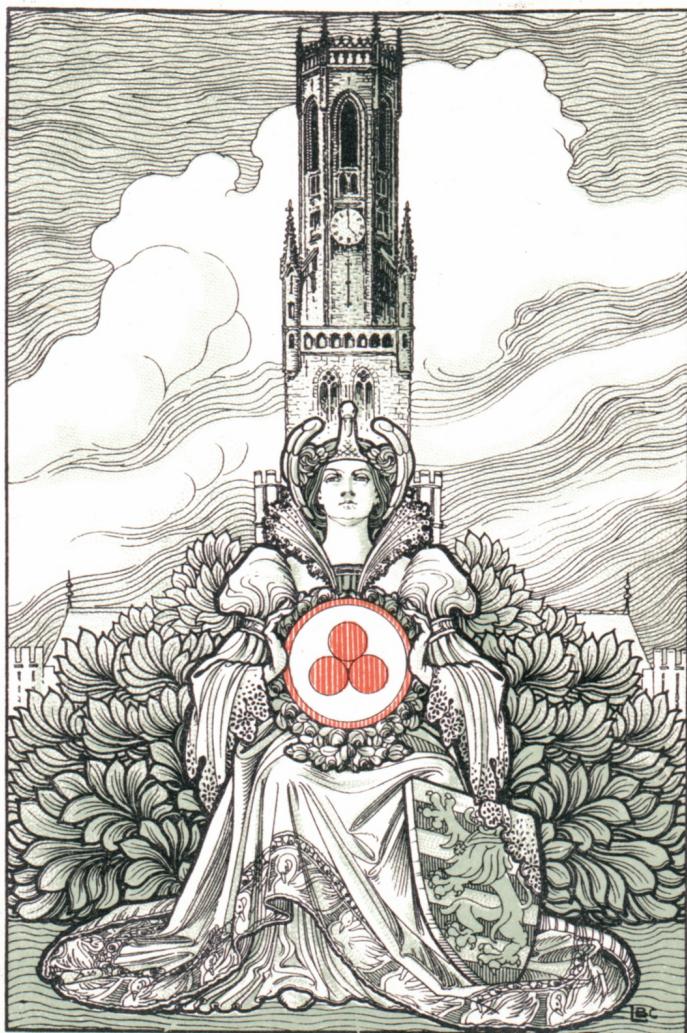

Н.К. Перих. Мадонна Орифламма. 1932

EXHIBITION OF THE OLD ART TOWNS -- AUSSTELLUNG DER ALDEN KUNSTSTÄDTE

EXPOSITION DES VILLES D'ART ANCIEN
TENTOONSTELLING DER OUDE KUNSTSTEDEN.

EXPOSICION DE CIUDADES DE ARTE ANTIGUA -- ESPOSIZIONE DELLE CITTE DELL' ARTE ANTICA

L. Beyaert. del.

BRUGES-BRUGGE

JUILLET-OCTOBRE 1932

Почтовая открытка «Выставка исторических городов» Брюгге.
1932

Н.К. Перих. Pax Cultura. 1931

Н.К. Перих. Святая Покровительница (Sancta Protectrix). 1933

Подписание Пакта Рериха в присутствии
президента США Ф. Рузвельта в Белом доме. 15 апреля 1935 г.

Карта Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха. 1924–1928

Е.И. Рерих и Ю.Н. Рерих в Центрально-Азиатской экспедиции

Н.К. Перих в Центрально-Азиатской экспедиции

Н.К. Рерих. Знамя Грядущего. 1925

Н.К. Рерих. Тангла. 1945

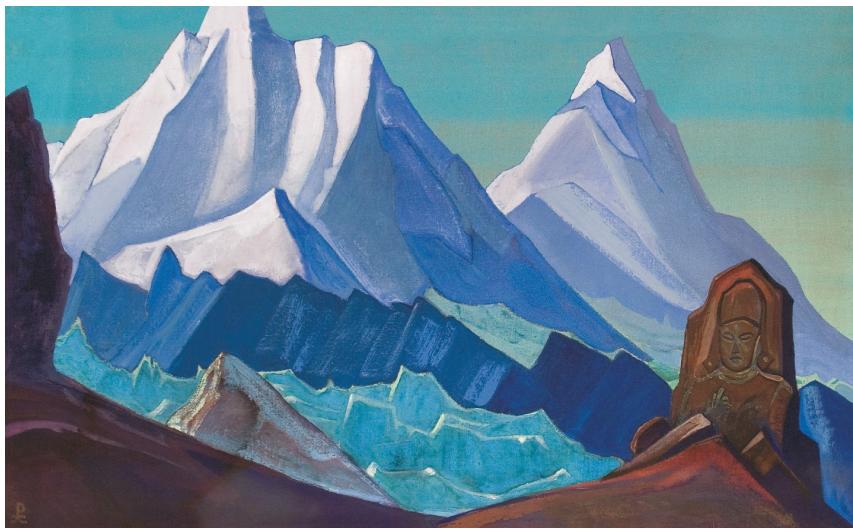
Prepared for Mr. D. A. Doran,
at the request of Secretary
Wallace, for use in connection
with the De Roerich matter.

Returned to Mr. Richey's
office by Miss Huss, Personal
Secretary to Secretary Wallace,
September 16, 1936.

Карта Маньчжурской экспедиции. National Archive in Washington, DC. Records Relating to the Roerich Expedition, compiled 1934 – 1937

Н.К. Рерих в Маньчжурской экспедиции

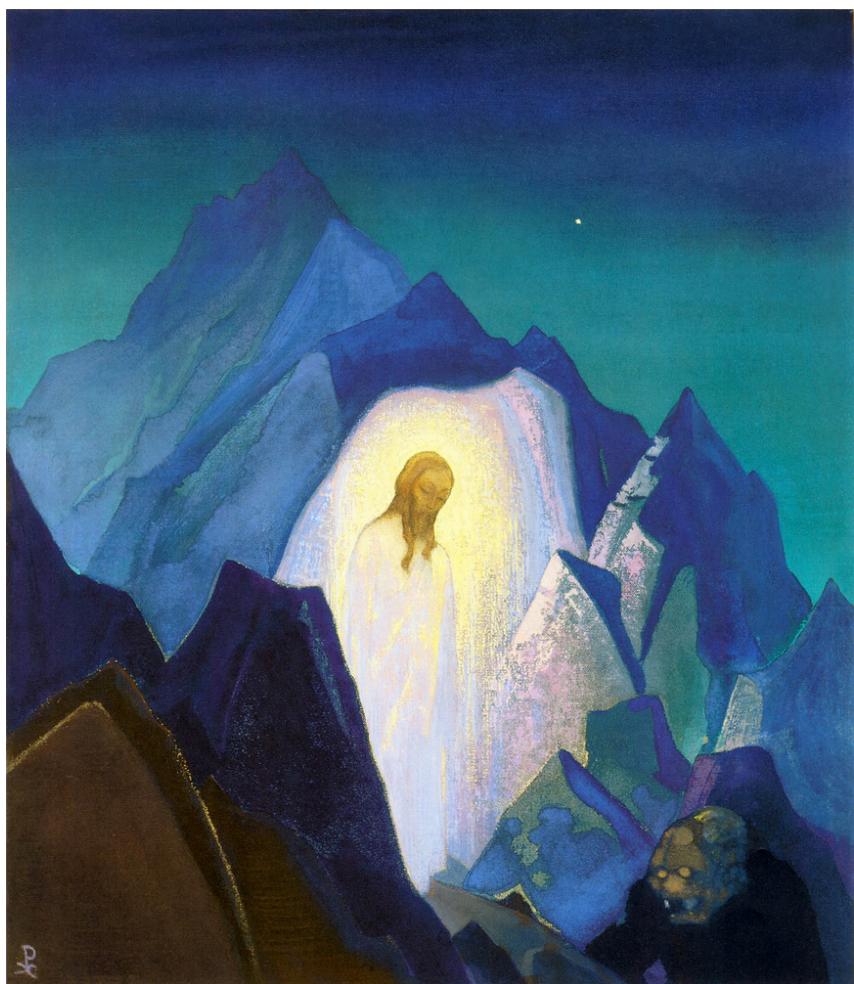
Н.К. Рерих. Майтрея. 1932

Н.К. Рерих. Майтрея Победитель. 1927

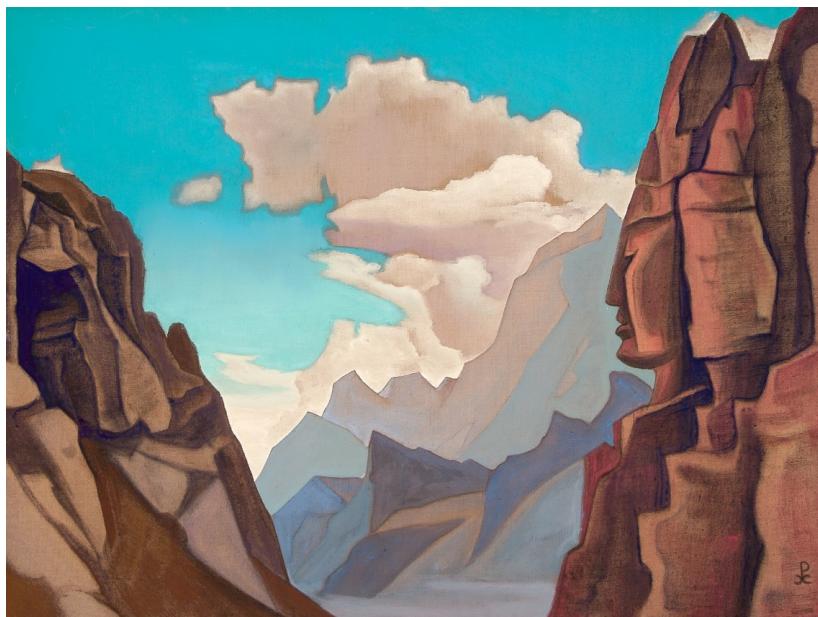
Н.К. Рерих. Нагарджа – победитель Змия. 1927

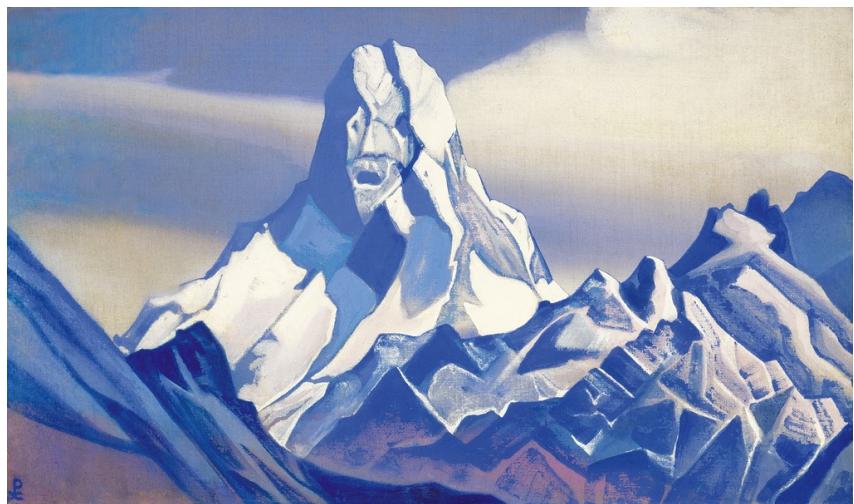
Н.К. Рерих. Христос в пустыне. 1933

Н.К. Рерих. Скалы Лахуля (Знаки Гесэра). 1935

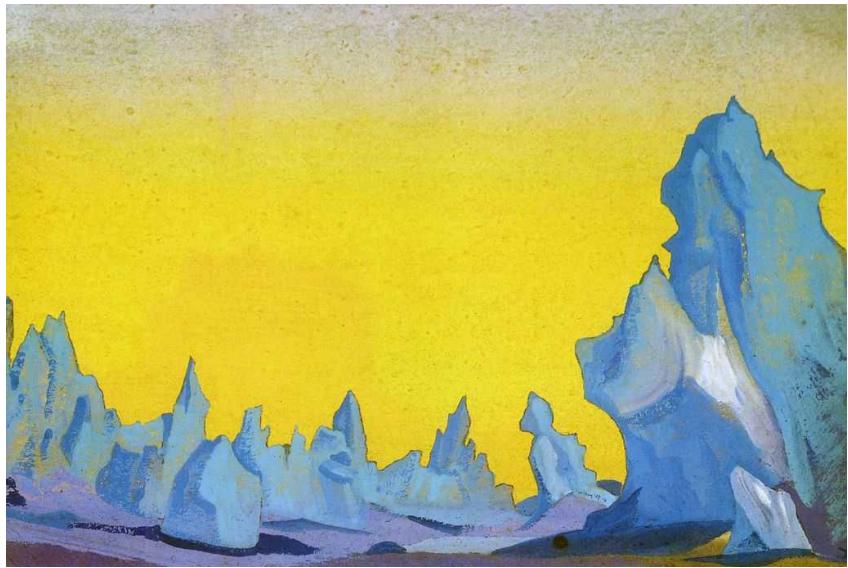
Н.К. Рерих. Великий Дух Гималаев. 1934

Н.К. Рерих. Ледяной сфинкс. 1938

Н.К. Рерих. Розовые горы. 1933

Н.К. Рерих. Гималаи [Каюшиеся льды]

Н.К. Рерих. Сергиева Пустынь. 1936

Н.К. Рерих. Сергиева Пустынь. 1933

Н.К. Рерих. И мы открываем врата. 1922

Н.К. Рерих. Сергий Радонежский. 1932

О.А. Лавренова

**НИКОЛАЙ ПЕРИХ:
ПУТЬ К ВЕРШИНАМ**

На обложке: С.Н. Перих. Портрет Н.К. Периха, 1938 г.,
взято из открытых источников Интернета:
URL: gallery.facets.ru/show.php?id=2260&setSize=8

Все фото и репродукции взяты
из открытых источников Интернета

Оформление обложки С.И. Евстигнеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка Л.Н. Синякова
Корректор В.И. Чеботарева

Подписано к печати 26 / VII – 2024 г.
Формат 60x84/16 Бум. офсетная № 1
Усл. печ. л. 15,7 Уч.-изд. л. 14,8
Тираж 300 (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ №

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»,
109316, г. Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6